Рисунок Б. Кустодиева, 1924 г.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ
Институт истории СССР

Ю. А. ПОЛЯКОВ

СОВЕТСКАЯ СТРАНА ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ: территория и население

МОСКВА
«НАУКА»
1986

В монографии на основе разнообразных источников, а также подсчетов, осуществленных автором по собственной методике при помощи ЭВМ, исследуются изменения территории страны в 1918—1921 гг., создание и развитие советских республик и автономных областей, национальный и половозрастной состав населения, его социальная структура.

Рецензенты:

Я. Е. ВОДАРСКИЙ, А. И. КОЗЛОВ

Юрий Александрович Поляков

Советская страна после окончания гражданской войны: территория и население

Утверждено к печати Отделением истории АН СССР, Институтом истории СССР АН СССР

Редактор издательства Т. Д. Лосева
Художник О. В. Камаев
Художественный редактор С. А. Литвак
Технический редактор И. Н. Жмуркина
Корректор М. Ф. Сафонова

ИБ № 35885

Сдано в набор 03.07.86. Подписано к печати 27.10.86. А-04415. Формат 84×108[1]/32. Бумага типографская № 1. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Усл. печ. л. 14,91. Усл. кр. отт. 16,17. Уч.-изд. л. 17,3. Тираж 2450 экз. Тип. зак. 633. Цена 2 р. 10 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»
117864, ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

П $\frac{0505030102-427}{042(02)-86}$ КБ-22-2-86

ВВЕДЕНИЕ

«И что была тогда Россия?» — этими словами Н. М. Карамзина [1], хотя и относящимися, разумеется, к другому времени, можно определить содержание предлагаемой вниманию читателя монографии. Она посвящена географо-демографической характеристике Советской страны во время, когда кончалась гражданская война и начинался переход к мирному строительству. Она рассказывает о том, «что была тогда Россия», что представляли из себя советские государственные образования, возникшие на территории бывшей Российской империи, какие изменения произошли в самой территории и в составе населения страны за предшествующие годы.

Для того чтобы объективно освещать исторические процессы, чтобы всесторонне показать условия, в которых происходило социалистическое строительство, историку необходимо обладать точными, научно обоснованными данными о территории и населении страны на различных этапах этого строительства. Это важно и необходимо, в частности, применительно ко времени Великой Октябрьской социалистической революции и к периоду перехода к мирному строительству — началу 20-х годов.

Сразу же следует заметить, что слова «географо-демографическая характеристика» отнюдь не дают полного представления о содержании книги. Дело в том, что географо-демографические параметры неразрывно связаны с параметрами социально-экономическими и политическими. И хотя в книге нет — или почти нет — специального рассмотрения вопросов, касающихся революционных социальных преобразований, экономического положения, общественно-политической системы, эти вопросы возникают неизбежно, ибо без них невозможно описание и понимание любой стороны жизни пореволюционной России.

В книге идет речь о времени, наступившем после империалистической войны 1914—1918 гг., после Великой

---

[1] *Карамзин Н. М.* История государства Российского. СПб., 1853, Т. 12. С. 338.

ЧИСЛЕННОСТЬ, РАЗМЕЩЕНИЕ, ПОЛОВОЗРАСТНОЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ

1. Общая численность населения. Потери военных лет

Вопрос, «сколько нас было» в начале 20-х годов, совсем не прост. На него трудно ответить однозначно. Видимо, обязательно следует рассмотреть и сопоставить данные о населении России за предыдущие годы со сведениями о потерях населения в империалистической и гражданской войнах. А эти сведения не только многообразны, но и весьма противоречивы. Видный советский демограф Б. Ц. Урланис справедливо отмечал, что «вряд ли в какой-либо другой области статистики наблюдается такой разнобой в данных, как в статистике людских потерь во время войн» [1].

Помимо трудностей общего порядка на состоянии статистической базы в первые послереволюционные годы негативно сказались и перестройка системы демографического учета, и характер гражданской войны, непосредственно затронувшей большинство районов страны. Фактом является то, что статистические данные, относящиеся к 1917—1923 гг., страдают существенными недостатками и могут использоваться с большими оговорками при обязательном критическом подходе.

Рассмотрим конкретнее основные источники о народонаселении России и специфические сложности демографической статистики того времени.

Важным источником является перепись 1917 г. Значительная часть ее материалов давно опубликована [2]. Часть материалов была обработана в 60-е годы [3]. Изуче-

[1] *Урланис Б. Ц.* Война и народонаселение Европы. М., 1960. С. 13.
[2] Поуездные итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. по 57 губерниям и областям. М., 1923.
[3] *Гапоненко Л. С., Кабузан В. М.* Материалы сельскохозяйственных переписей 1916—1917 гг. как источник определения численности населения России накануне Октябрьской революции // История СССР. 1961. № 6. Л. С. Гапоненко, В. М. Кабузан и Т. Ф. Кузьмина подготовили также документальную публикацию по этим вопросам. См.: Ист. арх. 1962. № 5.

Р. С. Ф. С. Р. Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ТРУДЫ ЦЕНТРАЛЬНОГО СТАТИСТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ
Том VIII. Выпуск I.

СТАТИСТИЧЕСКИЙ ЕЖЕГОДНИК

1918—1920 гг.

Выпуск первый.

Prolétaires de tous les pays, unissez-vous!

TRAVAUX DE L'ADMINISTRATION CENTRALE DE STATISTIQUE
Tome VIII. Livraison 1.

ANNUAIRE STATISTIQUE

1918—1920.

Livraison première.

МОСКВА. — MOSCOU.
1921

ние материалов переписи 1917 г. (включая и неопубликованные, хранящиеся в архивах массивы) полезно и перспективно. Однако материалы этой переписи не охватывают страны в целом, условия войны отразились на точности данных, а в определении национального состава ее сведения имеют те же дефекты, что и вся дореволюционная статистика.

Перепись 1920 г. также, к сожалению, не может быть названа в ряду основополагающих источников [4], хотя ее материалы, несомненно, должны приниматься во внимание.

Перепись проводилась в августе 1920 г., когда шла война с буржуазно-помещичьей Польшей, когда Врангель еще занимал Крым и Северную Таврию, когда в Грузии и Армении существовали контрреволюционные правительства, а значительные территории Дальнего Востока находились под властью интервентов и белогвардейцев, когда в разных концах страны действовали националистические и кулацкие банды. Фронтовые и прифронтовые районы были недоступны для работников переписи, а многие из них погибли. Почти 30 % населения остались не учтенными этой переписью [5], и население большинства окраинных территорий было исчислено по дореволюционным сведениям. Перепись 1920 г. имела существенные недостатки и в определении национального состава населения.

Применительно к первым послереволюционным годам исследователь практически может использовать данные текущей статистики лишь в незначительной степени. Сведения о естественном движении населения могут быть признаны достоверными и надежными лишь с середины 20-х годов, когда уже появились соответствующие материалы по стране в целом, по РСФСР, по отдельным регионам [6]. Однако по более ранним годам (особенно 1917—

[4] Это соображение касается исчисления населения страны в целом и не относится к тем данным, которые дала перепись по хозяйственному положению, социальной структуре и другим вопросам, касающимся крестьянства. Эти данные представляются исключительно ценными.

[5] Подробнее о переписи 1920 г., ее программе и т. д. см.: *Киселева Г. П., Кваша А. Я.* О чем рассказывают переписи населения. М., 1983. С. 28—30.

[6] Естественное движение населения Союза ССР, 1923—1925 гг. М., 1928; Естественное движение населения Союза ССР в 1926 г. М., 1929; Естественное движение населения РСФСР за 1926 год. М., 1928; Естественное движение населения в Сибкрае за 1925—1927 гг. Новосибирск, 1930 и др.

Р. С. Ф. С. Р. Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ТРУДЫ ЦЕНТРАЛЬНОГО СТАТИСТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ
Том VIII. Выпуск 2.

СТАТИСТИЧЕСКИЙ ЕЖЕГОДНИК

1918—1920 гг.

Выпуск второй.

С присоединением сведений за 1921 г. по промышленности и внешней торговле.

Prolétaires de tous les pays, unissez-vous!

TRAVAUX DE L'ADMINISTRATION CENTRALE DE STATISTIQUE de la RUSSIE.
Tome VIII. Livraison 2.

ANNUAIRE STATISTIQUE

1918—1920.

Livraison deuxième

Avec les renseignements sur l'industrie et le commerce exterieur pour 1921.

1920 гг.) сведения не могут быть признаны ни достоверными, ни достаточными. Это связано как с условиями гражданской войны, временной оккупацией значительных территорий страны интервентами и белогвардейцами, так и с трудностями создания загсов, которые в большинстве сельских местностей были созданы лишь в начале 20-х годов [7].

Известный демограф 20-х годов Л. И. Лубны-Герцык еще в 1926 г. «по горячим следам» констатировал: «. . .за целый ряд лет — в городах за 1918, 1919 и частью 1920 г., а в сельских местностях за еще больший промежуток времени — мы не имеем полных сведений» [8]. Он приводил ряд данных, заимствованных из местных статистических сборников, изданных в Петрограде, Череповце, Саратове, Харькове, в Кубано-Черноморье, на Дону, свидетельствующих о трудностях и слабостях в деле учета естественного движения населения [9].

Это произошло прежде всего в результате коренной ломки старого способа регистрации актов гражданского состояния в связи с заменой прежней, церковной системы новой, гражданской. Некоторое время параллельно существовали старая и новая системы регистрации. Это обстоятельство не раз констатировалось руководителями статистического дела. Так, заведующий отделом демографии ЦСУ В. Г. Михайловский в октябре 1918 г. говорил: «Полученные сведения с мест дают картину хаоса в регистрации актов гражданского состояния» [10]. Руководитель ЦСУ П. И. Попов на заседании коллегии ЦСУ в апреле 1919 г. признал: «Дело окружных и местных отделов регистрации актов гражданского состояния и организации правильного функционирования их до сих пор поставлено крайне неудовлетворительно» [11].

Другой представитель ЦСУ в 1920 г. констатировал: «Органы гражданской регистрации созданы далеко не повсеместно и в крайне недостаточном количестве, не более 40 % необходимого количества; записи часто не

[7] Естественное движение населения Союза ССР, 1923—1925. С. V—VII.

[8] *Лубны-Герцык Л. И.* Движение населения на территории СССР за время мировой войны и революции. М., 1926. С. 30.

[9] Там же. С. 81—82.

[10] Цит. по: *Дробижев В. З.* Организация учета естественного движения населения СССР в 1917—1926 гг. // Вестн. МГУ. Сер. 8, История. 1978. № 3., с. 30.

[11] Там же.

полны. . . Статистики естественного движения населения не существует» [12].

К этому можно добавить, что неполнота записей была не единственным их недостатком. Записи часто были элементарно неграмотны, что затрудняло, например, определение причин смерти. Один из дальневосточных статистиков писал по этому поводу: «В записях нередко можно встретить самые невероятные с медицинской точки зрения диагнозы: „умер от пяток“, „от ноги“, „от жару“, „от кашля в легких“» [13].

Состояние учета данных о естественном движении населения характеризует и такой факт, подмеченный Л. Лубны-Герцыком. Данные регистрации смертей в сельской местности применительно к 1918—1922 гг. оказываются более полными и достоверными, чем данные о рождениях. Почему? Потому что для похорон требовалось разрешение, которое выдавалось лишь после регистрации смерти в загсе [14]. А дети рождались без разрешения и без соответствующих справок, и родители часто отмечали ребенка лишь в церкви при крещении. В городах, напротив, новорожденных иногда регистрировали дважды, в разных загсах, в целях получения в двойном размере материальной помощи, предоставлявшейся роженицам [15].

Объективно обусловленные недостатки в материалах переписей и текущего учета породили при определении численности населения России существенные различия в научной литературе. Цифровой разнобой, достигающий 30 млн человек, усугубляется к тому же и различными территориальными критериями. В одних случаях берутся данные по территории Российского государства в предвоенных (1914 г.) границах, в других — по территории в границах, установившихся в 1920—1921 гг. и существовавших до 1939 г., в третьих — по территории в современных границах с ретроспекцией на 1917 и 1914 гг. Исчисления проводятся иногда с включением Финляндии, Бухарского эмирата и Хивинского ханства, иногда без такого включения.

[12] Вестн. статистики. 1920. № 9/12. С. 156.

[13] Цит. по: *Дробижев В. З.* Организация учета. . . С. 31.

[14] *Лубны-Герцык Л. И.* Указ. соч. С. 109.

[15] Этот факт был выяснен Московским городским статистическим бюро. Количество повторных регистраций в 1919—1921 гг. в Москве достигало 14,6 % (Красная Москва, 1917—1920 гг. М., 1920. С. 67).

Мы не приводим данные о населении в 1913—1921 гг., исчисленные по территории в современных границах. Эти данные, важные для показа динамики роста населения в настоящее время, неприменимы в исторических исследованиях, посвященных первой мировой войне, Октябрьской революции и гражданской войне. Эти данные говорят о населении на территории, которая существует ныне, но в 1913—1921 гг. во многом не соответствовала ни юридическим, ни фактическим границам России. Напомним лишь, что по этим данным население страны накануне первой мировой войны составляло 159,2 млн человек, а в начале 1917 г. — 163 млн.[16]

Альтернативный выбор территориальных критериев возможен, и определение территориальных вариантов не представляет принципиальных трудностей, не составляет научной проблемы. Однако существенные различия заметны и при сопоставлении адекватных территориальных вариантов. Отметим все же, что, на наш взгляд, во избежание путаницы и столь распространенных разночтений необходимо брать сопоставимые территории или по меньшей мере точно указывать, какой территориальный вариант имеется в виду. Это правило, к сожалению, не всегда соблюдается даже в весьма авторитетных изданиях. Это наглядно демонстрирует сборник материалов Всесоюзной переписи населения 1979 г.[17] Сборник указывает численность населения нашей страны за 1897, 1913, 1920, 1926, 1939, 1959, 1970, 1979 годы — без указания того, какая территория имеется в виду. Между тем из цифр очевидно, что территория несопоставима. Данные на 1939 г. приводятся по территории в границах 1940 г., далее — в современных границах, а по 1920 и 1926 гг. — в границах, существовавших с начала 20-х годов до сентября 1939 г.[18]

В другой авторитетной книге, подготовленной коллективом известных специалистов, дается таблица численности «населения нашей страны в современных границах». Но и здесь без труда можно определить, что данные на 1922 и 1926 гг. приводятся по территории не «в современных границах», а в границах 1921—1939 гг.[19]

Разница в определении численности довоенного, на конец 1913 г. или начало 1914 г., населения России в сопоставимых границах (установившихся в 1920—1921 гг. и существовавших до 17 сентября 1939 г.) доходит до 13 млн человек — от 132,8 млн до 145,7 млн.[20] Статистические сборники 60-х годов определяют численность населения России на это время в 139,3 млн человек [21].

Различные данные приводятся (применительно к территории в границах до 1939 г.) и на 1917, 1919, 1920 гг. Статистические сборники 60-х годов дают цифры в 143,5 млн человек на 1 января 1917 г.; 138,0 — на 1 января 1919 г.; 136,8 — на август 1920 г.[22]

В чем дело? И можно ли считать эти данные в должной мере научно обоснованными? Думается, что нет. Дело в том, что сами исходные данные для определения численности населения России в годы революции и гражданской войны страдают существенными недостатками. Данные дореволюционной статистики, как не раз констатировалось в литературе, противоречивы. Л. С. Гапоненко и В. М. Кабузан отмечали, в частности, несовершенство данных дореволюционного Центрального статистического комитета МВД, основанных на сведениях о рождаемости, смертности, межгубернских миграциях [23]. При определении национального состава населения дореволюционная статистика допускала серьезные ошибки, исходя только из языковой принадлежности. Между тем в масштабе страны разница в численности населения при определении национальности по родному языку или по собственному заявлению граждан (этот принцип принят современной статистикой с выделением родного языка в особую графу) весьма значительна. Ряд национальностей до революции совсем не учитывался.

Важность проблемы, научная и практическая потребность в определении численности населения страны, масштабы понесенных в 1914—1921 гг. потерь обусловили неослабевающий интерес ученых к этим вопросам. Определению численности населения страны в годы первой мировой войны, во время Октябрьской революции и граж-

[16] СССР в цифрах в 1977 г. М., 1978. С. 7.
[17] ЦСУ СССР. Численность и состав населения СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. М., 1985.
[18] Там же. С. 6.
[19] Население союзных республик. М., 1977. С. 6.

[20] *Вайнштейн А. Л.* Народное богатство и народнохозяйственное накопление в предреволюционной России. М., 1960. С. 450—457.
[21] Напр., см.: Народное хозяйство СССР в 1961 г.: Стат. ежегодник. М., 1962. С. 7.
[22] Там же. Л. М. Спирин определяет численность населения страны в 1920 г. в 134,2 млн человек (*Спирин Л. М.* Классы и партии в гражданской войне в России. М., 1968. С. 381).
[23] *Гапоненко Л. С., Кабузан В. М.* Указ. соч. С. 101.

данской войны посвящены многие демографические исследования начиная с 20-х годов [24].

Одним из наиболее основательных исследований является книга Е. З. Волкова «Динамика народонаселения СССР за 80 лет» (М., 1930). В 20-е годы появилось немало специальных работ о потерях России за годы войны, о влиянии эпидемий, о рождаемости и смертности, а также работ, исследующих естественное движение населения по отдельным регионам, губерниям, городам. Весьма важные подсчеты о людских потерях России в 1914—1920 гг. (в плане трудовых ресурсов) сделал в 1922 г. С. Г. Струмилин [25].

Определенный интерес представляла статья Г. М. Максимова «Движение и состав населения СССР» [26]. Основательный анализ данных о населении России накануне первой мировой войны осуществлен в упоминавшейся работе А. Л. Вайнштейна; Л. С. Каминский и С. А. Новосельский исследовали потери населения России в первой мировой войне [27].

Касались вопроса о населении страны в годы революции и гражданской войны, естественно, и авторы ряда общих и специальных работ о народонаселении России А. Я. Боярский, И. Ю. Писарев, А. Г. Рашин, Б. Ц. Урланис, Д. К. Шелестов [28] и др.

Источниковедческий анализ ряда статистических материалов произвел В. П. Данилов [29]. В конце 70-х годов

[24] Напр., см.: *Лубны-Герцык Л. И.* Указ. соч.: *Птуха М. В.* Население Киевской губернии. Киев, 1925.

[25] *Струмилин С. Г.* Наши трудовые ресурсы и перспективы // Хоз. стр-во, 1922. Вып. 2. Перепечатано в кн.: *Струмилин С. Г.* Проблемы экономики труда. М., 1957.

[26] *Максимов Г. М.* Движение и состав населения СССР // История СССР. 1961. № 1.

[27] *Каминский Л. С., Новосельский С. А.* Потери в прошлых войнах, 1756—1918. М., 1947.

[28] *Боярский А. Я.* К вопросу о естественном движении населения в России и в СССР в 1915—1923 гг. // Учен. зап. МЭСИ. 1948. Т. 1; *Рашин А. Г.* Население России за 100 лет. М., 1956; *Писарев И. Ю.* Народонаселение СССР: Соц.-экон. очерк. М., 1962; *Урланис Б. Ц.* Динамика населения России накануне Октября // Учен. зап. ВЗЭИ. 1957. Вып. 2; *Он же.* Войны и народонаселение Европы. М., 1960; *Он же.* Динамика населения СССР за 50 лет // Население и народное благосостояние: Сб. статей. М., 1968; *Он же.* Проблемы динамики населения СССР. М., 1974; *Шелестов Д. К.* Демография: История и современность. М., 1983 и др.

[29] *Данилов В. П.* Динамика населения СССР за 1917—1929 гг.: Опыт археографического и источниковедческого отбора данных для реконструкции демографического процесса // Археограф. ежегодник за 1968 год. М., 1970.

интересные статьи о естественном движении населения в 1917—1920 гг. написаны В. З. Дробижевым [30]. Полезный анализ статистических источников сделан И. Н. Киселевым [31].

Большой интерес проблемы народонаселения России в 1914—1920 гг. вызывали и вызывают за рубежом. Публиковались, в частности, работы о людских потерях России во время первой мировой войны [32]. Ряд публикаций принадлежит известным демографам А. и Е. Кулишерам [33].

Вопросов населения России во время революции и гражданской войны касаются авторы общих работ о демографии в мировом масштабе [34]. Затрагиваются эти сюжеты и в послевоенных работах [35].

[30] *Дробижев В. З.* Естественное движение населения Советской России в 1917—1920 гг. // Великий Октябрь: История, историография, источниковедение. М., 1978; *Он же.* Организация учета естественного движения населения СССР в 1917—1926 гг. // Вестн. МГУ. Сер. 8, История. 1978. № 3; *Он же.* Демографическое развитие Страны Советов (1917—середина 20-х годов) // Вопр. истории. № 4. 1986.

[31] *Киселев И. Н.* Статистические источники по движению населения СССР в 1920—1926 гг. // Социально-экономическое развитие советского общества: Проблемы историографии и источниковедения. М., 1982.

[32] *Golovine N. N.* The Russian Army in the World War. Carnegie Endowment for International Peace. Economic and Social History of the World War. Russian series. New Haven: Yale University Press, 1931; *Kohn St.* The Vital Statistics of European Russia During the World War, 1914—1917 // The Cost of the War to Russia. New Haven: Yale University Press, 1932; *Meyendorf A. F.* Social Cost of War // The Cost of the War to Russia. New Haven: Yale University Press, 1932.

[33] *Kulischer A.* La theorie des mouvements de peuples et la guerre civile en Russie // Revue internationale de sociologie. *32*, 1924; *Kulischer A., Kulischer E. M.* Kriegs und Wanderzüge: Weltgeschichte als Völkerbewegung. Berlin, 1932; *Idem.* The Displacement of Population in Europe. Montreal: International Labour Office, 1943; *Idem.* Europe on the Move: War and Population Changes, 1917—1947. New York, 1948.

[34] *Carr-Saunders A. M.* World Population: Past Growth and Present Trends. Oxford; The Clarendon Press, 1936; *Kuczynski R.* The Balance of Births and Deaths // Eastern and Southern Europe. Washington, 1931. Vol. VII; *Glass D. V., Grebenic E.* World Population, 1800—1950 // Cambridge Economic History of Europe. Vol. VI.

[35] *Heer D. M.* The Demographic Transition in the Russian Empire and the Soviet Union // Journal of Social History. Spring. 1968; *Lewis R. A., Leasure J. Wm.* Regional Population Changes in Russia and the USSR since 1851 // Slavic Review. N 4. Dec. 1966; *Idem.* Population Changes in Russia and USSR. A Set of Comparable

Работы буржуазных авторов, в том числе, разумеется, и белоэмигрантов, опираются преимущественно на советскую и дореволюционную русскую литературу, давая нередко неправильные оценки, а порой делая клеветнические выводы о причинах потерь, понесенных Россией в 1917—1920 гг. Даже те буржуазные ученые, которые гордятся своим объективизмом, предпочитают умалчивать об истинных причинах снижения численности населения России во время гражданской войны.

Характерна в этом отношении книга известного буржуазного демографа Ф. Лоримера. Этот основательный труд «Население Советского Союза: история и перспективы», изданный в Женеве под эгидой экономического, финансового и транспортного отдела Лиги наций [36], содержит солидную специальную главу, посвященную демографическим изменениям в годы первой мировой войны, революции и гражданской войны. Ф. Лоример опирается преимущественно на данные упомянутой выше книги Е. З. Волкова (которой дает высокую оценку), используя одновременно широкий круг русских и советских книг и источников, зарубежную литературу. Бесстрастное рассмотрение бесчисленных цифр и таблиц завершается сильным выводом: «В 1915—1923 гг. русский народ испытал наиболее катастрофические изменения (в численности. — *Ю. П.*) со времен монгольского нашествия в начале 13-го века» [37].

Делая этот вывод, Ф. Лоример ни слова не говорит о военной интервенции, о блокаде, которой западные державы подвергли Республику Советов, ни слова о всех тех причинах, которые вызвали разруху, голод, эпидемии в Советской России, что и лежало в основе снижения численности населения.

Рассмотрение имеющейся — достаточно обширной — литературы показывает, что подавляющее большинство авторов опираются на один и тот же круг источников, введенных в научный оборот еще в первой половине 20-х годов. Это ряд дореволюционных статистических сведений, частичная публикация материалов переписи 1917 г., перепись 1920 г., данные о потерях русской армии в 1914—1917 гг., об эпидемиях и некоторые другие. Новый шаг сделали лишь В. Кабузан и Л. Гапоненко, работая над ранее неизвестными массивами переписи 1917 г., и В. Дробижев, исследовавший дополнительные материалы о естественном движении населения.

Итак, мы без труда убеждаемся, что историческая наука пока не располагает в должной мере научно обоснованными данными о народонаселении страны во время Октябрьской революции и гражданской войны. В связи с этим возникла необходимость в принципиально новой методике, которая позволила бы вовлечь в подсчеты иные источники. Таковыми в первую очередь стали данные переписи 1926 г. Эта перепись с небывалой до этого в России точностью и научностью зафиксировала состав населения страны. Материалы этой переписи 1926 г. были изданы широко и полно (Всесоюзная перепись населения 1926 г. М., 1928—1933. Т. 1—56).

В 1973—1980 гг. в Институте истории СССР АН СССР была разработана и осуществлена методика использования (с применением электронно-вычислительных машин) данных переписи 1926 г. для установления численности населения страны в предшествующие годы.

Суть методики в самой общей форме такова: на основе данных переписи 1926 г., прежде всего исходя из возрастной структуры населения, восстанавливается динамический ряд численности народонаселения страны за 1917—1926 гг. При этом в память ЭВМ вводятся и соответствующим образом учитываются содержащиеся в других источниках и в литературе данные о естественном и механическом движении населения за указанные годы. Данная методика может быть названа методикой ретроспективного использования материалов переписей населения с учетом комплекса дополнительных данных, находящихся в распоряжении историка.

В результате исследований и расчетов получены таблицы, характеризующие динамику населения в 1917—1926 гг. по различным регионам и стране в целом (в разных территориальных вариантах), определяющие численность и удельный вес народов страны. Методика и конкретные результаты в целом по стране и по регионам освещены в ряде специальных статей [38].

Territorial Units. San Diego State College Press, 1966; *Wheatcroft S. G.* The population Dynamic and factors affecting in the Soviet Union in 1920's and 1930's. University of Birmingham, 1976; *Biraben J. N.* Essai sur l'évolution demographique de l'URSS// Population. 1968. June 13.

[36] *Lorimer F.* The population of the Soviet Union: History and Prospects. Geneva: League of Nations, 1946.

[37] *Lorimer F.* Op. cit. P. 42.

[38] *Киселев И., Поляков Ю.* Сколько нас было? // Знание — сила. 1979. № 5; *Поляков Ю. А., Киселев И. Н.* Численность и нацио-

Определены, в частности, численность (147 644,3 тыс.) и национальный состав населения России осенью 1917 г. на территории в границах 1926 г.[39]

Численность населения страны на начало 1920 г. определена в 137 563 тыс. человек без Бухары и Хивы и соответственно с Бухарой и Хивой — 140 563 тыс. На начало 1921 г. соответственно — 133 757,3 тыс. и 136 757,3 тыс. На начало 1922 г. — 131 903,1 тыс. и 134 903,1 тыс. человек.

Сопоставление со сведениями, содержащимися в литературе и источниках, показывает, что разница между нашими расчетными данными и данными наиболее авторитетных источников и исследований относится главным образом к 1921—1922 гг. и идет за счет оценки потерь, понесенных в эти годы. Если цифра наших расчетов на 1 января 1920 г. примерно равна цифре, приводимой Е. З. Волковым на это же время (137 092,5 тыс. человек), несколько превышая ее, то на 1 января 1921 г. при таком сравнении цифра Е. З. Волкова (134 275,8 тыс.) уже выше на 500 тыс. человек. На 1 января 1922 г. это превышение приближается уже к 2 млн.

Рассмотрим аргументацию Е. З. Волкова, поскольку именно у него имеются наиболее серьезные расчеты по численности населения страны в 1921 г. Е. З. Волков определяет численность населения на 1 января на основе переписи 28 августа 1920 г. с различными корректировками (особенно на основе данных о лицах, находившихся в Красной Армии, в белогвардейских войсках, о дезертирах и т. д.) и с учетом последующих (на 1923 г. и текущей статистики) сведений. Общую численность гражданского населения на 1 января 1921 г. Е. З. Волков определяет в 130 451,6 тыс. человек против исчисления Госплана СССР в 130,8 млн и В. А. Зайцева («К вопросу о численности населения Европейской России») в 130 979 тыс.[40]

Дополнительно Е. З. Волков определяет численность, по его выражению, «военного и военизированного населения». Численность Красной Армии он определяет на 1 сентября 1920 г. в 3538 тыс. человек [41]. Численность партизанских отрядов, а также белогвардейских войск, бандитских формирований и дезертиров определена на то же время в 1023 тыс.

Прибавляя эти данные к численности гражданского населения, Е. З. Волков получает цифру в 135 012,6 тыс. человек. Это численность населения страны (без Хивы и Бухары) на конец августа—начало сентября 1920 г.

Далее Е. З. Волков определяет среднемесячные потери населения за период гражданской войны в 184,1 тыс. (путем деления общих потерь с января 1918 г. на число месяцев) и, вычтя соответственно потери на конец 1920 г., приходит к выводу, что все наличное население страны (без Хивы и Бухары) на 1 января 1921 г. составляло 134 275,8 тыс.[42]

Расчеты Е. З. Волкова представляются достаточно серьезными и должны приниматься во внимание современными исследователями. Вместе с тем в них есть и ряд слабостей. Исследователь берет за основу данные переписи 1920 г. Но, как уже не раз отмечалось, эти данные имеют существенные недостатки, не охватывая или охватывая неполно, население большинства периферийных районов (Кавказ, Средняя Азия, значительная часть Украины и Белоруссии, Дальний Восток). По этим территориям Е. З. Волков использует дореволюционные данные, а это требует дополнительных пересчетов. Некорректны утверждения о численности «военизированного населения» осенью 1920 г. Приводя цифру о численности Красной Армии на 1 сентября 1920 г. (3538 тыс. человек), Е. З. Волков не учитывает, что по тем же данным на 1 января 1921 г. в армии насчитывалось уже 4110 тыс. человек [43]. Числен-

нальный состав населения России в 1917 году // Вопр. истории. 1980. № 6; *Поляков Ю. А.*, *Киселев И. Н.*, *Устинов В. А.* К вопросу о методике определения численности и национального состава населения СССР в 1917—1926 гг. // История СССР. 1981. № 2. *Idem.* Die nationale Zusammensetzung der Bevölkerung der UdSSR im Oktober 1917 Ein Berechnungsversuch // Wirtschaftsgeschichte und Mathematik. Berlin, 1985. Bd. 18.

[39] Представлялось важным осуществить исчисление по фактической территории России осенью 1917 г. (т. е. без районов, оккупированных австро-германскими войсками), ибо население, находившееся за линией фронта, было выключено в то время из хозяйственной и политической жизни России. Определение фактической территории осуществлено на основе военных карт, фиксирующих линию фронта на осень 1917 г. Численность населения по фактической территории России осенью 1917 г. без Финляндии, Бухарского эмирата и Хивинского ханства определена в 153 617 тыс. человек; без Финляндии, включая Хиву и Бухару, — в 156 617 тыс. человек; с Финляндией (вместе с Печенгской волостью), Хивой и Бухарой — в 159 965 тыс.

[40] *Волков Е. З.* Указ. соч. С. 184.

[41] Там же.

[42] Там же. С. 184—185.

[43] Итоги десятилетия Советской власти в цифрах. С. 74.

ность белогвардейцев, дезертиров и пр. без убедительных доказательств переносится из мая 1919 г. на 1920 г. и т. д.[44]

С точки зрения источника некорректно также использовать среднемесячные данные о потерях в гражданской войне применительно к конкретным месяцам осени 1920 г. Даже априорно можно утверждать, что в конце 1920 г. потери были выше средних за всю гражданскую войну, поскольку вторая половина 1920 г. ознаменовалась особенно интенсивными действиями на фронтах (бои с Врангелем в Северной Таврии, штурм Перекопа, сражения с белополяками), активизацией кулацкого бандитизма, нарастанием эпидемий и т. д.

Сказанное позволяет сделать вывод, что незначительное расхождение (0,5 млн) наших расчетов на 1921 г. с расчетами Е. З. Волкова может быть объяснено указанными слабостями в построениях Волкова.

Все это служит подтверждением убедительности и корректности наших расчетов и того, что приводимая здесь цифра численности населения страны в начале 1921 г. может быть введена в научный обиход.

Определяя численность населения за 1921 и 1922 г., Е. З. Волков опирается на материалы городской переписи 1923 г., исчисления ЦСУ по сельскому населению на то же время и другие данные текущей статистики.

Взяв за основу данные городской переписи 1923 г. и подсчеты ЦСУ по сельскому населению, Е. З. Волков исчисляет население СССР (без Хивы и Бухары) на 1 апреля 1923 г. в 133 856,6 тыс. человек [45].

Далее исследователь берет данные ЦСУ на 1 января 1924 г. Согласно этим данным, численность населения страны составляла (без Хивы и Бухары) 135 021 тыс. человек.

Сравнивая данные 1923 г. с установленной ранее цифрой на 1 января 1921 г., Е. З. Волков определяет общую и ежемесячную убыль населения за это время. Сравнивая данные на 1 апреля 1923 г. с данными на 1 января 1924 г., он определяет на этот раз не убыль, а прирост населения по месяцам. Так Е. З. Волков выводит данные на 1 января 1922 г., 1 января 1923 г., получая в конечном итоге динамику численности населения страны по годам за первую половину 20-х годов.

---

[44] *Волков Е. З.* Указ. соч. С. 193.
[45] Там же.

Мы так подробно остановились на исчислениях Е. З. Волкова, потому что он использовал, обработал и сопоставил имевшиеся тогда материалы ЦСУ. Таким образом, его данные, его цифры — это осмысленные данные текущей статистики.

Наши подсчеты, в общем, незначительно расходятся с подсчетами Е. З. Волкова, представляющимися наиболее основательными и убедительными. Мы опирались на материалы переписи 1926 г., учитывая имеющиеся сведения о потерях, о естественном приросте населения и т. д. Е. З. Волков — на материалы переписи 1920 г. и текущего учета ЦСУ, давшего реальные результаты с 1923 г., также учитывая сведения о потерях и других демографических пертурбациях. Осуществление, так сказать, «с разных концов», с различными опорными и исходными данными, подсчеты Е. З. Волкова и наши на 1920—1921 гг. не вошли в противоречие. Можно сказать, что наши подсчеты в известной мере подтвердили правильность основных параметров текущего учета ЦСУ.

Труднее объяснить различия в определении масштабов потерь за 1921—1922 гг. Мы полагаем, что наши подсчеты, говорящие о большей убыли населения в этот период, являются более доказательными и убедительными. Это подтверждается и рассмотрением конкретной обстановки тех лет с ее небывалым голодом и продолжавшейся военной разрухой.

Итак, сравнение данных, полученных методом ретроспективного использования, с данными Е. З. Волкова убеждает в том, что: 1) наши данные не расходятся с другими в определении тенденций динамики народонаселения; 2) сам факт близости данных, полученных разными методами подсчета, имеет научное значение; 3) расхождения менее значительны за 1920 г., более — за 1921, 1922, 1923 гг.; 4) наши данные могут быть введены в научный оборот и использоваться с бóльшим основанием, чем предыдущие.

Все источники единодушно сходятся, несколько различаясь в цифровых показателях, на том, что снижение численности населения страны шло до 1923 г.

Мы видим последовательное и значительное падение численности населения в годы гражданской войны и в первые годы мирного труда. За 1920 г. снижение численности населения было наиболее значительно, составив 3806 тыс. человек. За 1921 г. оно выразилось цифрой в 1854 тыс., за 1922 г. — в 1592 тыс. человек. Всего с осени 1917 г.

население сократилось к 1920 г. на 7083,3 тыс., к 1921 г. — на 10 887 тыс., к 1922 г. — на 12 741,3 тыс. человек.

Проведем сравнение и с предвоенным временем. На 1 января 1914 г. население страны (в границах 1921—1939 гг.) без Хивы и Бухары исчислялось в 139,9 млн человек [46]. С учетом Хивы и Бухары — 142,9 млн. Таким образом, с 1 января 1914 г. население страны сократилось к началу 1920 г. на 2,4 млн, к началу 1921 г. — на 6,2 млн, к началу 1922 г. — 8,0 млн человек.

Рассмотрим конкретно основные факторы, определявшие убыль населения в эти годы. Оговоримся, что во многих случаях необходимо обращаться ко времени не только гражданской, но и империалистической войны, ибо большинство негативных демографических явлений своими корнями уходит именно в те годы.

Без труда можно выделить два основных направления потерь. Первое — это потери механические, явившиеся результатом таких факторов, как гибель людей в ходе военных действий, беженство, эмиграция и т. д. Второе — это естественное движение населения (смертность, рождаемость), дававшее в годы войны под воздействием внешних факторов резко отрицательный баланс.

Невосполнимые потери — результат империалистической войны — были весьма значительны. По относящимся к лету 1917 г. данным Ставки, численность убитых составила 775 тыс. человек [47]. По подсчетам Е. З. Волкова, основанным на материалах В. Г. Аврамова [48], безвозвратные боевые потери непосредственно на фронте составили 690 тыс. человек [49].

Б. Ц. Урланис, проведя в 50-е годы сопоставление опубликованных материалов о численности убитых солдат и офицеров русской армии, показал, насколько противоречивы имеющиеся цифры. Они колеблются в огромном диапазоне — от 500 тыс. до 4 млн человек [50]. Столкнувшись

[46] Там же. С. 270. Современные статистические сборники приводят на 1913 г. цифру (без указания месяца) 139,3 млн человек (Народное хозяйство СССР в 1959 г. М., 1960. С. 7).

[47] *Сазонов Л. И.* Потери России в войну 1914—1919 гг. // Тр. Комиссии по обследованию санитарных последствий войны 1914—1920 гг. М.; Пг., 1923. Вып. 1. С. 159.

[48] *Аврамов Вл.* Жертвы империалистической войны в России // Изв. Народного комиссариата здравоохранения РСФСР. 1920. № 1/2.

[49] *Волков Е. З.* Указ. соч. С. 54, 59.

[50] *Урланис Б. Ц.* Указ. соч. С. 147.

с этим цифровым разнобоем, Б. Ц. Урланис предпринял попытку определить число убитых, исходя из соотношения потерь в германской, австро-венгерской и турецкой армиях, с одной стороны, и русской — с другой. Выведя таким путем «число убитых русских» в 1,2 млн человек, Б. Ц. Урланис заявил, что «эта цифра, надо думать, значительно ближе подходит к действительности» [51]. Эту цифру он включил и в итоговую таблицу. Однако методика, примененная в данном случае Б. Ц. Урланисом, на наш взгляд, не представляется доказательной. Война длилась более трех лет, она велась на различных фронтах, проходила разные этапы (наступление, отступление, позиционная борьба), а поэтому неправильно выводить единое соотношение потерь, как это сделал Б. Ц. Урланис. Поэтому цифра в 1,2 млн человек не заслуживает введения в научный оборот.

Более убедительны соображения Б. Ц. Урланиса об имевшем место недоучете убитых и пропавших без вести. В этом смысле приведенная им цифра о потерях русской армии (вплоть до марта 1918 г.) в 908 тыс.[52] является наиболее близкой к действительности.

Значительные расхождения касаются также численности умерших от ранений и болезней в госпиталях. Б. Ц. Урланис определяет число умерших в госпиталях от ранений в 240 тыс. солдат и офицеров [53] и от болезней — в 155 тыс.[54] Всего, таким образом, в госпиталях умерло во время империалистической войны 395 тыс. человек [55]. Е. З. Волков приводит практически ту же цифру относительно числа умерших в госпиталях от болезней (155,7 тыс.), но численность умерших в госпиталях от ранений, по Волкову, существенно (в четыре раза) отличается от данных Урланиса, составляя 970,3 тыс. человек [56].

Соответственно у Е. З. Волкова намного выше, чем у Б. Ц. Урланиса и общая цифра умерших в госпиталях: 1126 тыс. против 395 тыс. человек. На основании имеющихся в распоряжении исследователей материалов решить этот вопрос не представляется возможным. Предпринятые нами розыски дополнительных материалов пока не увен-

[51] Там же. С. 152.

[52] Там же. С. 160.

[53] Там же. С. 170, 171.

[54] Там же. С. 299.

[55] Там же. С. 300.

[56] *Волков Е. З.* Указ. соч. С. 54, 59.

чались успехом, а потому вопрос об уточнении числа умерших в госпиталях солдат и офицеров русской армии с августа 1914 г. по март 1918 г. остается открытым.

Довольно сложной, запутанной и противоречивой является еще одна проблема, порожденная войной, связанная с беженцами и военнопленными. На 1 января 1918 г. в пределах страны находилось 9732,5 тыс. беженцев, выселенцев и военнопленных [57]. Беженцев, расселившихся по внутренним губерниям, насчитывалось 3254,3 тыс.[58] По данным Центропленбежа, Центроэвака и Отдела виз Наркоминдела, на 1 января 1921 г. легально оставили территорию Советской страны 3572,9 тыс. беженцев и 1409,6 тыс. военнопленных. Иными словами, с 1 января 1918 г. по 1 января 1921 г. выбыло за пределы страны 4982,5 тыс. человек «пришлого населения периода империалистической войны», а осело в России 4750 тыс. человек. Из русских пленных (3409,3 тыс.) на 1 января 1918 г. вернулось 3171,1 тыс. человек [59].

Таким образом, империалистическая война, оторвав почти два десятка миллионов мужчин от своих семей [60], вычеркнув от полутора до двух млн человек из списка живых, искалечив примерно полмиллиона [61], послав за колючую проволоку лагерей для пленных свыше 5 млн человек [62], выплеснув из родимых мест около 7,5 млн беженцев, немалая часть которых погибла от голода и болезней [63], оказала огромное негативное воздействие на демографическую ситуацию в России.

Добавим, не вдаваясь в конкретное исследование, что несомненным было значительное снижение рождаемости как следствие оторванности огромного числа мужчин от семейных очагов и других причин, вызванных войной. Например, имеющиеся по 6 губерниям Центральной России, Петрограду и Москве данные показывают снижение уровня брачности в 1915 и 1916 гг. более чем вдвое по сравнению с 1913 г.[64] При этом, во-первых, уровень брачности сокращался больше в деревне, чем в городе, и, во-вторых, значительно повысился возраст женихов и невест [65]. По некоторым подсчетам потери населения от уменьшения рождаемости в связи с империалистической войной составляют примерно 6,5 млн человек [66].

Еще более значительными были демографические последствия гражданской войны, военной интервенции и экономической блокады. Боевые действия против интервентов и белогвардейцев в годы гражданской войны унесли много жизней. По вопросу о численности погибших красноармейцев и командиров мы встречаем в литературе существенные расхождения.

В современных энциклопедиях (БСЭ, СИЭ, Гражданская война и иностранная военная интервенция в СССР) прочно утвердилась цифра — около одного миллиона человек [67]. Однако Б. Ц. Урланис приводит другие данные. Опираясь на опубликованные в 1925 г. данные Статистического отдела Главного управления РККА [68], по которым боевые потери Красной Армии составили в 1918—1922 гг. 631 758 человек, он делает вывод, что в рубрику «Боевые потери Красной Армии» включены как убитые, так и раненые. Исходя из той посылки, что в среднем на 1 убитого приходилось 4 раненых, Б. Ц. Урланис опре-

---

57 Там же. С. 185. Иностранных военнопленных было, по данным Международного Красного Креста, более 2,3 млн, по данным Центропленбежа, — более 2,1 млн (Интернационалисты. М., 1967. С. 15).

58 Там же. С. 169.

59 Там же. С. 185. Отметим, что на этой странице в книге Е. З. Волкова есть неотмеченные опечатки. Подробнее о беженцах в 1915—1917 гг., в том числе «состоящих на пайковом иждивении», о данных «административно-пайкового учета», о беженцах на Кавказе см.: Там же. С. 68—72.

60 Всего по призывам 1914—1917 гг. было мобилизовано в действующую армию и для тыловой службы 18 598 тыс. человек (*Волков Е. З.* Указ. соч. С. 50).

61 Число увечных определено в 348 тыс. человек, но это данные неполные (*Лубны-Герцык Л. И.* Указ. соч. С. 22).

62 В плен было взято более 5 млн солдат и офицеров. Из них умерло в плену 182 тыс., выбыло 779 тыс. уроженцев стран, отделившихся от России, вернулось по инвалидности 724 тыс. На 1 января 1918 г. в плену осталось 3409,3 тыс. человек (*Волков Е. З.* Указ. соч. С. 63; См. также: *Биншток В. И.* Военные потери в войну 1914—1918 гг. // Тр. Комиссии по обследованию санитарных последствий войны 1914—1920 гг.

63 По подсчетам Е. З. Волкова, число беженцев и выселенцев ко второй половине 1917 г. составило 7421,4 тыс. Е. З. Волков считает эту цифру преуменьшенной (*Волков Е. З.* Указ. соч. С. 72).

64 *Новосельский С. А.* Влияние войны на естественное движение населения // Тр. Комиссии по обследованию санитарных последствий войны 1914—1920 гг. С. 104.

65 Там же. С. 107.

66 *Лубны-Герцык Л. И.* Указ. соч. С. 22.

67 БСЭ. 3-е изд. М., 1972. Т. 7. С. 234; СИЭ. М., 1965. Т. 6. С. 79; Гражданская война и иностранная военная интервенция в СССР: Энциклопедия. М., 1983. С. 14.

68 Народное хозяйство Союза ССР в цифрах: Справ. ЦСУ. М., 1925. С. 110.

деляет число убитых командиров и красноармейцев в 125 тыс.[69] Численность военнослужащих Красной Армии, умерших от болезней, Б. Ц. Урланис определяет в 300 тыс. человек [70].

Однако выводы и данные Б. Ц. Урланиса вызывают серьезные сомнения. Дело в том, что в тех же материалах Статотдела РККА, опубликованных в 1925 г., содержатся сведения и о санитарных потерях Красной Армии (Б. Ц. Урланис даже не упоминает об этих сведениях). Они определены в 581 066 человек [71]. Логично допустить, что и в том и в другом случае речь идет о летальных исходах, ведь говорится о санитарных потерях, а не о числе заболевших.

Кроме того, следует учитывать специфику гражданской войны. Дело не только в недостаточности и сложности учета, но и в особенностях действий различных частей и соединений, оказывавшихся порой в сложных условиях окружения, отступления, когда люди погибали не столько от вражеских пуль, сколько от голода и болезней, не попадая в лазареты. Например, части Красной Армии на Северном Кавказе, сведенные осенью 1918 г. в 11-ю армию, отступая под натиском деникинцев к Астрахани и Элисте, несли большие потери не только в боях, но и от болезней, голода, холода. В 11-й армии к декабрю 1918 г. было около 150 тыс. человек [72]. По многим свидетельствам, в ту неожиданно раннюю и холодную зиму отступавших бойцов в степи заносило снегом, раненые и больные погибали тысячами [73]. Между тем эти потери учесть и подсчитать практически невозможно.

В упоминавшихся данных Статотдела РККА боевые потери Красной Армии за 1918 г. определены в 8292 человека [74]. Без труда можно убедиться, что эта цифра не выдерживает никакой критики хотя бы в свете приведенных выше материалов о потерях 11-й армии на Северном Кавказе. Напомним, что В. И. Ленин упоминал о больших потерях 10-й армии под Царицыном [75]. Напомним и о том, что части 3-й армии, насчитывавшей около 30 тыс. человек,

[69] *Урланис Б. Ц.* Указ. соч. С. 183.
[70] Там же. С. 305.
[71] Народное хозяйство Союза ССР в цифрах. М., 1925. С. 110.
[72] *Разгон И. М.* Орджоникидзе и Киров и борьба за власть Советов на Северном Кавказе. М., 1941. С. 261.
[73] Там. же. С. 269.
[74] Народное хозяйство Союза ССР в цифрах. С. 110.
[75] Ленинский сб. 37. С. 138.

только в боях конца ноября—начала декабря 1918 г. потеряли до 50 % своего состава [76]. Вспомним о десятках других трудных и кровопролитных боевых операций 1918 г., чтобы понять, насколько несовершенна и неполна цифра в 8292 человека. Если же, следуя логике рассуждений Б. Ц. Урланиса, включить в эту цифру не только убитых, но и раненых, определить их соотношение как один к четырем, то число погибших красноармейцев за 1918 г. едва превысит две тысячи. Несуразность этой цифры очевидна.

Конечно, в 1919—1922 гг. учет потерь был поставлен гораздо лучше, чем в 1918 г., и мы с большей уверенностью можем использовать данные о боевых потерях, но военно-исторические материалы о масштабах операций не дают оснований включать в данные о потерях не только убитых, но также и раненых. Кроме того, надо учитывать, а это практически очень трудно, потери, понесенные партизанами, в рядах которых в общей сложности действовали сотни тысяч рабочих и крестьян [77].

Исходя из сказанного представляется целесообразным принять за основу опубликованные в 1925 г. данные о боевых и санитарных потерях Красной Армии, т. е. суммарную цифру в 1 212 824 человека, погибших в 1918—1922 гг.[78]

Для уяснения демографических процессов в ходе войны обычно изучаются потери одной стороны. Но для гражданской войны нужно учитывать потери обеих сторон, ибо для проблем народонаселения в равной степени важны потери как Красной Армии, так и белогвардейских войск. Однако вопрос о белогвардейских потерях не исследовался. О них мы не имеем данных, хотя представление о численности белогвардейских войск в научной литературе имеется.

Вопрос о потерях белогвардейских войск подлежит специальному изучению. Б. Ц. Урланис определяет фронтовые потери белых в 175 тыс. человек [79]. Их потери от бо-

[76] Гражданская война... С. 448, 449.
[77] Там же. С. 424. О потерях партизан может дать определенное представление такой пример: в ходе борьбы на Дальнем Востоке погибло 4300 амурских партизан (*Кургузов С.* Амурские партизаны. Хабаровск, 1929. С. 55).
[78] Народное хозяйство Союза ССР в цифрах. С. 110.
[79] *Урланис Б. Ц.* Указ. соч. С. 188. В эту цифру включены и белополяки, потери которых убитыми составили, по его расчетам, 38 тыс.

лезней он определяет в 150 тыс. человек [80], считая, что численность белых армий была значительно меньше численности Красной Армии.

Однако и здесь расчеты Б. Ц. Урланиса представляются нам в значительной степени преуменьшенными. Автор приводит, например, сведения о численности белогвардейских армий на первую половину февраля 1919 г. Это 349 тыс. человек по пяти фронтам. Но он не приводит данных о тыловых частях (а их численность превышала фронтовые). По современным подсчетам только в колчаковских войсках было 400 тыс. человек [81].

Надо учитывать и немалую численность различных бандитских формирований, которые, как было показано выше, получили значительное распространение, особенно к концу гражданской войны, участников антисоветских мятежей и т. д. и т. п. При этом слабость учета и слабость санитарной службы в белогвардейских войсках делали неучтенные потери от болезней и голода особенно значительными. Не задаваясь в данном случае целью специального изучения вопроса о потерях контрреволюционных сил, мы можем лишь высказать общее положение о том, что эти потери были не меньше, чем потери советских войск. Таким образом, убитые в боях, умершие от ран, болезней и другие потери участников вооруженной борьбы с обеих сторон составляют около 2,5 млн.

При определении людских потерь за время гражданской войны в литературе обычно не учитываются жертвы среди мирного населения — результат репрессивных, карательных акций интервентов и белогвардейцев, контрреволюционных мятежей, а также религиозных и национальных погромов. В настоящее время не представляется возможным определить общую численность жертв среди мирного населения. Однако многочисленные факты и свидетельства по отдельным городам, областям, регионам показывают, что эти жертвы были весьма значительны, исчисляются по меньшей мере десятками тысяч человек.

В гл. 1 приводились, в частности, данные о жертвах иностранной оккупации на Севере и Дальнем Востоке. К этому необходимо добавить многочисленные сведения о жертвах австро-германских карателей в 1918 г. на Украине, в Белоруссии, Прибалтике, германских и турецких — на Кавказе (продолжавшаяся три дня после захвата Баку в сентябре 1918 г. турецко-мусаватистскими войсками кровавая оргия привела к гибели около 30 тыс. мирных жителей) [82], о жертвах интервенционистских войск Антанты на Кавказе, в Крыму, южной Украине, Туркмении.

К этому необходимо также добавить бесчисленные факты массовых расправ белогвардейцев с населением временно захватывавшихся территорий — от Казани и Самары до Владивостока и Якутска, от Архангельска до Владикавказа, а также данные о гибели мирных жителей во время контрреволюционных мятежей. В Екатеринбургской губ., например, колчаковцы расстреляли и замучили более 25 тыс. человек [83]. По свидетельству корреспондента английской газеты «Манчестер Гардиан», «деревни, заподозренные в передаче информации врагу, нередко сжигались, а все их обитатели уничтожались» [84]. За вторую половину 1918 г. на территории 13 захваченных губерний белогвардейцы расстреляли около 23 тыс. человек [85].

Созданное в 1924 г. в СССР «Общество содействия жертвам интервенции» развернуло работу по выявлению потерь, понесенных гражданами СССР от интервенции и рассмотрению претензий граждан.

В полученных до 1 июля 1927 г. 1335 тыс. заявлений [86] констатировалось 111 730 тыс. убийств и смертей, в том числе 71 704 по сельскому населению и 40 026 по городскому [87]. Эта цифра скорее дополняет, а не суммирует имеющиеся другие данные, подобные приведенным выше.

Для определения причин убыли населения в 1917—1920 гг. огромное значение имеют данные о естественном движении населения. Однако, как уже не раз отмечалось выше, данные текущей статистики за 1917—1920 гг. отрывочны, не всегда достоверны, а иногда и попросту отсутствуют. Было бы неправильно совершенно пренебрегать

[80] Там же. С. 307.

[81] Гражданская война. . . С. 264. Еще в середине 20-х годов численность контрреволюционных вооруженных сил на 1920 г. определялась в 2 млн человек (*Гордеев Г. С.* Сельское хозяйство в войне и революции. М.; Л., 1925. С. 115).

[82] *Токаржевский Е. А.* Очерки истории Советского Азербайджана. Баку, 1956. С. 14.

[83] *Coates W. P., Coates Z. K.* Armed Intervention in Russia, 1918—1922. London, 1935, p. 209.

[84] Ibid.

[85] *Спирин Л. И.* Классы и партии в гражданской войне в России. М., 1968.

[86] К десятилетию интервенции. М.; Л., 1929. Разд. «Потери населения СССР от интервенции». С. 234, 236.

[87] Там же. С. 243.

данными статистического учета тех лет. Они не могут дать полной картины, но ряд сведений являются доказательными и неплохо характеризуют демографические тенденции.

В частности, эти данные говорят о росте смертности, главным образом в городах. Так, смертность по Москве (на 10 тыс. жителей) характеризуется по годам следующими цифрами: За 1910—1914 гг. она составляла в среднем 231 человек, в 1917 г. — 212, в 1918 — 218. В первом полугодии 1919 г. сказались трудности с продовольственным снабжением и смертность резко возросла — до 504 человек. Лето 1919 г. принесло некоторое улучшение питания, и во втором полугодии 1919 г. смертность снизилась до 390 человек. В первом полугодии 1920 г. снова отмечается повышение смертности — в среднем 462 человека [88].

Эти данные дополняются, без существенных расхождений, материалами основательной, хорошо фундированной книги врачей бюро санитарной статистики московского Статистического отдела П. И. Куркина и А. А. Чертова о естественном движении населения Москвы. По этим данным, смертность в Москве, составлявшая в 1914 г. 23,2 на 1000 человек населения, выросла в 1918 г. до 29,8, сделала огромный скачок в 1919 г. — до 45,4, несколько снизилась, оставаясь весьма высокой, в 1920 г. — 36,2. Интересно отметить, что после 1921 и 1922 гг., когда смертность оставалась еще выше довоенной (25,5 и 28,9), наступает ее резкое снижение — в 1923 г. она составила 14,0, в 1924 — 15,3, в 1925 — 13,4 [89].

В Петрограде динамика смертности по годам обнаруживает ту же тенденцию: [90]

1914	215	1919	426
1917	229	1920	506
1918	437	1921	333

Нетрудно убедиться, что годы гражданской войны в Петрограде, как и в Москве, дают значительное увеличение смертности. Однако в Петрограде в отличие от Москвы смертность резко возрастает уже в 1918 г., а 1920 г. дает более высокую смертность, чем 1919 г.

[88] Красная Москва. 1917—1920. М., 1920. С. 69.

[89] *Куркин П. И., Чертов А. А.* Естественное движение населения г. Москвы и Московской губ. М., 1927. С. 24.

[90] *Лубны-Герцык Л. И.* Указ. соч. С. 100. (на 10 тыс. жителей).

Отдельные данные имеются по некоторым провинциальным городам. Эти цифры, несмотря на разрозненность и фрагментарность, дают определенное представление о высоком уровне смертности. Так, в городах Череповецкой губ. смертность в 1919 г. достигла 70,3 на тысячу жителей. В 1920 г. она снизилась до 54,7, в 1921 — до 34,2. В городах Киевской губ. смертность на тысячу жителей поднялась с 23,3 в 1917 г. до 56,5 в 1920, в городах Саратовской губ. с 56,8 в 1920 г. до 63,9 в 1921 г. В Самаре ее уровень в 1920 г. составил 60,3 [91]. В Саратове смертность по сравнению с 1914 г. выросла в 1917 г. на 17,7 %, в 1918 г. — на 62,5 %, в 1919 г. — на 138,2 %, в 1920 г. — на 108,9 % [92].

Имеющиеся данные о возрастных коэффициентах смертности по Петрограду [93] и Москве [94] на предвоенные годы и на 1920 г. по лицам мужского и женского пола дают, во-первых, значительно более высокий показатель смертности у мужчин, чем у женщин; во-вторых, рост коэффициента смертности в 1920 г. по всем без исключения возрастным группам, в-третьих, особенно значительный его рост (прежде всего у мужчин) и людей старше 55 лет.

Для тех городов, по которым имелись лишь абсолютные цифры смертности и потому нельзя определить число умерших на 10 000 жителей, Л. Лубны-Герцык составил по местным статистическим бюллетеням и ежегодникам таблицу, где сопоставлены абсолютные цифры смертности и рождаемости (см. табл. 1. Число смертей на 100 рождений).

Все данные свидетельствуют, что смертность среди городского населения в 1917—1920 гг. была огромной и соответственно стала несомненно значительным фактором, определявшим общую убыль населения страны.

Динамика смертности среди сельского населения прослеживается из-за состояния источников еще труднее, чем среди городского. Л. Лубны-Герцык брал даже для характеристики смертности сельского населения в ряде случаев общие данные по губернии, исходя из того, что горожане

[91] Там же. С. 103.

[92] *Кобалевский А.* Очерки по демографии Саратова. Саратов, 1920. С. 9.

[93] *Новосельский С.* Естественное движение населения в Петрограде в 1920 г.: Материалы по статистике Петрограда и Петроградской губернии. Пг., 1921. Вып. 5. С. 32.

[94] *Урланис Б. Ц.* История одного поколения: Соц.-демограф. очерк. М., 1968. С. 194.

Таблица 1 *

Города региона	1917 г.	1919 г.	1920 г.	1921 г.
Карелии	100,2	431,1	144,7	85,1
Северо-Двинской губ.	121,7	124,5	136,8	81,5
Калуга	—	—	211,9	82,1
Калужской губ.	131,5	305,5	219,1	—
Нижегородской губ.	—	214,1	235,9	129,3
Владимир	275,8	—	367,6	104,5
Владимирской губ.	122,6	—	162,1	89,6
Орловской губ.	—	—	265,5	100,9
Пермь	—	—	211,1	173,7

* *Лубны-Герцык Л. И.* Указ. соч., с. 104.

составляли незначительный процент населения большинства губерний [95]. По его данным, например, в Харьковской губ. смертность сельского населения в 1918—1920 гг. повысилась, но не столь разительно, как в городах [96].

Местные источники позволяют составить такое соотношение числа смертей на 100 рождений в сельских местностях (см. табл. 2).

Таблица 2 *

Губерния, нац. автономия	1913 г.	1914 г.	1917 г.	1918 г.	1919 г.	1920 г.	1921 г.
Карелия	—	—	119,1	—	104,5	76,6	50,4
Северо-Двинская	—	—	103,5	—	79,5	101,6	70,6
Калужская	—	68,5	90,6	—	109,3	101,3	—
Нижегородская	—	—	—	—	78,0	118,4	81,4
Владимирская	—	58,9	107,2	—	—	99,7	72,3
Орловская	60,5	—	—	—	—	127,4	89,3
Николаевская	—	73,5	80,7	87,9	153,5	131,4	—

* Стат. ежегодник Карелии, 1922. Петрозаводск, 1923. Вып. 2, ч. 1. С. 18—20; Бюл. Сев.-Двин. губстатбюро. № 56. С. 34—36; Стат. ежегодник Калуж. губ. за 1922 г. Калуга, 1923. С. 64—74; Стат. ежегодник Нижегород. губ. 1922 и 1923 гг. Новгород, 1924. С. 48, 49; Стат. ежегодник Владимир. губ. 1918—1923 гг. Ковров, 1923. Ч. 1; Стат. ежегодник Орлов. губ., 192 —1923 гг. Орел. 1924. С. 118—125; Николаев. губстатбюро. Бюл. № 4, апр. 1922 г. С. 4.

95 *Лубны-Герцык Л.* Указ. соч. С. 107.

96 Там же.

В Орловской губ. смертность в 1913 г. составляла 26,6 на тысячу жителей, а в 1920 г. — 35,3 [97]. В Вятской губ. данные по трем тысячам дворов трех волостей показывают, что по отношению к 1912 г. смертность в 1915 г. составляла 132 %, в 1917 — 112, в 1919 — 107, в 1920 — 106 % [98].

Данные о смертности сельского населения в годы гражданской войны ввиду их неполноты и разрозненности не позволяют сделать многих выводов и наблюдений. Однако и эти данные дают возможность определить главную тенденцию: возрастание смертности в 1917—1920 гг., хотя и не столь разительное, как в городах, но тем не менее значительное.

Весьма важны данные о причинах смертности. Такие данные имеются только по Петрограду и только за 1920 г. Они показывают, что наибольший процент падает на эпидемические заболевания (сыпной тиф — 64,2 на 10 000 жителей, возвратный тиф — 31,3, дизентерия — 35,9). Большое место занимают легочные заболевания (бугорчатка легких — 50,4, пневмония — 30,1), болезни сердца и сосудов — 47,6. Собственно истощение от голода — 37,0.

Следует отметить, что по сравнению с 1911—1913 гг. значительно выросли именно эти заболевания. Эпидемических заболеваний в 1911—1913 гг. практически не было. Болезни легких увеличились в полтора-два раза, сердечно-сосудистые — почти в четыре [99]. Таким образом, общее истощение, снижение сопротивляемости организма вели к росту смертности от различных заболеваний, в первую очередь легочных и сердечно-сосудистых.

Смертность непосредственно от голода («голодная смерть», «истощение от голода») составляла, как уже отмечалось, не такой уж большой процент. Однако очевидно, что недостаточность питания была одной из основных причин, приводивших к ослаблению организма, росту других заболеваний и повышению смертности.

Как известно, в годы империалистической и гражданской войн резко снизился сбор зерновых (валовой сбор хлебов составил в 1920 г. всего 54 % от среднегодового уровня 1909—1913 гг.), масличных и технических культур, сократилась продукция животноводства [100]. Продоволь-

97 Бюл. Орловского губ. стат. бюро. Орел, 1925. № 4. С. 24.

98 Вестн. статистики. 1922. № 9/12. С. 120.

99 *Лубны-Герцык Л. И.* Указ. соч. С. 102.

100 Подробнее см.: *Поляков Ю.* Переход к нэпу и советское крестьянство. М., 1967. С. 56, 64—69, 75, 76.

Таблица 3. Питание городского населения в мае 1920 г.*

	Продукты в день на одного человека, фунты							Калории на взрослого едока
	хлеб печеный	мука	картофель	масло растительное	сахар	мясо	масло коровое	
Семьи рабочих								
14 губернских городов потребляющей полосы	0,822	0,396	1,203	0,011	0,025	0,075	0,015	2827
14 губернских городов производящей полосы	0,775	0,487	0,836	0,011	0,09	0,050	0,005	2761
Семьи служащих								
15 губернских городов потребляющей полосы	0,736	0,438	1,183	0,005	0,025	0,073	0,024	2691
15 губернских городов производящей полосы	0,663	0,313	0,867	0,013	0,009	0,050	0,009	2396

* Стат. ежегодник, 1918—1920. М., 1921. Вып. 1. С. 28—29, 30—31.

ственное положение населения было чрезвычайно тяжелым. Об этом многократно писалось в нашей литературе. Истощение трудящегося населения в результате длительного недоедания отмечалось в партийных и правительственных документах, в выступлениях В. И. Ленина, в воспоминаниях современников. Нелишним будет привести ряд конкретных данных, характеризующих питание городского и сельского населения страны к концу гражданской войны. Норма хлебного питания составляла 19 пудов. Фактически же, по данным статбюро Госплана республики, на душу в потребляющих районах в 1920—1921 гг. приходилось 12,6 пуда для сельского населения и 9,8 пуда для городского, в производящих соответственно 12,3 и 10,2 пуда. На Юго-Востоке и в Сибири сельское население было обеспечено несколько лучше (16,4 и 15,9 пуда). Городское же население на Юго-Востоке получало хлеба 9,9 пуда, а в Сибири — 12,1 пуда [101].

Важные материалы о питании городского и сельского населения страны дают выборочные обследования, проводившиеся в 1919—1920 гг. в городах и селах страны (табл. 3). В губернских городах Центра и Севера европейской части страны — Вологда, Петрозаводск, Иваново-Вознесенск, Тверь, Ярославль, Пенза, Пермь — в рабочих семьях на душу выдавалось примерно полфунта печеного хлеба, а то и меньше [102]. В уездных городах (данные по 31 городу) на одного взрослого едока в рабочей семье приходилось 2773 калории в день, в семьях служащих — 2641 [103]. По карточкам рабочими приобреталось 53,5 % хлеба и 57 % муки, служащими — соответственно 60,6 и 68,8 % [104].

[101] Народное хозяйство России в 1921—1922 гг. М., 1923. С. XII—XIII.

В источниках имеются отдельные данные по различным социальным группам сельского населения. Это позволяет говорить не о крестьянстве вообще, а применительно к его конкретным социальным группам (табл. 4).

Обследование, проведенное в городах в октябре—ноябре, а в деревнях в ноябре—декабре 1920 г., не показало существенных изменений. В городах число калорий на взрослого едока в рабочих семьях составило 2851 по потребляющей полосе (17 городов) и 2589 по производящей полосе (19 городов) [105].

Материалы центральных статистических органов подтверждаются и данными отдельных обследований, проводившихся на местах. Так, в симбирской газете «Заря» были опубликованы результаты обследования питания

[102] Там же. С. 28.
[103] Там же. С. 34—36.
[104] Там же. С. 32—33.
[105] Там же. С. 48—49.

Таблица 4. Питание сельского населения в январе—феврале 1920 г. Дневное потребление на едока *

Категория крестьян	По 16 губерниям потребляющей полосы		По 14 губерниям производящей полосы	
	хлеб, фрукты	калории на взрослого	хлеб, фрукты	калории на взрослого
Беспосевные	1219	2672	1421	3290
Малопосевные	1344	3001	1811	3704
Среднепосевные	1643	3429	1871	3939
Многопосевные	1707	3525	1929	4096

* Стат. ежегодник, 1918—1920. М., 1921. Вып. 1. С. 42—45.

сельского населения губернии в первой половине февраля 1920 г.[106] Сравнение с данными 1913 г. говорит о значительном уменьшении потребления хлеба и муки при некотором увеличении потребления картофеля.

Общее тяжелое положение с продовольствием было ухудшено засухой и неурожаем 1920 г. В. И. Ленин неоднократно отмечал губительные последствия неурожая 1920 г., называя его «огромным», «тяжелым». На X съезде РКП(б) он говорил, что неурожай повлек за собой громадную бескормицу, падеж скота и разорение крестьянского хозяйства [107]. «Неурожай 1920 года еще больше усилил крестьянскую нужду и разорение», — отмечал В. И. Ленин в речи о продналоге, записанной на граммофонной пластинке [108]. «. . .неурожай 1920-го года ухудшил положение крестьян до невероятности», — подчеркивал он на X Всероссийской конференции РКП(б) [109].

Неурожай особенно тяжело сказался на ряде губерний Центра, затронув многие районы Поволжья. Нанеся тяжелый удар крестьянству, он стал грозным предвестником катастрофического неурожая следующего, 1921 года. Таким образом, продовольственное положение страны, трудное на протяжении всей войны, продолжало ухудшаться и соответственно ухудшалось питание населения, вызывая демографические изменения.

[106] Заря. Симбирск, 1920, 4 июня.
[107] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 43. С. 13.
[108] Там же. С. 246.
[109] Там же. С. 303.

Несомненно, повышение смертности вызывалось ростом многих заболеваний в результате недоедания и соответствующего ослабления организма, ухудшения санитарно-бытовых условий, снижения врачебного надзора, дефицита медикаментов. Но огромную роль играли эпидемии, распространение которых также было связано с военными действиями, миграциями, бытовым неустройством, голодом. В 1918 г. от остроинфекционных болезней (в их число входили возвратный, брюшной, сыпной тифы, оспа, дизентерия) умерло 115,8 тыс., в 1919 г. — 910,2 тыс., в 1920 — 1090,9 тыс. Главное место занимал печально знаменитый сыпняк. От него умерло в 1919 г. 764 тыс., а в 1920 г. — 834 тыс. человек [110].

Таким образом, за три года гражданской войны безвозвратные потери от остроинфекционных болезней превысили 2 млн человек. Эти цифры включают умерших непосредственно от заболевания. Но при этом надо иметь в виду, что большое количество людей, ослабленных инфекционным заболеванием, умирало через какой-то промежуток времени и не включалось в статистику смерти от тифа, оспы, дизентерии и т. п.

А количество заболеваний было огромным. Сыпным тифом в 1919 г. переболело 2100 тыс. человек, в 1920 г. — 2300 тыс.[111] Особенно тяжелым было положение в районах, освобожденных от белогвардейцев и интервентов. Советские войска находили в Сибири на железнодорожных путях целые эшелоны с сыпнотифозными больными, брошенные отступавшими белогвардейцами. Белогвардейские войска стали источником распространения эпидемий.

Убедительную картину рисует народный комиссар здравоохранения Н. А. Семашко. «Когда наши войска вступили за Урал и в Туркестан, громадная лавина эпидемических болезней (тифов всех трех сортов) подвинулась на нашу армию из колчаковских и дутовских войск. Достаточно упомянуть, что из 60-тысячной армии противника, перешедшей на нашу сторону в первые же дни после

[110] *Волков Е. З.* Указ. соч. С. 189—191. Некоторые дополнительные сведения об эпидемических заболеваниях, в частности, в армии приводит Б. Ц. Урланис. См.: *Урланис Б. Ц.* Указ. соч. С. 304—308.
[111] В литературе приводятся данные о более значительных масштабах заболеваний сыпным тифом. Так, О. В. Бароян считает, что по далеко не полным данным с 1918 г. по 1922 г. в стране переболело сыпняком около 20 млн человек, причем смертность от этой инфекции достигала 25 % (*Бароян О. В.* Итоги полувековой борьбы с инфекциями в СССР. М., 1968. С. 18).

разгрома Колчака и Дутова, 80 % оказались зараженными тифом. Сыпной тиф на восточном, возвратный, главным образом, на юго-восточном фронте, бурным потоком устремились на нас. И даже брюшной тиф, этот верный признак отсутствия элементарных санитарных мероприятий. . . широкой волной разливался по дутовской армии и перекатился к нам» [112].

Эпидемия сыпняка приняла такие масштабы, что В. И. Ленин в декабре 1919 г. ставил вопрос о борьбе с ней с небывалой силой: «Товарищи, все внимание этому вопросу. *Или вши победят социализм, или социализм победит вшей*!» [113] Возвратным тифом в 1919—1920 гг. переболело, по статистическим данным, более 1 млн человек [114].

После 1920 г. эпидемические заболевания в результате огромных усилий Советского государства пошли на убыль, но уровень смертности в 1921 и 1922 гг. вследствие разрухи и неурожая в Поволжье, усугубившего трудности восстановления, усилившего нехватку продовольствия, снова возродившего к жизни потоки беженцев, оставался высоким. В 1921 г. смертность от остроинфекционных заболеваний составила 469,78 тыс., в 1922 — 515,41 тыс.[115]

Несомненно и снижение рождаемости, хотя здесь негативные тенденции не столь ярко выражены. Вот некоторые данные. В Москве среднее число родившихся в 1910—1914 гг. составляло 332 на 10 000 жителей, в 1917 г. оно упало до 196, а в 1918 г. — до 148. С 1919 г. начинается некоторый подъем (160 на первое полугодие и 177 на второе), продолжающийся и в 1920 г. (219 на первое полугодие) [116]. Однако этот уровень все еще значительно ниже довоенного.

В Петрограде число рождений на 1000 жителей в 1914 г. составило 25,0, в 1917 г. оно упало до 18,3, продолжало падать в 1918 г. (15,5), в 1919 г. (13,8) и начало подниматься в 1920 г. (21,8), достигнув пика в 1921 г. (36,8) [117].

---

[112] *Семашко Н. А.* Политика и санитария // Изв. народного комиссариата здравоохранения. № 1/2. 1920. С. 11.
[113] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 39. С. 410.
[114] *Бароян О. В.* Указ. соч. С. 63. Здесь же приводится мнение известного эпидемиолога Л. А. Тарасевича, считавшего, что за 1919—1923 гг. возвратным тифом переболело до 10 млн человек (с. 63).
[115] *Волков Е. З.* Указ. соч. С. 191.
[116] Красная Москва. С. 65.
[117] Материалы по статистике Петрограда и Петроградской губ. Вып. 5. 1921. С. 28.

Значительное падение рождаемости дают сведения и по городам Киевской губ.[118] В то же время имеющиеся отдельные сведения по городам Череповецкой губ.[119] и некоторым другим городам свидетельствуют о высоком уровне рождаемости в 1920 г.[120]

Так или иначе, баланс между рождаемостью, и смертностью несомненно, носил отрицательный характер.

Данные по 13 губерниям на 1920 г. говорят об этом достаточно убедительно. Ни в одной из этих губерний естественное движение населения не отмечено знаком плюс. Отрицательный же баланс характеризуется следующими величинами: Череповецкая губ. — 5,6 на тысячу жителей, Новгородская — 1,3, Смоленская — 3,7, Тверская — 0,9, Московская — 13,3, Иваново-Вознесенская — 13,5, Костромская — 11,4, Нижегородская — 8,9, Вятская — 7,9, Пермская — 7,0, Пензенская — 12,8, Рязанская — 1,8, Орловская — 12,2 [121].

Таким образом, голод, холод, инфекционные заболевания, рост смертности и снижение рождаемости — вот главные причины уменьшения численности населения.

Говоря о горестных утратах того времени, о голоде, эпидемиях, ставших прямым результатом агрессии мирового империализма, следует помнить о поистине героических усилиях Советского государства для поддержания жизни и здоровья населения страны. Ленин, Коммунистическая партия, Советское правительство сделали все возможное для того, чтобы ослабить тяжесть неблагоприятных условий, вызванных вражеским нашествием. Если бы не эти титанические усилия, опиравшиеся на мощные рычаги социально-экономических завоеваний Октября, людские потери в результате империалистической интервенции и действий свергнутых эксплуататоров были бы неизмеримо бóльшими. В борьбе, развертывавшейся на просторах России, со всей убедительностью проявились гуманистические основы нового строя и антигуманная сущность его противников.

Вся социальная политика Советского государства была направлена на облегчение условий жизни трудящегося

---

[118] Стат. бюллетень Киевского губстатбюро. Киев, 1922. № 4/5. С. 203.
[119] Материалы по статистике Череповецкой губернии. Череповец, 1923. С. 21.
[120] *Лубны-Герцык Л. И.* Указ. соч. С. 96.
[121] Труды Комиссии по обследованию санитарных последствий войны 1914—1920 гг. С. 101.

населения: на охрану труда, улучшение жилищных условий, создание широкой системы здравоохранения, организацию продовольственного снабжения и общественного питания.

Осуществление мобилизации продовольственных ресурсов на основе государственной монополии и продразверстки дало государству необходимый минимум продовольствия для снабжения армии, рабочих, служащих. Это была принципиально новая классовая политика, принципиально новый подход к решению задачи продовольственного снабжения во имя интересов трудящихся, против спекулянтов, торгашей, кулаков. Не случайно В. И. Ленин на протяжении всей гражданской войны твердо, страстно и последовательно отстаивал необходимость классового подхода к решению продовольственных задач, необходимость запрещения «свободной» торговли и сосредоточения продовольственных ресурсов в руках государства. Названная В. И. Лениным цифра — 38 млн человек, находившихся в 1920 г. «на содержании государства» [122] — достаточно убедительно говорит о масштабах и значении централизованного продовольственного снабжения. При этом органы Советской власти смогли наладить в весьма широком объеме общественное питание, которым пользовались во второй половине 1920 г. около 11 млн человек, в том числе свыше 7600 тыс. детей [123] (в мае 1919 г. был принят декрет «О бесплатном детском питании»).

Наркомат здравоохранения, медико-санитарные отделы местных Советов сумели в те годы заложить основы общедоступной бесплатной медицинской помощи на началах приближения ее к населению, развернули наряду с лечебной и санитарно-профилактическую деятельность, борьбу с социальными болезнями, охрану материнства и детства. Огромная работа была проведена по борьбе с эпидемиями. Ряд специальных постановлений правительства («О мероприятиях по борьбе с сыпным тифом» (28 янв. 1919 г.); «Об обязательном оспопрививании» (10 апр. 1919 г.); «О мерах борьбы с эпидемиями» (10 апр. 1919 г.) и др.) позволил мобилизовать дополнительные силы и средства, провести необходимые мероприятия. Были осуществлены строгие карантинные меры, обеспечен санитарный контроль за источниками водоснабжения, значительно расширен коечный фонд инфекционных стационаров, создана система санпропускников, развернуто банно-прачечное хозяйство и т. д. Эти меры позволили остановить лавинное шествие эпидемий и добиться после окончания войны их резкого сокращения, а затем и полной ликвидации [124].

[122] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 44, С. 315.

[123] *Польский М. П.* Ленинская забота о трудящихся. М., 1984. С. 129.

Историк, несомненно, может констатировать, что все эти усилия Советского государства дали максимально возможные в условиях «осажденной крепости» результаты по ослаблению губительных последствий империалистической интервенции.

Одним из сложных и довольно существенных вопросов является вопрос о численности лиц, покинувших Россию за годы революции и гражданской войны. Вопрос в силу его специфики не может быть полностью решен на базе источников, находящихся в СССР. В 20, 30 и 40-е годы вопрос рассматривался в целом ряде зарубежных работ, основанных на различных иностранных данных.

В одном из зарубежных исследований середины 20-х годов численность эмигрантов из России определена на основе данных американского Красного Креста в 2935 тыс. человек [125]. Эта цифра, без сомнения, завышена. Она включила в себя несколько сот тысяч поляков, репатриировавшихся в Польшу и зарегистрировавшихся в качестве беженцев в американском Красном Кресте, а также значительное количество русских военнопленных, еще находившихся в 1920—1921 гг. в Германии.

С другой стороны, в зарубежной литературе приводились значительно преуменьшенные сведения о численности эмигрантов из России. На 1 января 1922 г. даются такие цифры: 718 тыс. в Европе и на Ближнем Востоке и 145 тыс. на Дальнем Востоке [126]. Эти данные включают лишь офи-

[124] О развитии советской системы здравоохранения в годы гражданской войны см., в частности: Пять лет советской медицины, 1918—1923: Сборник. М., 1923; *Семашко Н. А.* Охрана здоровья рабочих и работниц, крестьян и крестьянок за десять лет. М., 1927; *Лебедева В. П.* Пройденный этап. М., 1927; *Виноградов Н. А.* Здравоохранение в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны. М., 1954.

[125] *Rimscha H.* Der russische Bürgerkrieg und die russische Emigration, 1917—1921. Jena; Fromann, 1924. S. 50—51.

[126] *Simpson S. J. H.* Hhe Refugee Problem: Report of a Survey. London; Oxford University Press, 1939.

циально зарегистрированных (получивших так называемые нансеновские паспорта [127]) эмигрантов.

Данные Лиги наций на август 1921 г. определяют численность эмигрантов из России в 1444 тыс. В том числе 650 тыс. в Польше, 300 тыс. в Германии, 250 тыс. во Франции, 50 тыс. в Югославии, 31 тыс. в Греции, 30 тыс. в Болгарии [128].

Ф. Лоример, рассматривая различные данные об эмигрантах, присоединяется к сообщенным ему письменно подсчетам Е. Кулишера, определившим численность эмигрантов из России примерно в 1,5 млн, а вместе с репатриантами и другими мигрантами — около 2 млн [129].

Таким образом, многолетнее изучение этого вопроса зарубежными учеными полностью подтвердило данные, приводившиеся В. И. Лениным в 1921 г. В. И. Ленин считал, что за границей находилось тогда от полутора до двух миллионов российских эмигрантов [130]. Эти цифры, вошедшие в научный оборот, и являются наиболее убедительными. И. Я. Трифонов, приводя ленинские данные о полутора—двух миллионах эмигрантов, использует также применительно к 20—30 годам цифру в 860 тыс.[131] Л. М. Спирин, считая, что численность российской эмиграции в среднем составляла 1,5 млн, использует также сведения беженской секции Международного бюро труда на конец 20-х годов. По этим данным, численность учтенных эмигрантов составляла 919 тыс.[132] В. В. Комин, считая, что численность белой эмиграции составляла 1,5—2 млн человек, приводит в подтверждение данные женевской миссии Российского общества Красного Креста и Русского литературного общества в Дамаске [133].

Л. К. Шкаренков приводит данные по местам расселения эмигрантов, а также об изменении их численности в первой половине 20-х годов [134]. Ю. В. Мухачев составил представляющую интерес таблицу об изменении численности и территориального размещения эмигрантов [135].

Надобно отметить, что в 20-е годы в зарубежных эмигрантских изданиях появились самые противоречивые данные о численности эмиграции, составлявшиеся различными организациями и учреждениями. Эти сведения иногда используются и в современной литературе. Так, С. Н. Семанов приводит заимствованную из эсеровской газеты цифру в 1875 тыс. эмигрантов в Европе на 1 ноября 1920 г.[136] Г. Ф. Барихновский, используя, в частности, данные Исполнительной комиссии бывших членов Учредительного собрания на конец 1921 г., считает, что эмигрантов было менее одного миллиона [137].

При определении численности эмиграции следует учитывать, что значительная часть рядовых участников белогвардейских войск, поддавшихся вражеской пропаганде и покинувших Родину, в дальнейшем возвратилась в Советскую Россию. По некоторым данным, за 1921—1931 гг. численность репатриированных превысила 180 тыс. человек [138].

Итак, население страны уменьшилось по сравнению с довоенным уровнем (в сопоставимых территориях). Однако это уменьшение было различным по разным регионам и губерниям. К сожалению, мы не можем составить полную картину, ибо данные на 1920 г. по многим районам отсутствуют. Но и имеющиеся данные весьма интересны.

Вот таблица, составленная по тем регионам, где имеются сопоставимые данные (табл. 5).

При сравнительно большой убыли по РСФСР (около 4 млн человек), Украине (более 1,5 млн человек) и в маленькой Белоруссии (около 0,3 млн) мы видим регионы, где численность населения возросла. Небольшое увеличение дают Северный Кавказ с Доном, более заметное —

[127] Временные удостоверения личности, заменявшие паспорта для беженцев и лиц без гражданства, введенные Лигой наций по инициативе Ф. Нансена.

[128] *Kulischer E.* Europe of the Move: War and popular changes, 1917—1947. Nev York, 1948. P. 54.

[129] *Lorimer F.* Op. cit. P. 39.

[130] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 43. С. 49, 126; Т. 44. С. 5, 39. В одном случае В. И. Ленин назвал цифру в 700 тыс. человек (Т. 43. С. 138).

[131] *Трифонов И. Я.* Ликвидация эксплуататорских классов в СССР. М., 1975. С. 168—169.

[132] *Спирин Л. М.* Указ. соч. С. 382—383.

[133] *Комин В. В.* Политический и идейный крах русской мелкобуржуазной контрреволюции за рубежом. Калинин, 1977. Ч. 1. С. 30, 32.

[134] *Шкаренков Л. К.* Агония белой эмиграции. М., 1981. С. 17—18.

[135] *Мухачев Ю. В.* Идейно-политическое банкротство планов буржуазного реставраторства в СССР. М., 1982. С. 41.

[136] *Семанов С. Н.* Ликвидация антисоветского кронштадтского мятежа в 1921 г. М., 1973. С. 123.

[137] *Барихновский Г. Ф.* Идейно-политический крах белоэмиграции и разгром внутренней контрреволюции. Л., 1978. С. 15—16.

[138] *Трифонов И. Я.* Указ. соч. С. 178.

Таблица 5 [1*]

Регион	1914 г.	1920 г.
РСФСР [2*]	86 473 215	82 594 643
В том числе:		
Европейская Россия [3*]	72 037 615	66 485 972
Северный Кавказ и Дон	6 812 100	6 850 846
Сибирь	7 623 500	9 257 825
Казахстан	4 472 700	5 058 555
Белоруссия	1 902 800	1 634 223
Украина	27 680 400	26 001 802

[1*] Составлено по: Стат. ежегодник, 1918—1920 гг. С. 2—3.
[2*] Без Крыма, Казахстана, Туркестана, Дагестана, Дальнего Востока.
[3*] Без Донской обл. и Крыма.

Казахстан [139] и попросту разительное — 1,6 млн — Сибирь.

Потери населения по РСФСР, таким образом, полностью приходятся на Европейскую Россию. Эти потери огромны — 5,5 млн человек. Именно эти районы вынесли на себе основные тяготы войны. Здесь особенно остро сказывалась нехватка продовольствия. Отсюда люди уезжали в «хлебные места» — в Сибирь, на Северный Кавказ, в Туркестан.

Но, разумеется, и среди губерний Европейской России существовало огромное различие. Наиболее значительным снижение численности населения было в нечерноземных губерниях — по преимуществу промышленных, потребляющих. Это снижение шло, разумеется, в первую очередь за счет городского населения и прежде всего таких городов, как Москва, Петроград.

Сократили свое население нечерноземные губернии — Брянская (1079 тыс. в 1914 г. и 982 тыс. в 1920 г.), Владимирская (1486 тыс. и 1288 тыс.), Витебская (1662 тыс. и 1353 тыс.), Вологодская (939 тыс. и 913 тыс.), Вятская (2298 тыс. и 2051 тыс.), Гомельская (2787 тыс. и 2374 тыс.), Иваново-Вознесенская (713 тыс. и 659 тыс.), Калужская (1073 тыс. и 955 тыс.), Костромская (1270 тыс. и 1203 тыс.),

[139] По подсчетам Е. З. Волкова, сравнивавшего данные на 1 января 1918 г. с последующими годами, численность населения на Северном Кавказе и в Казахстане к 1920 и 1921 гг. уменьшилась (*Волков Е. З.* Указ. соч. С. 212).

Московская, без г. Москвы (1750 тыс. и 1655 тыс.), Нижегородская (1950 тыс. и 1832 тыс.), Пермская (1890 тыс. и 1778 тыс.), Петроградская, без г. Петрограда (917 тыс. и 894 тыс.), Псковская (1336 тыс. и 1249 тыс.), Смоленская (2146 тыс. и 2026 тыс.), Тверская (1889 тыс. и 1813 тыс.), Череповецкая (663 тыс. и 632 тыс.) [140].

Сохранили неизменным или даже несколько увеличили население лишь отдельные губернии этого региона — Архангельская, Новгородская, Рыбинская, Северо-Двинская, Ярославская [141].

Более пестрая картина в черноземных — производящих — губерниях. В части густонаселенных центральных черноземных губерний численность населения упала, и порой значительно. В Воронежской губ. — 3381 тыс. в 1914 г. и 3062 тыс. в 1920 г., Курской — 3031 тыс. и 2712 тыс.; Орловской — 1802 тыс. и 1514 тыс.; Рязанской — 2538 тыс. и 2157 тыс.; Царицынской — 1519 тыс. и 1200 тыс. Такие губернии, как Пензенская, Тульская, дают очень незначительное снижение. Зато являвшиеся более «благополучными» в продовольственном отношении губернии Среднего Поволжья, Приуралья и Южного Урала дают заметный прирост населения. Это Самарская губ. — 2684 тыс. в 1914 г. и 2819 тыс. в 1920 г.; Саратовская — 2937 тыс. и 3063 тыс.; Уфимская — 1894 тыс. и 2009 тыс., Челябинская — 1170 тыс. и 1313 тыс. губернии. Небольшой прирост населения дают Симбирская (1648 тыс. и 1656 тыс.) и Тамбовская (3327 тыс. и 3391 тыс.) губернии [142].

Расположенные в Европейской России автономные республики и области (без Крыма) показали снижение численности населения (6600 тыс. в 1914 г. и 6322 тыс. в 1920 г.). При этом Татарская АССР, Удмуртская, Коми, Калмыцкая, Марийская автономные области, Карельская трудовая коммуна показали снижение численности, а Башкирская АССР и Чувашская АО дали незначительный прирост [143].

Выше отмечалось (см. табл. 5) некоторое увеличение численности населения на Дону и Северном Кавказе (без Дагестана). Это увеличение достигнуто за счет Горской АССР, Кубано-Черноморской и Терской областей.

[140] Стат. ежегодник, 1918—1920. С. 2, 3.
[141] Там же.
[142] Там же. С. 4, 5.
[143] Там же. По административному делению на 1.IX.1921 г.

В то же время Донская и Терская области дали некоторое снижение численности населения [144].

Отмеченный в табл. 5 и в комментарии «Статистического ежегодника» значительный прирост населения в Сибири относится ко всем основным сибирским губерниям. В Алтайской губ. население увеличилось с 1269 тыс. в 1914 г. до 1634 тыс. в 1920 г.; в Енисейской соответственно с 933 тыс. до 1193 тыс.; Иркутской — с 822 тыс. до 921 тыс.; Омской — с 1382 тыс. до 1556 тыс.; Новониколаевской — с 963 тыс. до 1345 тыс.; Томской — с 877 тыс. до 1086 тыс.; Тюменской — с 1026 тыс. до 1177 тыс.[145]

В Казахстане при росте населения в большинстве губерний следует отметить некоторое снижение его численности в Уральской губ.[146], долго являвшейся районом интенсивных боевых действий.

Большие сложности возникают при определении на конец 1920—начало 1921 г. численности населения Закавказья и Средней Азии, поскольку перепись в 1920 г. там не проводилась (кроме городов Туркестанской АССР), а перипетии военного времени, приводившие к серьезным демографическим сдвигам, были особенно значительны. Ввиду этого представляется возможным использовать опубликованные в 1924 г. данные на март 1923 г. Эти данные получены следующим образом.

15 марта 1923 г. была проведена городская перепись. Она дала широкую информацию не только по городам как таковым, но и по всем поселениям городского типа (посады, фабрично-заводские поселки, местечки, поселки при железнодорожных станциях и речных пристанях, дачные поселения и т. д.).

Сельское население было исчислено на 15 марта 1923 г. на основе: 1) сведений выборочных сельскохозяйственных переписей 1921 и 1922 гг., 2) сведений загсов о естественном движении населения, 3) данных о численности демобилизованных, 4) данных губстатбюро о численности сельского населения по местным сведениям. Границы губерний и областей взяты на 15 мая 1920 г. При этом данные на 1920 г., лежащие в основе исчисления, в ряде случаев уточнены по сравнению с ранее опубликованными.

Таким образом, данные о населении Закавказских республик, опубликованные в статистическом сборнике

[144] Стат. ежегодник, 1918—1920. С. 4, 5.
[145] Там же.
[146] Там же.

1924 г., могут быть использованы (с соответствующими оговорками) для характеристики положения в 1921 г.

Тем не менее исследователь встречается с существенными различиями между другими источниками. Особенно это касается Армении.

Население Армении составляло в 1914 г. (вместе с Нахичеванской обл.) [147] 1 184 660 человек, в 1916 — 1 214 391 человек [148]. Статистический сборник 1924 г. указывает, что весной 1923 г. оно составило (с Нахичеванской обл.) — 1 511 468 человек. Население Нахичеванской обл. (весной 1923 г.) — 111 500 [149]. Однако сохранились данные переписи, проведенной в Армении в 1922 г. Эти данные рисуют совершенно другую картину. По ним население Армении составило в 1922 г. 781 011 человек [150].

Этот яркий пример статистической разноголосицы объясняется прежде всего сложностью обстановки. С одной стороны, сказался наплыв беженцев из турецкой Армении. Их численность ориентировочно определялась в 200—300 тыс. человек [151]. Правда, по свидетельству В. Н. Худадова, значительная часть беженцев не была переписана [152].

С другой стороны, армяне понесли большие потери в межнациональных столкновениях, развязанных армянскими, азербайджанскими, грузинскими националистами.

Так или иначе, сведения, содержащиеся в статистических сборниках начала 20-х годов, представляются по отношению к Армении значительно преувеличенными. Главный аргумент в пользу этого соображения таков: данные второй половины 20-х годов свидетельствуют, что численность населения Армении не превышала 1 млн человек [153].

[147] Население Армении на 1914 и 1916 гг. дано в «Статистическом ежегоднике», на который мы ссылаемся, вместе с Нахичеванской обл., численность населения которой не указана. Стат. ежегодник, 1918—1920. С. 6.
[148] Сборник статистических сведений по Союзу ССР. М., 1924. С. 4.
[149] Там же.
[150] *Худадов В. Н.* Закавказье. М.; Л., 1926. С. 66. Такие же данные приводятся в одном из сборников 80-х годов. Там население Армении в 1920 г. определено в 720 тыс. человек, в 1922 — в 722 тыс. (Народное хозяйство СССР в 1922—1982 гг. М., 1982. С. 11).
[151] СИЭ. М., 1961. Т. 1. С. 764, 766.
[152] *Худадов В. Н.* Указ. соч. С. 61.
[153] Исчисление на 1925 г. — 921,4 тыс. человек (Народное хозяйство Союза ССР в цифрах. М., 1925. С. 18); перепись 1926 г. — 881,3 тыс. (СИЭ. Т. 1. С. 771).

По другим республикам Закавказья разница в данных не столь значительна. Население Азербайджана обнаруживает тенденцию к уменьшению (2 111 400 человек в 1914 г., 2 096973 в 1916 г., 2 004 752 в 1923 г.)[154]. По Грузинской ССР (включая Абхазию и Аджарию) население, возраставшее в 1914—1916 гг., уменьшилось к 1923 г. (1914 г. — 2 140 100 человек, 1916 г. — 2 372 403, 1923 г. — 2 119 236 человек). По Абхазии этот ряд составляет 127 800 в 1914 г.; 190 783 в 1916 г.; 174 126 человек в 1923 г. По Аджарии — 162 600, 178 144, 153 110, по собственно Грузии — 1 829 700, 2 003 476, 1 792 000 человек[155].

Отдельные сведения, имеющиеся по Средней Азии, говорят о факторах, обусловивших падение численности населения.

Страшный неурожай 1917—1918 гг. в Туркестане, равный по масштабам поволжскому в 1921 г., привел к тому, что «десятки тысяч хозяйств вымерли; пали сотни тысяч голов скота, по всей стране свирепствовали эпидемии»[156].

Сравнение данных переписей 1917 и 1920 гг. невозможно ввиду неполноты сведений. «Но там, где оно оказалось возможно, обнаружилась почти всюду громадная убыль населения, при этом в районах с преобладающим кочевым населением произошло несравненно большее сокращение числа жителей, чем в оседлых»[157].

В Амударьинской области цифры можно сравнить лишь по одному уезду — Чимбайскому. Снижение численности в 1920 г. по сравнению с 1913 г. составило почти 40 %.

В Джетысуйской (Семиреченской) области в большинстве уездов убыль населения колеблется от 12,5 % до 34 %. Туркестанская статистика определяла убыль сельского населения Ферганы в 1917—1920 гг. приблизительно в 25 % хозяйств[158].

По подсчетам Е. З. Волкова в течение гражданской войны население Туркестана снижалось: 5 921,2 тыс.

154 Стат. ежегодник, 1918—1920. С. 6, 6; Сборник стат. сведений. С. 4.

155 Там же. Современные статистические сборники дают другие сведения о населении этих республик: население Грузии в 1921 г. — 2411 тыс., в 1922 — 2436 тыс.; Азербайджана в 1920 г. — 1952 тыс., в 1922 — 1863 тыс. (Народное хозяйство СССР в 1922—1982 гг.: Юбил. сб. М., 1982. С. 11).

156 *Лубны-Герцык Л. И.* Указ. соч. С. 60; Стат. ежегодник, 1917—1923; ЦСУ Туркреспублики. Ташкент, 1924. С. 42.

157 *Лубны-Герцык Л. И.* Указ. соч. С. 60.

158 Там же. С. 61, 62.

на 1 января 1918 г., 5775,1 тыс. на 1 января 1919 г., 5693,6 тыс. на 1 января 1920 г., 5644,5 тыс. на 1 января 1921 г. И лишь в 1921 г. происходит неожиданное и резкое увеличение — 6507,1 тыс. на 1 января 1922 г.[159] Объяснить это можно главным образом потоком беженцев («голодбеженцы») из неурожайного Поволжья и пострадавших от джута казахских районов, а также в определенной мере возвратом на советскую территорию кочевых хозяйств из Афганистана и Китая. Такова сложная, разноплановая картина изменения численности населения в различных районах страны.

Рассмотрим еще некоторые аспекты, характеризующие особенности распределения населения по регионам и губерниям.

В связи с тем что из состава России выделился ряд густонаселенных районов, плотность населения в целом по стране уменьшилась. Накануне войны средняя плотность по стране в целом была 9,5 человека на 1 кв. версту. В начале 20-х годов средняя плотность по стране уменьшилась до 7,3 человека на 1 кв. версту[160]. Уменьшение плотности идет исключительно за счет европейской части страны, а по Сибири и Средней Азии наблюдалось к 1924 г. даже незначительное увеличение: по Сибири с 0,9 до 1,1; по Средней Азии с 3,6 до 3,8 человек на 1 кв. версту. Средняя плотность европейской части составляла 26,3 человека на 1 кв. версту[161].

Наиболее плотно населенными губерниями европейской части страны были: Подольская (98,3), Полтавская (72,6), Харьковская (72,5), Киевская (68,4), Курская (66,4), Орловская (63,6), Тульская (63,3), Тамбовская (57,6). Редко населены были северные — Архангельская (0,8), Мурманская (0,1) — и сибирские губернии. В Енисейской губ., например, плотность населения составляла 0,5 человека на 1 кв. версту[162].

Как констатировалось в гл. 1, губернии были очень различны по размерам своей территории. Так же существенно они различались и по численности населения. В нечерноземных губерниях Центра большинство губерний (за исключением северных — огромной Архангельской, большой Пермской, крупных, по 100 тыс. кв. верст,

159 *Волков Е. З.* Указ. соч. С. 236.

160 *Сулькевич С. И.* Указ. соч. С. 13.

161 Там же.

162 Там же. С. 14.

Вологодской, Вятской, Северо-Двинской) были сравнительно невелики по площади, но заселены по российским масштабам довольно плотно. Население четырех губерний (из 26) превышало 2 млн человек (Вятская, Гомельская, Смоленская, Московская с г. Москвой), восьми — превышало 1 млн человек (Витебская, Владимирская, Костромская, Нижегородская, Пермская, Псковская, Тверская, Петроградская с г. Петроградом). Большинство остальных губерний было относительно ровным по численности населения, насчитывая от 600—700 тыс. жителей (Иваново-Вознесенская, Рыбинская, Северо-Двинская, Череповецкая, Ярославская) до 800—900 тыс. (Брянская, Вологодская, Калужская, Новгородская) [163]. Из этого ровного ряда выбивались лишь малонаселенные северные губернии (Архангельская — 361 тыс., Мурманская — 19 тыс., Олонецкая — 217 тыс.).

Черноземные губернии Европейской России, включая сравнительно небольшие центральные, крупные средневолжские и просторные уральские, были густонаселенными и более ровными в отношении численности жителей. Население трех губерний (Воронежская, Саратовская, Тамбовская) превышало 3 млн человек, четырех (Курская, Рязанская, Самарская, Уфимская) — превышало 2 млн человек, трех (Екатеринбургская, Пензенская, Тульская) приближалось к 2 млн. Остальные насчитывали от 1,2 до 1,6 млн жителей (Орловская, Симбирская, Царицынская, Челябинская). Лишь Астраханская губерния, небольшая по площади, имела и незначительное население (387 тыс.) [164].

Приведенный в этом параграфе материал говорит о небывалой по своим масштабам множественности проявлений изменения демографической обстановки в России во второй половине второго десятилетия XX века. Таких гигантских миграций, пертурбаций, перетасовок населения, изменений в его численности, какие произошли в 1914—1920 гг., страна доселе не знала. Многие миллионы людей, призванных в армию, из них — миллионы, попавших в плен и вернувшихся к родным очагам спустя долгое время. Многие миллионы беженцев из оккупированных Германией областей. Многие сотни тысяч иностранных военнопленных. Массы людей, покинувших голодающие города и переселившихся в деревни. Сотни

[163] Стат. ежегодник, 1918—1920. С. 2.
[164] Там же.

тысяч «спасавшихся от революции», бежавших на юг и восток, отступавших вместе с белогвардейцами и, наконец, оказавшихся в эмиграции. Сотни тысяч погибших от эпидемий. Все это характеризует обстановку, в которой начиналось строительство социализма.

Мы видим, какие потери понесла страна в результате иностранной интервенции и развязанной контрреволюцией гражданской войны. Эти потери — результат прежде всего иностранного вмешательства, блокады, превративших страну в осажденную крепость, лишенную хлеба и медикаментов, топлива и одежды.

«На нашу долю выпала величайшая честь и величайшая трудность быть первым социалистическим отрядом в борьбе с мировым империализмом», — говорил В. И. Ленин [165].

Борьба за защиту завоеваний революции, за свободу и независимость социалистического отечества потребовала от советских людей невиданного напряжения сил, принесла невиданные лишения и невиданные потери. Огромные безвозвратные потери, тяжелые последствия снижения рождаемости, резкое увеличение численности калек, больных и прочего нетрудоспособного населения, миллионы сирот, ставших беспризорными, — все это в огромной степени затруднило восстановление разрушенного во время войны хозяйства, возвращение к мирной жизни, затормозило движение советского общества по пути социалистического строительства.

Ранее приводились ленинские слова о положении России сразу после гражданской войны [166]. Ленинская характеристика, данная в марте 1921 г., говорит не только об экономическом положении страны, но и о тяжелейшей демографической ситуации.

Мы приводили данные о том, что население страны сократилось к 1922 г. почти на 13 млн человек. Но прямое сокращение еще не исчерпывает всех демографических потерь. Ведь население страны в обычных условиях не осталось бы неизменным, а должно было вырасти.

Еще в начале 20-х годов один из крупнейших советских экономистов и статистиков С. Г. Струмилин подсчитал, что общий итог людских потерь составил свыше 21 млн душ [167].

[165] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 36. С. 528.
[166] См.: Там же. Т. 43. С. 147.
[167] *Струмилин С. Г.* Проблемы экономики труда. М., 1957. С. 39.

С. Г. Струмилин осуществлял свои расчеты по материалам переписи населения, проводившейся в августе 1920 г. Приведенные выше данные показывают, что и конец 1920 г., и 1921, да и 1922 г. принесли новое прямое сокращение численности населения. Следовательно, и общий итог людских потерь более значителен, чем указанный С. Г. Струмилиным, и превышает, вероятно, 25 млн.

Понесенные потери сказывались долгие годы. Потревоженный демографический океан медленно входил в свои берега. Годы шли, зарубцовывались шрамы на лице земли, засеивались вытоптанные войной поля, восстанавливались фабрики и заводы, железнодорожные пути, а последствия людских потерь продолжали сказываться во всех областях жизни общества.

2. Сельское и городское население. Половозрастной состав

В годы гражданской войны демографические процессы развивались неодинаково в городе и деревне. Поэтому во время перехода к мирному строительству соотношение между городом и деревней в демографическом плане было иным, чем до войны и до революции.

Рассмотрим сначала изменения в численности городского населения. По подсчетам Е. З. Волкова, удельный вес городского населения (коэффициент урбанизации), составлявший 18, 20 на 1 января 1918 г., непрерывно падал до 1922 г.: 1919 г. — 17,44; 1920 г. — 16,68; 1921 г. — 15,93; 1922 г. — 15,99 [168]. Однако сопоставление данных разных лет о численности городского населения наталкивается на дополнительные и неожиданные трудности. Дело в том, что при переписи 1920 г. понятие городского населения было значительно расширено. Перепись 1920 г. дает численность городского населения, а предыдущие переписи — численность населения городов. Это не идентичные понятия. По переписи 1920 г. к городским поселениям были отнесены также поселки при фабриках и заводах, железнодорожных станциях и речных пристанях с населением не менее 500 человек, дачные поселки и курорты с населением не менее 500 жителей, городские пригороды [169].

[168] *Волков Е. З.* Указ. соч. С. 201.
[169] *Лубны-Герцык Л. И.* Указ. соч. С. 42.

К поселениям городского типа по переписи 1920 г. относились и совсем малочисленные поселки с населением менее 1000 и даже 500 человек. В Московской губ., например, где городских поселений насчитывалось больше, чем в других губерниях, из 104 таких единиц 32 охватывали население менее 1000 человек [170].

По Европейской России таких городских поселений (менее 1000 человек) насчитывалось 220 [171], в Сибири — около 20 [172]. Это были поселки при заводах, железнодорожных станциях, речных пристанях, местечки в Белоруссии, пригородные селения. Некоторые из них (местечко Пышно Лепельского уезда Витебской губ. со 199 жителями, станция Идрица под Себежем со 140 жителями, станция Дмитриев в Курской губ. со 127 жителями, поселок при Сухогорском заводе в Екатеринбургской губ. с 61 жителем, поселок при Соколовской фабрике Богородского уезда Московской губ. с 280 жителями и другие) [173] можно было назвать городскими поселениями чисто формально.

Разница в критериях определения городского населения выдвинула своеобразную научную задачу — обеспечить достижение сопоставимости в материалах различных лет — предвоенных, предреволюционных и 1920—1923 гг. Поэтому еще в 1925 г. Б. А. Гухман предпринял попытку установить сопоставимый динамический ряд, характеризующий население городов за 1897—1923 гг. Б. А. Гухман приводит раздельно численность населения собственно городов (так было принято при исчислениях 1897—1917 гг.) и население поселков городского типа, которые дополнительно к собственно городам включали переписи 1920 и 1923 гг. [174]

Численность городского населения, по его подсчетам, выглядит следующим образом. Общая численность городского населения (включая поселки городского типа) значительно росла за время империалистической войны: 25,4 млн на 1 января 1914 г.; 27,3 млн на 1 января 1916 г.; 27,8 млн на 1 января 1917 г. Эта численность резко упала за годы гражданской войны: 20,1 млн на 1 августа 1920 г. Затем начался медленный поначалу рост: 21,2 млн на

[170] Стат. ежегодник, 1918—1920. С. 28—29.
[171] Там же. С. 23—34.
[172] Там же. С. 34—35.
[173] Там же. С. 23, 24, 26, 27, 28.
[174] *Гухман Б. А.* Продукция и потребление СССР: К народнохозяйственному балансу 1922/23 хоз. г. М., 1925.

1 августа 1922 г. и 21,9 млн на 15 марта 1923 г. Эта же тенденция видна с еще большей отчетливостью на данных о собственно городах — рост за годы империалистической войны с 20,4 млн на 1 января 1914 г. до 22,6 млн на 1 января 1917 г., резкое падение к 1920 г. до 15,1 млн, рост за 1922—1923 гг. до 17,7 млн на 15 марта 1923 г.

Численность населения поселков городского типа оставалась за годы империалистической и гражданской войн, в общем, неизменной — на уровне примерно 5 млн человек, дав некоторое снижение лишь в 1921—1922 гг.[175]

Нетрудно убедиться, что удельный вес населения собственно городов в общем городском населении несколько растет за время империалистической войны: с 80,4 в 1914 г. до 81,3 в 1917 г., затем падает до 76,6 в 1920 г. и до 75,1 в 1921 г., затем снова поднимается до 80,0 в 1923 г.[176]

Таким образом, налицо огромное снижение численности городского населения. За годы гражданской войны она сократилась более чем на 6 млн человек, а по городам без поселков на 7,5 млн человек. Такое огромное снижение объяснялось кроме общих причин, о которых говорилось в предыдущей главе (рост смертности, снижение рождаемости, боевые потери и т. п.), еще и причинами специфически «городскими»:

1) Происходило рассасывание пришлого населения периода империалистической войны, прежде всего беженцев. Это население составляло почти 2,5 млн человек.

2) Зажиточные горожане (высшее чиновничество, крупная и средняя буржуазия, офицерство, буржуазная интеллигенция), составили большую часть эмигрантов, а общая численность эмиграции, как уже отмечалось, колебалась между 1,5 и 2 млн человек.

3) Сотни тысяч горожан уехали в деревню вследствие закрытия и сокращения промышленных предприятий, а также надеясь найти в деревне возможность прокормиться.

4) Известная часть жителей центральноевропейских городов переместилась в города Украины, Сибири, Северного Кавказа.

Заведующий отделом городской статистики ЦСУ О. А. Квиткин в статье о населении городов европейской части РСФСР по переписям 1897, 1917, 1920 и 1923 гг.

---

175 *Волков Е. З.* Указ. соч. С. 203.
176 Там же. С. 204.

опубликовал ряд таблиц[177], по которым можно сделать интересные наблюдения. Больше всего с 1917 по 1920 г. упала численность населения в столицах — Москве и Петрограде. Эта убыль составила 58,2 %.

Численность населения в городах потребляющей полосы снизилась больше (24 %) по сравнению с городами производящей полосы (14,4 %).

Чем крупнее город, тем большей была убыль городского населения — этот вывод также очевиден. В потребляющей полосе убыль населения в 1917—1920 гг. составила в городах с числом жителей более 50 тыс. 29,3 %; с числом жителей от 10 до 50 тыс. — 25,3 %; менее 10 тыс. — 11,3 %. В производящей полосе эти данные соответственно составляют 18,8 % 9,8 и 5,8 %.

По подсчетам Е. З. Волкова, городское население по стране в целом (без Хивы и Бухары) составляло: на 1 января 1918 г. — 25 642,7 тыс., на 1 января 1920 г. — 21 963,8 тыс.[178] на 1 января 1921 г. — 20 626,4 тыс.[179] Главное падение численности приходится на европейскую часть страны (без Северного Кавказа): 20 270,6 тыс. на 1 января 1918 г.; 15 193,4 тыс. на 1 января 1921 г.

В то же время на Северном Кавказе городское население не только не уменьшилось, но и дало значительный прирост: 1 142,8 тыс на 1 января 1918 г. и 1 509,9 на 1 января 1921 г. Выросло оно и в Закавказье: 1 075,8 тыс. на 1 января 1918 г. и 1 171,6 тыс. на 1 января 1921 г., и в Туркестане, хотя и совсем незначительно: 1015,4 тыс. на 1 января 1918 г. и 1033,3 на 1 января 1921 г.[180]

Уменьшение городского населения показывают Сибирь (соответственно 1007,9 тыс. и 901,4 тыс.); Дальний Восток (644,9 тыс. и 445,5 тыс.), Степной край (485,3 тыс и 371,3 тыс.)[181].

Наиболее заметен, резко выделяясь из преобладающей тенденции, рост городского населения на Северном Кавказе. Это тем более заметно, что общая численность населения в этом регионе снизилась за это время более чем на 1 млн человек: 9729,4 тыс. на 1 января 1918 г., и 8674,7 тыс. на 1 января 1921 г.[182] Эти 300—400 тыс. человек, которые дали увеличение городского населения на

---

177 Бюл. ЦСУ. №. 77; *Лубны-Герцык Л. И.* Указ. соч. С. 70.
178 Включая 903,2 тыс. военнослужащих в городских гарнизонах.
179 Включая 763,8 тыс. военнослужащих.
180 *Волков Е. З.* Указ. соч. С. 212—213.
181 Там же.
182 Там же.

Северном Кавказе, в своей массе, несомненно, являются пришлым населением, перекочевавшим в ходе гражданской войны в теплые и слывшие «хлебными» места из голодного и холодного Центра.

Гражданская война, межнациональные столкновения, распространение политического бандитизма вынуждали и часть сельского населения Северного Кавказа перебираться в города.

Этим данным, в общем, не противоречат материалы Л. И. Лубны-Герцыка. Приводим составленную им таблицу городского населения в 1920 г., тыс.[183]

Всего по советским республикам (без Бухары и Хивы)	20 122.6
РСФСР	13 761,1
В том числе:	
Европейская часть	9 461,6
Юго-Восток	1 346,8
Сибирь	1 028,2
Дальний Восток	433,4
Казахстан	420,0
Туркестан	1 071,1
Белоруссия (в границах 1924 г.)	352,5
Украина	4 734,2
Закавказье	1 274,4

Существенным дополнением к сведениям о численности городского населения по регионам являются данные о населении ряда областных и губернских городов (табл. 6).

Без труда можно убедиться, что подавляющее большинство городов дают снижение численности населения. Исключение составляют лишь города, хотя и не все, Северного Кавказа — Екатеринодар (Краснодар), Новороссийск, отдельные города Украины (Харьков, Полтава), два крупных города Сибири (Омск и Иркутск) и Семипалатинск.

Города обезлюдели. К осени 1920 г. лишь в одном городе — Москве население немногим превышало 1 млн человек (1 027 336)[184], и в одном городе — Петрограде превышало 0,5 млн (722 229), лишь в пяти городах (Киев, Одесса, Харьков, Ташкент, Баку) — превышало 200 тыс. человек[185]. Тринадцать городов (Саратов, Ростов-на-Дону, Казань, Самара, Омск, Екатеринодар, Нижний Новгород, Астрахань, Екатеринослав, Тула, Оренбург, Минск, Николаев) насчитывали более 100 тыс. жителей и около сорока — от 50 до 100 тыс.[186] И это из 1616 поселений городского типа![187]

[183] *Лубны-Герцык Л. И.* Указ. соч. С. 78.
[184] Сборник стат. сведений. С. 38.
[185] Там же.
[186] Там же. С. 38.
[187] Стат. ежегодник, 1918—1920. С. 2.

Таблица 6. Население городов в 1914—1920 гг.*

Город	1914 г. исчисление	1920 г.	1920 г. к 1914 г., %
Минск	116 700	104 015	89,1
Витебск	108 224	80 003	73,9
Могилев	54 200	39 529	72,9
Харьков	244 710	285 213	116,5
Полтава	65 100	76 648	117,7
Киев	520 500	392 109	75,3
Чернигов	36 307	29 995	82,6
Каменец-Подольский	49 940	31 548	63,1
Екатеринослав	211 070	162 965	77,2
Херсон	96 158	74 483	77,4
Новочеркасск	69 146	63 844	92,3
Екатеринодар	102 200	146 700	143,5
Ставрополь	64 100	63 150	98,5
Новороссийск	47 040	54 262	115,3
Владикавказ	78 700	61 549	78,2
Баку	232 200	193 604	83,3
Тобольск	24 800	15 010	60,5
Томск	114 666	91 954	80,2
Омск	134 800	141 881	105,2
Красноярск	81 000	66 223	81,7
Иркутск	93 400	95 677	102,4
Уральск	40 660	33 595	82,6
Кустанай	28 800	20 115	69,8
Семипалатинск	34 300	44 600	130,0
Ташкент	277 900	232 609	85,5
Самарканд	94 650	82 317	86,9
Ашхабад	51 300	25 811	50,3

* *Лубны-Герцык Л. И.* Указ. соч. С. 74—76.

В ходе войны значительно увеличилось преобладание сельского населения над городским. На момент переписи 1920 г. (конец августа) из 131 546 тыс. человек учтенного населения в сельской местности проживало 110 854 тыс., в городах и поселках — 20 692 тыс.[188]

При определении сравнительной численности городского и сельского населения в целом и по губерниям, уездам, волостям, а также половых и возрастных групп используются данные переписи 28 августа 1920 г. Выше оговаривалась их неполнота. Однако в данном случае, когда для нас важны не абсолютные цифры, а сравнитель-

[188] Там же. С. 2, 3.

ная характеристика административно-территориальных единиц по половым и возрастным группам, данные переписи 1920 г. вполне пригодны для использования, ибо те или иные отдельные неточности не влияют существенно на картину распределения населения по губерниям, уездам, волостям.

Вполне допустимо использование данных этой переписи и для определения абсолютной численности населения значительного большинства губерний, уездов, волостей, населенных пунктов Центральной России, Поволжья, Урала, Западной Сибири, ряда районов Украины и Казахстана. К сожалению, перепись не дает материалов по Кавказу, Средней Азии, Дальнему Востоку, ряду районов Украины и Сибири.

Неполнота переписи августа 1920 г. заставляет нас обратиться к другим источникам. Е. З. Волков предпринял важную и полезную попытку осуществить ряд пересчетов с целью определить численность городского и сельского населения в 1918—1923 гг. Он брал данные переписи 1920 г. и пересчитывал их на 1 января 1921 г. с учетом численности Красной Армии, белогвардейских отрядов, военнопленных и т. д. Затем он осуществлял пересчет на 1 января 1922 г., сочетая положенные в основу материалы переписи 1920 г., материалы городской переписи 1923 г. и исчисление государственной статистикой сельского населения на 15 марта 1923 г.[189]

Такие расчеты имеют, как уже отмечалось, ряд недостатков. Они кладут в основу кроме надежных сведений городской переписи 1923 г. данные переписи 1920 г., не имеющие сведений по ряду территорий, и зыбкие, построенные на частичных материалах и интерполяциях исчисления государственной статистики сельского населения на 1923 г. Однако другими материалами наука не располагает. Методика ретроспективного использования данных переписи 1926 г., примененная нами для определения национального состава населения, в данном случае не подходит. Поэтому мы используем подсчеты Е. З. Волкова, оговаривая их слабые стороны и известную условность.

Итак, по подсчетам Е. З. Волкова, на 1 января 1921 г. из 134 275,8 тыс. человек населения страны сельское население составляло 112 885,6 тыс. На 1 января 1922 г.

[189] *Волков Е. З.* Указ. соч. С. 183.

Таблица 7. Динамика сельского населения по некоторым регионам, тыс.*

Регион	1.1.1919 г.	1.1.1920 г.	1.1.1921 г.	1.1.1922 г.
Европейская часть страны (без Северного Кавказа)	84 336,1	83 420,7	82 372,7	81 883,9
Северный Кавказ	8 101	7 438,7	7 164,8	6 814,4
Закавказье	4 745,1	4 540,6	4 472,9	4 569,7
Туркестан	4 773,6	4 650,3	4 611,2	5 435,4
Сибирь	7 431,6	7 875,6	8 111,4	8 298,4

* *Волков Е. З.* Указ. соч. Табл. 117. С. 212—213.

эти цифры были соответственно 133 890,1 тыс. и 112 477,4 тыс. человек [190].

Во время гражданской войны численность сельского населения уменьшалась хотя не столь значительно и не столь последовательно, как в городах. 1918 г. дал небольшой (96 тыс.) прирост по сравнению с предыдущим годом, и численность сельского населения к 1919 г. достигла 115 336,8 тыс. 1919 г. принес значительную убыль (более 1100 тыс.), 1920 г. еще более увеличил потери (почти 1340 тыс.). Падение численности сельского населения продолжалось в 1921 и в 1922 гг. (соответственно 411 и 442 тыс. человек). Этим динамика сельского населения отличается от динамики городского населения, которое уже в 1921 и 1922 гг. дало, правда незначительный, прирост [191].

Из данных табл. 7 следует, что в европейской части страны (без Северного Кавказа) численность сельского населения непрерывно падала. По Северному Кавказу снижение численности было также значительным. Падение численности сельского населения Закавказья было не столь резким, но неуклонным. Однако 1921 г. здесь прекращает падение и даже дает некоторый прирост. Такую же картину, но с более ярко выраженным приростом за 1921 г., дает и Туркестан. В отличие от европейской части страны, Закавказья и Туркестана Сибирь показывает прирост сельского населения.

[190] Там же. С. 208.
[191] Там же.

Несмотря на уменьшение численности сельского населения, его преобладание стало, как уже отмечалось, еще более заметным. Страна стала еще более аграрной. Отлив городского населения был особенно ощутим в промышленных районах, производящих губерниях. Рост городского населения в отдельных регионах (Северный Кавказ, Закавказье) обусловлен их специфическими особенностями и не меняет общей картины. Следует отметить также, что национальные автономные республики и области были, как правило, более «деревенскими» и численный перевес сельского населения над городским в них был значительнее, чем в большинстве других губерний РСФСР.

Таким образом, гражданская война временно прервала неуклонную тенденцию предшествующих десятилетий — роста городского населения [192].

Л. И. Лубны-Герцык сравнивает данные сельскохозяйственной переписи 1916 г. с данными переписи 1920 г. по 34 губерниям. По его таблице получается, что численность сельского населения в 1920 г. уменьшилась лишь в 10 губерниях (Московская — 88,5 % в 1920 г. по отношению к 1916 г.; Владимирская — 88,9, Донская — 89, Тюменская — 89,4, Харьковская — 91,5, Нижегородская — 94,4, Костромская — 95,1, Вологодская — 95,2, Гомельская — 97,2, Петроградская — 97,4). Осталась почти неизменной численность сельского населения в 5 губерниях (Орловская — 98,0 %, Полтавская — 98,2, Вотская обл. — 98,3, Пензенская — 99,8, Новгородская — 99,9).

В большинстве же губерний и республик (19) население сельских местностей выросло (Иркутская, Калужская, Саратовская, Смоленская, Архангельская, Черниговская, Рязанская, Тамбовская, Северо-Двинская, Башкирская, Тульская, Омская, Витебская, Симбирская, Череповецкая, Тверская, Енисейская, Ярославская, немцев Поволжья).

Не отрицая того, что в отдельных губерниях сельское население могло увеличиться за счет притока горожан, следует все же признать, что в европейской части страны, несомненно, преобладала тенденция падения численности сельского населения. Данные же Л. И. Лубны-Герцыка легко объяснить тем, что перепись 1916 г. была сельскохозяйственной, т. е. имела целью выявить население,

---

[192] *Лубны-Герцык Л. И.* Указ. соч. С. 46.

Р. С. Ф. С. Р. — Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ТРУДЫ ЦЕНТРАЛЬНОГО СТАТИСТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ.
Том VIII. Выпуск 3.

СТАТИСТИЧЕСКИЙ ЕЖЕГОДНИК

1921 г.

Выпуск первый.

С присоединением сведений за 1922 г. по внешней торговле.

Prolétaires de tous les pays, unissez-vous!

TRAVAUX DE L'ADMINISTRATION CENTRALE DE STATISTIQUE de la RUSSIE.
Tome VIII. Livraison 3.

ANNUAIRE STATISTIQUE

1921

Livraison première.

Avec les renseignements sur l'industrie et le commerce exterieur pour 1922.

МОСКВА. — MOSCOU
1922.

занимающееся сельским хозяйством, а перепись 1920 г. выявляла все население сельских местностей.

О возрастном и половом составе городского и сельского населения в 1920 г. дают представление табл. 8 и 9. Анализируя данные этих таблиц, мы видим, что в деревне гораздо более высок удельный вес детей, рожденных в военное время. По регионам наиболее высокий удельный вес этой категории (по селу) дает Казахстан, самый низкий — Украина и Юго-Восток, что явно объясняется большей интенсивностью военных действий и политической нестабильностью в этих районах. Перевес деревни заметен и по более дробным возрастным категориям (в возрасте до 1 года, в возрасте 1 года и т. д.). Из региональных особенностей следует отметить весьма малый процент детей до 1 года в Казахстане.

В деревне по сравнению с городом значительно выше доля детей в возрасте 5—9 лет. Это, безусловно, объясняется тем, что и до войны село отличалось более высоким уровнем рождаемости. Наиболее высок удельный вес этой группы на Юго-Востоке (по селу). Это превышение мы видим и применительно к возрастной группе 10—14 лет с постепенным снижением разницы в 16 и 17 лет. Переломным является 18-летний возраст. Эта группа дает и по женщинам и по мужчинам большой удельный вес для горожан.

За годы войны резко изменилось соотношение мужского и женского населения. Если показатели на 1914 г. говорят о численном равенстве полов, то данные переписи 1920 г. показывают огромный (более 9,5 млн) численный перевес женщин [193]. При этом следует учесть, что сводные цифры переписи 1920 г. включают данные по территориям Туркестана, Закавказья, Дагестана, ДВР не на 1920, а на 1916 г. По всем этим республикам и регионам данные 1916 г. дают значительное численное превышение мужчин над женщинами. Включение данных 1916 г. в показатели 1920 г. значительно снижает общую разницу в численности мужчин и женщин. Без Казахстана и Туркестана по РСФСР разница между численностью мужчин и женщин превышает 8 млн, по Украине — почти 2 млн [194].

В сельской местности 45 губерний и автономий европейской части РСФСР по переписи 1920 г. проживало

[193] Стат. ежегодник, 1921. М., 1922. С. 2, 3. Табл. 1.
[194] Там же.

С. С. С. Р. Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ТРУДЫ ЦЕНТРАЛЬНОГО СТАТИСТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ
Том VIII. Выпуск 4.

СТАТИСТИЧЕСКИЙ ЕЖЕГОДНИК

1921 г.

Выпуск второй.

С присоединением некоторых сведений за 1922 г.

Prolétaires de tous les pays, unissez-vous!

TRAVAUX DE L'ADMINISTRATION CENTRALE DE STATISTIQUE de la RUSSIE.
Tome VIII. Livraison 4.

ANNUAIRE STATISTIQUE

1921

Livraison seconde.

Avec les renseignements pour 1922.

МОСКВА. — MOSCOU.

Таблица 8. Сельское население страны в 1920 г.[1*]

	Всего		Возраст							
			Меньше 1 года		1 год		1–4 года		5–9 лет	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
Юго-Восток [2*]	2 624 279	3 106 422	—	—	—	—	—	—	—	—
Pro mille	1 000	1 000	19,3	15,8	20,4	16,8	99,7	83,7	191,1	162,5
Сибирь [3*]	3 899 458	4 232 810	—	—	—	—	—	—	—	—
Pro mille	1 000	1 000	31,0	28,4	34,1	31,2	116,0	107,0	157,4	146,9
Казахская (Киргизская) [4*] АССР	713 274	759 149	—	—	—	—	—	—	—	—
Pro mille	1 000	1 000	14,0	12,4	28,8	26,5	122,5	111,7	174,4	159,7
Украина	6 275 588	6 917 743	—	—	—	—	—	—	—	—
Pro mille	1 000	1 000	22,5	19,5	25,3	22,5	96,7	87,0	164,2	149,7
По стране [5*]	38 717 585	46 707 388	1 065 107	1 043 253	1 142 523	1 131 837	4 170 578	4 169 438	6 669 536	6 781 191
	1 000	1 000	27,5	22,3	29,5	24,2	107,7	89,2	172,3	145,3

Таблица 8 (*продолжение*)

	Возраст									
	1–14 лет		16 лет		17 лет		18 лет		19 лет	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
Юго-Восток [2*]	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Pro mille	172,5	141,6	27,6	26,1	24,5	25,0	19,2	22,9	9,1	18,0
Сибирь [3*]	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Pro mille	145,1	130,2	24,4	22,8	21,2	20,5	14,1	19,0	6,9	17,9
Казахская (Киргизская) [4*] АССР	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Pro mille	151,2	124,2	23,8	21,3	18,8	18,8	12,7	19,9	5,3	12,0
Украина	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Pro mille	155,6	137,8	26,2	25,9	24,2	23,9	21,4	23,9	14,1	19,1
По стране [5*]	6 186 253	6 215 762	1 032 013	1 160 288	871 712	1 037 609	656 626	966 032	311 211	800 055
	159,8	133,1	26,7	24,9	22,5	22,4	16,9	20,7	8,0	17,2

Таблица 8 (*продолжение*)

	Возраст									
	20—29 лет		30—39 лет		40—49 лет		50—59 лет		Свыше 60 лет	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
Юго-Восток [2*]	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Pro mille	95,4	161,1	88,4	110,8	87,5	80,6	66,3	61,8	70,1	63,6
Сибирь [3*]	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Pro mille	113,8	154,7	107,1	111,5	93,4	84,1	63,5	60,3	78,6	71,9

Таблица 8 (*окончание*)

	Возраст									
	20—29 лет		30—39 лет		40—49 лет		50—59 лет		Свыше 60 лет	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
Казахская (Киргизская) 4* АССР	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Pro mille	76,9	144,7	106,9	125,8	111,4	89,3	80,3	63,1	78,7	73,7
Украина	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Pro mille	115,1	166,5	109,6	113,4	88,3	80,5	61,6	59,8	70,6	64,5
По стране 5*	3 099 548	7 064 529	3 868 286	5 334 151	3 784 316	4 104 026	2 805 341	3 220 100	3 132 160	3 627 110
	80,1	151,2	99,2	114,2	97,2	87,9	72,5	68,9	80,9	77,6

1* Составлено по: Сборник статистических сведений по Союзу ССР. С. 12—17.
2* Донская, Ставропольская, Терская и Кубано-Черноморская губернии.
3* Алтайская, Енисейская, Иркутская (без Киренского, Бодайбинского и Селенгинского уездов), Новониколаевская, Омская (без Славгородского уезда), Томская, Тюменская (без Березовского и Сургутского уездов) губернии.
4* Оренбургская, Уральская, Актюбинская (без Темирского уезда), Букеевская губернии.
5* Без Закавказья, Средней Азии, Дальнего Востока.

Таблица 9. Городское население страны в 1920 г.[1*]

	Всего		Возраст							
			Меньше 1 года		1 год		1—4 года		5—9 лет	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
Юго-Восток 2*	605 524	715 969	—	—	—	—	—	—	—	—
Pro mille	1 000	1 000	18,8	15,2	16,9	13,7	73,9	61,4	138,1	118,7
Сибирь	506 914	531 550	—	—	—	—	—	—	—	—
Pro mille	1 000	1 000	24,2	22,9	23,1	21,7	88,2	84,0	123,4	122,3
Казахская (Киргизская) АССР	103 463	118 814	—	—	—	—	—	—	—	—
Pro mille	1 000	1 000	19,2	17,1	20,8	17,6	87,9	77,6	144,4	132,4
Украина	1 726 065	2 076 868	—	—	—	—	—	—	—	—
Pro mille	1 000	1 000	17,5	14,0	18,0	14,8	75,6	62,6	134,9	112,8
По стране	7 216 931	8 637 266	144 911	141 012	131 613	130 137	557 531	560 087	938 059	966 315
	1 000	1 000	20,1	16,3	18,2	15,1	77,3	64,8	130,0	111,8

Таблица 9 (*продолжение*)

	Возраст									
	10—14 лет		16 лет		17 лет		18 лет		19 лет	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
Юго-Восток 2*	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Pro mille	137,9	121,5	23,1	23,1	20,1	23,2	14,8	23,2	10,6	20,6
Сибирь	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

Таблица 9 (*продолжение*)

	Возраст									
	10—14 лет		16 лет		17 лет		18 лет		19 лет	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
Pro mille	117,4	119,2	18,1	18,3	17,3	20,2	13,0	21,0	10,1	21,2
Казахская (Киргизская АССР)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Pro mille	143,4	131,3	22,5	20,7	19,6	21,2	16,0	24,1	13,4	19,0
Украина	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Pro mille	135,9	119,9	23,1	22,4	22,0	22,4	18,1	25,0	13,3	21,6
По стране	939 749	1 004 990	167 605	187 402	152 923	191 247	125 057	203 577	89 132	183 118
	130,2	116,4	23,2	21,7	21,2	22,1	17,3	23,6	12,4	21,2

Таблица 9 (*окончание*)

	Возраст									
	20—29 лет		30—39 лет		40—49 лет		50—59 лет		Свыше 60 лет	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
Юго-Восток [2*]	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Pro mille	138,1	195,9	138,2	132,3	115,3	95,7	79,7	73,9	66,5	71,8
Сибирь	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Pro mille	164,1	193,0	169,3	135,4	118,1	97,9	66,1	62,7	49,9	60,7
Казахская (Киргизская АССР)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Pro mille	151,5	177,2	131,7	119,6	98,3	87,7	65,9	74,0	60,9	74,4
Украина	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Pro mille	140,4	197,9	137,9	127,9	112,0	102,9	79,8	73,5	62,2	71,1
По стране	1 058 863	1 660 130	1 060 476	1 141 193	846 087	888 933	553 108	673 777	405 200	635 727
	146,7	192,3	146,9	132,2	117,2	102,9	76,7	78,0	56,1	73,6

[1*] Составлено по: Сборник статистических сведений по Союзу ССР. С. 24—29.

[2*] Юго-Восток, другие регионы, а также страна в целом — в том же составе, что указан в табл. 8.

Таблица 10. Городское и сельское население 45 губерний, автономных республик и областей Европейской России в 1920 г.[1*]

	Всего		Возраст							
			Меньше 1 года		1 год		1—4 года		5—9 лет	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
Сельское население [2*]	25 204 986	31 691 264	—	—	—	—	—	—	—	—
Pro mille	1 000	1 000	29,5	23,0	30,8	24,4	109,7	87,3	174,8	142,0

Таблица 10 (*продолжение*)

	Всего		Возраст							
			Меньше 1 года		1 год		1–4 года		5–9 лет	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
Городское населе-ние 3*	4 274 965	5 194 025	—	—	—	—	—	—	—	—
Pro mille	1 000	1 000	20,8	16,7	17,9	14,6	76,9	64,0	127,3	109,0

Таблица 10 (*продолжение*)

	Возраст									
	10–14 лет		16 лет		17 лет		18 лет		19 лет	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
Сельское населе-ние 2*	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Pro mille	162,0	131,5	27,1	24,8	22,2	21,8	16,2	20,3	6,6	16,8
Городское населе-ние 3*	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Pro mille	128,0	113,6	23,9	21,6	21,6	22,1	17,9	23,3	12,5	21,2

Таблица 10 (*окончание*)

	Возраст									
	20–29 лет		30–39 лет		40–49 лет		50–39 лет		Свыше 60 лет	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
Сельское населе-ние 2*	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Pro mille	64,7	146,9	97,5	114,8	101,4	90,8	76,9	72,9	84,9	82,7
Городское населе-ние 3*	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Pro mille	148,3	189,7	149,6	133,7	120,0	104,8	76,4	82,0	52,9	76,2

1* Составлено по: Сборник статистических сведений по Союзу ССР. С. 6–11,1 8–23.
2* Без части Дриссенского и Полоцкого уездов Витебской губ. и Кемского уезда Карельской АССР.
3* Без указанных выше уездов, а также без городов Поречье, Рославль, Сычевка и Юхнов.

25 204 986 мужчин. Преобладание женщин было более чем значительным — их насчитывалось 31 691 204 [195]. В городах этих 45 губерний и автономий мужчин было соответственно 4 274 965, женщин — 5 194 025 [196]. Конечно, это было до демобилизации, которая в 1921—1922 гг. подняла процент мужчин в городах и селах [197]. По данным на март 1923 г., в сельских местностях тех же губерний и автономий проживало 26 515 300 мужчин (рост на 1,3 млн) и 31 838 500 женщин (ничтожное — 0,14 млн — увеличение) [198]. В городах было соответственно 5 209 373 мужчин (рост по сравнению с 1920 г. около 1 млн) и 5 866 090 женщин (увеличение на 0,67 млн) [199].

Начиная с 19 лет бросается в глаза удручающе малый удельный вес молодых мужчин, особенно в деревне (8,0 19-летних на тысячу мужчин). На всю страну 19-летних мужчин было 400 тыс. с небольшим.

Если для детских возрастных групп было заметно сначала преобладание мужского пола, затем примерное равенство, затем преобладание женщин, то с 18 и особенно с 19 лет численность женщин немного превышает численность мужчин. Группы 20—29 лет, 30—39 лет и 40—49 лет также показывают превышение в удельном весе города над деревней. Группа 50—59 лет также показывает в целом по стране превышение (по удельному весу) города над деревней, хотя в таком крупном регионе, как Европейская Россия, эта группа по городу и деревне практически равна (по удельному весу). Зато группа свыше 60 лет преобладает (по удельному весу) в деревне значительно и повсеместно.

Итак, в деревне было больше (относительно), чем в городе, детей и стариков, а город по сравнению с деревней имел больше людей в возрасте от 18 до 60 лет. Проанализируем для большей доказательности данные по Европейской России как наиболее крупного из представленных статистических массивов (табл. 10).

В деревне было относительно гораздо больше детей, рожденных в военное время. В 1920 г. дети (мальчики и девочки) в возрасте 1—4 года составляли 98,5 на тысячу

[195] Сборник стат. сведений. М., 1924. С. 6.
[196] Там же. С. 18.
[197] На 1 января 1921 г. в армии было 4110 тыс. человек, на 1 мая 1921 г. — 2614 тыс., на 1 января 1922 г. — 1590 тыс. (Итоги десятилетия Советской власти в цифрах. С. 74).
[198] Сб. стат. сведений. С. 2—3.
[199] Там же.

человек населения, в городах же — 70,45. Соответственно в деревне детей до 1 года 26,25 на тысячу; в городе 18,75 [200].

В деревне детей в возрасте 1 год 27,6 на тысячу; в городе — 16,25 [201].

Также в деревне, в соответствии с тем, что там и до войны был выше уровень рождаемости, в 1920 г. был выше удельный вес детей в возрасте 5—9 лет. Он составлял 158,4 на тысячу; в городе — 118,15. Это относится и к детям — 10—14 лет: 146,75 в деревне, 120,8 — в городе [202].

Уже не столь значительна разница в 16-летнем возрасте: 25,95 в деревне и 22,75 — в городе. И наконец, она почти исчезает для мужчин и приобретает обратное значение для женщин в 17-летнем возрасте; в деревне 22,2 и 21,8, а в городе — 21,6 и 22,1.

Начиная с 18-летнего возраста идет явное преобладание города над деревней. Так, возраст 20—24 года в деревне 54,3 на тысячу, а в городе 85,7.

Возраст 25—29 лет дает 51,6 для деревни и 83,3 для города. С 19-летнего возраста бросается в глаза также резкое (особенно в деревне) преобладание женщин.

Возраст 30—39 лет дает для деревни 106,15, а для города — 141,65. В городе мужчины этого возраста дают уже значительное численное преобладание по сравнению с женщинами [203].

Возрастная группа 40—49 лет по мужчинам дает больший удельный вес и в городе и в деревне, хотя в абсолютных цифрах женщин по-прежнему значительно больше.

Пожилые, особенно после 60 лет, снова возвращают нас к тенденции преобладания этих групп в деревне. По деревне группа в возрасте 50—59 лет составляла 74,9 на тысячу. В городе — 77,35. Группа в возрасте свыше 60 лет составляла 83,8 (деревня) и 64,85 (город).

Рассмотрение аналогичных данных по другим регионам обнаруживает те же черты, параметры, хотя с определенными колебаниями и отклонениями по отдельным возрастам.

Сравнение с данными 1897 г. показывает разительное падение в 1920 г. удельного веса мужчин в возрасте 20—29 лет. По 41 губернии и национальной автономии евро-

[200] Сборник стат. сведений. С. 6—7, 18, 19.
[201] Там же. С. 6—7, 18—19.
[202] Там же. С. 8—9, 20—21.
[203] Там же. С. 10—11, 21—23.

пейской части РСФСР мужчины этого возраста составляли в 1897 г. 15,7 %, а в 1920 г. — 7,7 % [204].

По европейской части РСФСР в 1920 г. насчитывалось 13 358 024 мужчины в возрасте выше 15 лет. Участники империалистической войны в возрасте 30 лет и выше составляли более 60 %, а участники гражданской войны того же возраста — 31,7 % [205]. Таким образом, участники гражданской войны — более молодые люди. Основное бремя этой войны вынесли люди, которым в 1920 г. не исполнилось и 30 лет.

По переписи 1920 г. в европейской части РСФСР насчитывалось 585 502 лица с физическими недостатками. Из них более 68 000 мужчин, получивших увечья на фронтах империалистической и гражданской войн. Предисловие к материалам этой переписи отмечает, что по стране в целом должно было насчитываться не менее 1 млн увечных [206].

* * *

Таким образом, военные годы принесли, помимо огромных невозвратимых потерь, существенные изменения в распределении населения между городом и деревней, а также в соотношении полов и возрастных групп. Эти аномальные сдвиги существенно влияли на общую демографическую ситуацию в стране, оказывая свое негативное воздействие прежде всего на состояние трудовых ресурсов, столь необходимых для скорейшего восстановления народного хозяйства.

---

204 Итоги переписи населения 1920 г. М., 1928. С. 5.
205 Там же. С. 10—11.
206 Там же. С. 11.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ СОВЕТСКИХ РЕСПУБЛИК

1. Численность и расселение народов страны

Отмечавшиеся выше трудности с источниками по истории народонаселения касаются, и, быть может, в наибольшей степени, вопроса о его национальном составе. Не случайно ни в источниках, ни в статистических сборниках, ни в научной литературе мы не найдем данных по стране в целом о национальном составе населения в годы революции, гражданской войны и восстановления народного хозяйства.

Сведения дореволюционной статистики в силу их уже отмечавшихся недостатков помогают мало, учитывая к тому же временную дистанцию. Материалы переписи 1920 г. весьма важны, хотя и не лишены многих слабостей. Эта перепись дает важнейшие сведения о национальном составе населения по значительной части европейских регионов страны, которые необходимо использовать в исследовательской работе. Однако перепись бессильна помочь научной характеристике национального состава по стране в целом. Перепись 1920 г. не охватывает значительной части именно национальных районов, и о полноте освещения не может быть и речи. Лишь начиная с переписи 1926 г. наука получает убедительные и достоверные сведения о национальном составе населения.

Ввиду указанных обстоятельств в данной главе использованы: 1) результаты произведенных нами подсчетов по описанной ранее методике ретроспективного использования материалов переписей населения. Эти результаты дают возможность определить общую численность народов страны на 1920—1921 гг.; 2) материалы переписи 1920 г., которые дают представление о национальном составе населения европейской части РСФСР; 3) материалы городской переписи марта 1923 г., которые очень важны для выяснения полиэтничности городского населения; 4) материалы переписи 1926 г. об общем количестве наций,

угнетения, конфликтов, войн, империалистических зверств со стороны наций цивилизованных стран как в отношении друг к другу, так и к неполноправным народам. . .», что «буржуазное общество оказалось полным банкротом в деле разрешения национального вопроса»[290].

В то же время опыт социалистической революции полностью подтверждает то положение, что «победа Советов и установление диктатуры пролетариата являются основным условием уничтожения национального гнета, установления национального равенства, обеспечения прав национальных меньшинств».

Резолюция давала краткий обзор положения народов страны, перечисляя более тридцати национальностей и отмечая, что около 25 млн человек (Туркестан, бóльшая часть Азербайджана, Дагестан, горцы, татары, башкиры, киргизы и др.) не успели пройти капиталистическое развитие, не имеют или почти не имеют своего промышленного пролетариата, сохраняют в большинстве случаев скотоводческое хозяйство и патриархально-родовой быт или не вполне еще ушли дальше полупатриархального — полуфеодального быта. Национальное неравенство «до сих пор покоилось на исторически сложившемся экономическом неравенстве». Поэтому, указывалось в резолюции, первейшей задачей пролетарской революции является «последовательная ликвидация всех остатков национального неравенства во всех отраслях общественной и хозяйственной жизни и, прежде всего, планомерное насаждение промышленности на окраинах. . .»

Резолюция отмечала, что «уничтожение фактического национального неравенства здесь есть длительный процесс, требующий упорной и настойчивой борьбы со всеми пережитками национального гнета и колониального рабства», и ставила перед партией задачу: «. . .помочь трудовым массам невеликорусских народов догнать ушедшую вперед Центральную Россию».

Эта задача была успешно решена в последующие годы. Фактическое неравенство ранее отсталых народов было ликвидировано, а многие народы шагнули в социализм, миновав капиталистическую стадию развития. Если страна в целом в годы строительства социализма совершила скачок от отсталости к прогрессу, то для значительной части народов бывшей Российской империи этот скачок стал поистине гигантским.

[290] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1983. Т. 2. С. 360—370.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА НАСЕЛЕНИЯ

1. Ликвидация эксплуататорских классов

Великие революционные преобразования Октября, ожесточенная война с классовыми врагами в 1918—1920 гг. привели к самым кардинальным переменам в социально-экономической и политической структуре общества, к существенным сдвигам в соотношении классовых сил. К концу гражданской войны эти перемены и сдвиги определились с достаточной очевидностью.

Социальная структура России накануне Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г. была характерна для общества со средним уровнем развития капитализма, но обладала вместе с тем многими особенностями. Аграрно-индустриальный характер экономики страны обусловил значительное преобладание сельского населения над городским. Развитие капиталистических отношений привело к созданию многочисленного пролетариата в городе и деревне. В деревне сохранились значительные феодальные пережитки.

Весьма специфичной была социальная структура многих народов Кавказа, Средней Азии, Казахстана, Поволжья, Сибири, в среду которых капиталистические отношения или не проникли вовсе или только начали проникать. У ряда этих народов отсутствовал рабочий класс, национальная буржуазия лишь начала зарождаться, и социальная структура отражала преобладание феодальных отношений. Небольшие народности Севера и Дальнего Востока страны находились на стадии патриархально-родового строя.

Подходя с учетом этих особенностей к определению суммарных данных о классах и социальных группах, мы сталкиваемся с известными различиями в материалах тех или иных источников. Население страны в 1913 г. составляло в границах СССР до 17 сентября 1939 г. 139,3

млн человек [1]. Городское население составляло 24,7 млн (18 %), сельское — 114,6 млн (82 %) [2].

Численность пролетариата в 1913 г. (включая членов семей) определяется различными источниками и авторами в 23—24 млн человек (16,7—17 %) по отношению к общей численности населения [3]. Эта цифра включает в себя городской и сельский пролетариат, а также служащих госаппарата и социально-культурных учреждений. Представляется правильным выделить интеллигенцию и служащих в особую группу. Такое выделение проводится в ряде работ, где удельный вес интеллигенции и служащих в дореволюционное время определяется в 2,2 % [4]. В соответствии с этим удельный вес пролетариата определяется в 14,8 %, включая сельскохозяйственный пролетариат (3,5 %) [5]. Преобладали по численности рабочие, занятые в крупной промышленности [6]. Наиболее многочисленным отрядом пролетариата были металлисты. За годы империалистической войны число рабочих, занятых в металлообработке и машиностроении, значительно увеличилось. Вторым по численности отрядом рабочего класса были текстильщики [7].

Основная масса рабочих была сосредоточена в главных промышленных районах — прежде всего в центральных промышленных губерниях, включая Петроградскую. 15 % рабочих страны приходилось на Южный промышленный район. Другими значительными промышленными районами были Уральский и Бакинский [8].

Крестьянство все больше переставало быть классом-сословием, в крестьянстве все заметнее развивались процессы классовой дифференциации. Численность крестьян — середняков и бедняков — вместе с кустарями превышала в 1913 г. 90 млн человек. Удельный вес середняков и бедняков в общей массе населения определяется разными

---

[1] Народное хозяйство СССР в 1959 г. М., 1960. С. 7.
[2] Там же. С. 9.
[3] Социалистическое строительство СССР: Стат. ежегодник. М., 1936. С. XXX; Страна Советов за 50 лет: Сб. стат. материалов. М., 1967. С. 3; Народное хозяйство СССР: Стат. сб. М., 1956. С. 19.
[4] СИЭ. Т. 7. С. 412; Всемирно-историческое значение Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1957. С. 65.
[5] Там же.
[6] *Гапоненко Л. С.* Рабочий класс России в 1917 г. М., 1970. С. 72.
[7] Изменения социальной структуры советского общества, октябрь 1917—1920. М., 1976. С. 129.
[8] Там же. С. 131—132.

источниками от 65,1 % [9] до 66,7 % [10]. Относительно и абсолютно преобладала крестьянская беднота — хозяйства, имевшие минимальный земельный надел, зачастую не обладавшие рабочим скотом, коровой, необходимым инвентарем.

Рабочим, бедняцко-середняцкой массе крестьян, низшим служащим, интеллигенции — всей этой массе трудового населения, составлявшей подавляющее большинство жителей страны, противостояли эксплуататорские классы и группы.

Помещики — представители дворянства в Центральной России, на Украине, в Белоруссии и ряде других районов были тесно связаны с торгово-финансово-промышленными кругами. Процесс переплетения старых и новых землевладельцев продолжался с неослабевающей силой вплоть до Октябрьской революции. В тысячи старинных поместий пришли новые хозяева, многие из которых одновременно владели промышленными и торговыми предприятиями в городах или являлись представителями сельской буржуазии. Поэтому численность собственно помещиков почти не поддается определению. По данным 1917 г., в 38 губерниях Европейской России существовали 78 801 частновладельческих хозяйств, в которых проживало 633 585 человек [11]. К этому следует добавить феодалов Востока, родовую верхушку многих отсталых народностей. В руках помещиков Центральной России, Поволжья, Украины, Белоруссии, Дона и других районов, а также феодальных и родовых владетелей во многих областях Азиатской России находились огромные земельные площади. Некоторым помещичьим семьям принадлежали гигантские латифундии, равных которым не было ни в одной стране мира. Царь Николай II, императорская семья владели более чем 8 млн десятин, граф С. Строганов — 1,5 млн, князь Витгенштейн — 800 тыс., княгиня Гогенлоэ — 712 тыс., князь С. Голицын — 1 млн и т. д.[12]

Большинство источников вообще не выделяет в самостоятельную группу помещиков, а также феодальные слои на окраинах страны. Численность помещиков, городской

---

[9] Социалистическое строительство СССР. С. XXX.
[10] Страна Советов за 50 лет. С. 3; Народное хозяйство СССР. С. 19.
[11] Погубернские итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. // Труды ЦСУ. М., 1921. Т. 5, вып. 1. С. 42—43.
[12] *Трифонов И. Я.* Ликвидация эксплуататорских классов в СССР. М., 1975. С. 27, 28.

и сельской буржуазии определяется на 1913 г. суммарно в 22—23 млн человек (15,9 % [13] или 16,3 % [14]). Статистический сборник 1936 г., выделяя помещиков и городскую буржуазию, определяет их общую численность в 5 млн человек [15].

Уровень состояния источников не позволяет в настоящее время дать более или менее точное определение численности не только помещиков и феодальной верхушки народов Востока, но и различных групп городской буржуазии (крупная, средняя, мелкая), высших чиновников и пр. [16]

Численность сельской буржуазии — кулачества также не поддается точному исчислению. Статистический сборник 1936 г. определяет численность кулачества в 1913 г. в 17,1 млн человек (12,3 %) [17]. В литературе более поздней приводятся, на наш взгляд обоснованно, данные о меньшем удельном весе кулачества в общей массе населения (11,4 %) [18].

Несмотря на имеющиеся отдельные противоречия в статистических данных и недостаточную разработанность вопросов характеристики классовых групп, общие показатели социальной структуры дореволюционной России представляются достаточно ясными.

Они могут быть представлены следующим образом (с указанием имеющихся различий в статистических данных) [19] (см. стр. 209).

Глубокие классовые противоречия пронизывали эту социальную структуру. Помимо основного для капиталистического общества противоречия между пролетариатом и буржуазией, в старой России существовали противоречия, обусловленные наличием феодально-крепостни-

---

[13] Социалистическое строительство СССР. С. XXX.

[14] Цифру 16,3 % приводят современные статистические сборники.

[15] Социалистическое строительство СССР. С. XXX.

[16] В отдельных работах численность крупной буржуазии, помещиков, высших чиновников и пр. определена на 1913 г. в 4,1 млн (в границах Российской империи, т. е. из общей численности населения в 165,7 млн человек). (*Писарев И. Ю.* Народонаселение СССР. М., 1962. С. 68).

[17] Социалистическое строительство СССР. С. XXX.

[18] Проблемы изменения социальной структуры советского общества. М., 1968. С. 19.

[19] Социалистическое строительство СССР: Стат. ежегодник. М., 1936. С. XXX; Страна Советов за 50 лет: Сб. стат. материалов. М., 1967. С. 3; Народное хозяйство СССР: Стат. сб. М., 1956. С. 19; Всемирно-историческое значение Великой Октябрьской социалистической революции. С. 65.

Все население	100 %
Пролетариат	14,8 %
В том числе сельскохозяйственный	3,5 % (4,3 %)
Интеллигенция и служащие	2,2 %
Крестьяне (бедняки и середняки) и кустари	66,7 % (65,1 %)
Эксплуататорские классы	16,3 % (15,9 %)
В том числе кулачество	11,4 % (12,3 %)

ческих пережитков, колониального гнета по отношению к народам окраины империи, отсталостью многих народов.

Пролетариат поднимался на борьбу против капиталистической эксплуатации. Трудящееся крестьянство вело две социальные войны — против помещиков и против сельской буржуазии. Трудящиеся массы угнетенных национальностей боролись и за национальное освобождение и против своей эксплуататорской верхушки.

Все это сделало глубоко закономерной и неизбежной социалистическую революцию, которая одна могла разрешить — и разрешила — созревшие в глубинах общества социальные противоречия.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции в стране произошли кардинальные социальные изменения. Прежде всего революционным путем была осуществлена ликвидация класса помещиков. На основе Декрета о земле, принятого II Всероссийским съездом Советов, земля была национализирована, помещичья собственность на землю отменялась без всякого выкупа. В результате раздела помещичьих, монастырских и принадлежавших членам императорской фамилии угодий крестьянство получило примерно 150 млн десятин земли. Ликвидация помещичьего землевладения осуществлялась самими крестьянами под руководством и при помощи рабочего класса, при руководящем и организующем участии Советской власти.

Ликвидация класса помещиков означала, что класс в целом был лишен своей экономической базы, перестал существовать как социально-экономическая сила. Что касается самих бывших помещиков, то они получили возможность заняться общественно полезным трудом в городах и деревнях. Некоторая часть помещиков осталась в местах своего прежнего жительства [20]. Это были, как пра-

---

[20] К концу 1927 г. на территории РСФСР было выявлено около 11,8 тыс. таких помещиков. См.: Изменения социальной структуры советского общества, 1921 — середина 30-х гг. М., 1979. С. 21.

вило, представители мелких помещиков. Немало бывших помещиков, как и представителей других эксплуататорских классов, не примирились с потерей своих привилегий и с оружием в руках выступали против победившей революции.

Ликвидация помещичьего землевладения развернулась в конце 1917 — начале 1918 г.[21] Однако значительные территории страны в результате начавшейся гражданской войны и иностранной военной интервенции уже весной и летом 1918 г. оказались захваченными врагами Советской власти (Украина, Урал, Дон, Кавказ, Белоруссия, часть Поволжья и др.). Поэтому окончательная ликвидация помещичьего землевладения произошла там позже, после освобождения указанных территорий.

В ряде окраинных районов аграрная реформа вообще была осуществлена значительно позже. Например, в Казахстане, Северной Киргизии, ряде районов Узбекистана в 1918—1920 гг. были проведены лишь частичные аграрные преобразования. Земля конфисковывалась у капиталистов, владевших хлопковыми плантациями, крупных кулаков-переселенцев, отдельных феодалов [22]. Землевладение феодалов (манапов, баев) в Южной Киргизии, Казахстане, Туркменистане осталось почти незатронутым [23]. В Южной Киргизии, Таджикистане, Узбекистане, Туркменистане земельно-водная реформа была проведена во второй половине 20-х годов [24]. В ходе реформы окончательно ликвидировались помещичьи хозяйства, изымались излишки у многоземельных хозяйств, а земля распределялась среди безземельных и малоземельных [25]. В Казахстане первый массовый передел земли произошел в 1926—1928 гг., когда было осуществлено изъятие у феодалов-баев пахотных и сенокосных угодий [26].

[21] С ноября 1917 г. по январь 1918 г. в центральных губерниях страны конфискации подверглись более трех четвертей помещичьих имений. См.: *Трифонов И. Я.* Ликвидация эксплуататорских классов в СССР. С. 81.

[22] *Аминова Р. Х.* Аграрная политика Советской власти в Узбекистане, 1917—1920 гг. Ташкент, 1963. С. 74—114.

[23] История советского крестьянства и колхозного строительства в СССР. М., 1963. С. 84, 101; История советского крестьянства Киргизстана. Фрунзе, 1972. С. 59.

[24] История советского крестьянства и колхозного строительства... С. 88, 108.

[25] История Советского Туркменистана. Ашхабад, 1970. Ч. 1. С. 267—276; История Узбекской ССР. Ташкент, 1974. С. 355—357.

[26] *Шаумян М.* От кочевья к социализму. Алма-Ата, 1965. С. 47—50.

Мы привели эти примеры для того, чтобы снова подчеркнуть огромное разнообразие условий, существовавших на территории бывшей Российской империи. В соответствии с этими особенностями аграрные преобразования имели свои специфические черты в характере и времени их проведения. Исследованию этих особенностей посвящены многочисленные работы советских историков и экономистов [27].

Сразу же после Великой Октябрьской социалистической революции произошла ликвидация крупной и средней городской буржуазии. Эти эксплуататорские слои сходили с исторической сцены в результате развертывавшейся с конца 1917 г. национализации фабрик и заводов, частных банков, торговых предприятий, торгового флота, доходных домов и пр. В апреле 1918 г. произошла национализация внешней торговли [28], 28 июня 1918 г. был подписан правительственный Декрет о всеобщей национализации крупной промышленности. [29]

Проведение национализации в масштабах всей страны также в значительной мере было связано с положением на фронтах гражданской войны, ибо оно становилось возможным лишь после освобождения территорий, временно захваченных силами контрреволюции и интервенции.

К концу гражданской войны подавляющее большинство крупных и средних промышленных предприятий было национализировано. [30] На основе постановления Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ) от 29 ноября 1920 г. началась национализация и мелких частных предприятий (с числом рабочих от 5 до 10) [31].

Таким образом, в 1918—1920 гг. была в основном ликвидирована крупная и средняя городская буржуазия. И этот класс, лишенный своей экономической базы, перестал су-

[27] Историографию см., в частности, в кн.: Советская историография Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1981.

[28] Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР (СУ). 1918. № 33. Ст. 432.

[29] СУ РСФСР. 1918. № 47. Ст. 559.

[30] В 1920 г. на долю государственного сектора приходилось 90—92 % цензовых предприятий, производивших более 90 % всей промышленной продукции страны (Изменение социальной структуры советского общества, октябрь 1917—1920. С. 140). О национализации промышленности см. также: Советская экономика в 1917—1920 гг. М., 1976. (История социалистической экономики СССР; Т. 1); *Виноградов В. А.* Вопросы теории и практики социалистической национализации промышленности. М., 1965.

[31] СУ РСФСР. 1920. № 93. Ст. 512.

ществовать как самостоятельная социальная сила. Но, конечно, многие представители буржуазии, сохранив определенные материальные ценности, связи, организационные навыки и т. п., занимались в различной форме непроизводительной деятельностью, в частности, вели спекулятивную торговлю.

С другой стороны, определенное число бывших предпринимателей-специалистов встало на службу Советскому государству, отдавая свои знания и опыт делу хозяйственного строительства.

Социалистическая революция сломала старую государственную машину, как созданную эксплуататорскими классами для поддержания их господства. Был создан новый государственный аппарат, призванный защищать интересы трудящихся. В новые учреждения и ведомства пришли представители трудящихся классов, главным образом рабочих. Большинство высших чиновников, тесно связанных с помещиками и буржуазией, выступили против революции и поэтому были изгнаны из государственного аппарата. Вместе с тем основная масса служащих-специалистов продолжала свою работу.

С весны и лета 1918 г. — сначала в центральных районах страны, а затем на освобождавшихся от врага территориях — развернулась борьба пролетарских и полупролетарских масс деревни с сельской буржуазией — кулачеством. Эта борьба проходила при самой активной помощи и поддержке городского рабочего класса.

Из 80 млн десятин кулацкой земли примерно 50 млн перешло к беднякам и середнякам. Однако кулачество как класс не было еще ликвидировано. Произошла лишь частичная экспроприация сельской буржуазии при сохранении мелкотоварного хозяйства как основы сельскохозяйственного производства. Частичная экспроприация кулачества была проведена главным образом не на основе обобществления кулацкого имущества, а путем раздела между мелкими крестьянскими хозяйствами.

Удельный вес кулачества резко сократился. Если до революции оно составляло примерно 15 % по отношению ко всему крестьянству, то к концу 1920 г. количество кулацких хозяйств, по подсчетам автора, было несколько выше 3 %. [32] При этом почти полностью исчезли многопо-

[32] *Поляков Ю. А.* Переход к нэпу и советское крестьянство. М., 1967. С. 134—139. Учитывая неполноту и несовершенство статистических данных периода гражданской войны, следует оговорить условность этой цифры.

севные (свыше 25 десятин) хозяйства. Вообще кулачество было значительней ослаблено в центральных районах, меньше — на Украине, в Сибири, в Поволжье, на Дону и Северном Кавказе.

Большинство кулацких хозяйств превратилось в середняцкие. Однако деятельность многих кулаков приобрела в значительной мере скрытный, нелегальный характер. Кулаки сокращали запашку, продавали скот, но сохраняли орудия производства, деньги, занимаясь спекуляцией, ростовщичеством. У кулака оставались потенциальные возможности для быстрого расширения своих позиций.

Итак, в ходе социалистической революции и гражданской войны социальная структура страны претерпела коренные изменения. Основные эксплуататорские классы, ранее находившиеся у власти, — помещики и городская буржуазия — были ликвидированы как класс, лишившись не только политического господства, но и своей экономической базы. Сельской буржуазии были нанесены серьезные удары, она сократилась абсолютно и относительно, ее экономические позиции оказались существенно ослабленными.

Представители этих классов частью продолжали свою непроизводительную деятельность в нелегальной форме, частью перешли в другие социальные группы. Значительная часть эксплуататоров, принявшая активное участие в вооруженной борьбе против революции, будучи разбитой, покинула пределы страны. Как отмечалось в предыдущих главах, в 1921 г. за границей находилось от 1,5 до 2 млн российских белогвардейцев (вместе с членами их семей). Эта цифра включала также рядовых участников белогвардейских войск. Поддавшись вражеской пропаганде и покинув Родину, эти люди в дальнейшем не вели антисоветской деятельности, искали пути возвращения в Советскую Россию [33].

Изменения в социальной структуре Советской страны не имели аналогов в мировой истории. Они были присущи именно социалистической революции, отражая ее закономерности. Впервые в истории создалось такое положение, когда на социальной арене действовали два основных неантагонистических класса — рабочий класс и крестьянство. «В первый раз в новейшей истории мы имеем дело с таким общественным порядком, — говорил В. И. Ленин

[33] За 10 лет — с 1921 по 1931 г. — репатриировалось более 180 тыс. человек (*Трифонов И. Я.* Указ. соч. С. 178).

в мае 1921 г., — когда класс эксплуататорский удален, но когда мы имеем два различных класса — рабочий класс и крестьянство» [34].

Из этого вытекало практическое следствие — о значении отношений между двумя основными классами общества. Отношения между рабочим классом и крестьянством, игравшие первостепенную роль в судьбах пролетарской революции, приобретали для страны, для Советской власти, для социализма решающее, колоссальное, ни с чем не сравнимое значение. «Главным вопросом для нас остается — . . .правильное установление отношений между этими двумя классами. . .» [35] — сказал В. И. Ленин.

Союз рабочего класса и крестьянства, установление правильных отношений между ними — важнейшее направление деятельности партии, государства, альфа и омега Советской власти.

2. Рабочий класс Советской страны

Как отмечается в новой редакции Программы КПСС, на рабочий класс история возложила миссию революционного преобразователя старого и созидателя нового общества [36]. Российский рабочий класс оказался достойным этой исторической миссии. Пролетариат России был воспитан «десятилетиями очень молодой, но все же современной крупной машинной промышленностью. . .» [37].

Особенность положения пролетариата России после революции заключалась в том, что он стал носителем государственной власти, осуществлял в стране свою диктатуру.

В положении рабочего класса произошла коренная перемена. «Пролетариат был при капитализме классом угнетенным, классом, лишенным всякой собственности на средства производства. . . Пролетариат стал, свергнув буржуазию и завоевав политическую власть, *господствующим* классом: он держит в руках государственную власть, он распоряжается обобществленными уже средствами производства. . .» [38].

По переписи 1920 г. подавляющее большинство рабочих цензовой промышленности (96 %) было занято в государственном секторе. Рабочие, занятые на частных предприятиях, составляли, таким образом, примерно 4 %. Этот процент был значительно ниже в ведущих отраслях промышленности (горная, горнозаводская, металлообрабатывающая, текстильная) и выше в таких отраслях, как кожевенная (13,0), пищевая (9,7), производство одежды и предметов туалета (5,7) [39]. В частном секторе были почти исключительно мелкие предприятия.

В ходе революции и гражданской войны пролетариат достойно выполнял свою историческую миссию. Он с беспримерной энергией и самоотверженностью, ведомый ленинской партией, руководил борьбой за революционное преобразование страны, возглавил оборону от внутренних и внешних врагов.

После окончания войны пролетариат России находился в трудном положении. Его пребывание у власти характеризовалось примечательной чертой: класс, ставший господствующим, перенес за время революции тягот и невзгод больше, чем все другие классы.

Рабочий класс, отмечал В. И. Ленин, «подвергся за . . . три с половиной года политического господства таким бедствиям, лишениям, голоду, ухудшению своего экономического положения, как никогда ни один класс в истории» [40].

Это обстоятельство еще раз подтверждает самоотверженность пролетариата как вождя всех трудящихся. Одновременно это объясняет небывало трудное и опасное положение, в котором оказался рабочий класс России к 1921 г. Численность рабочего класса уменьшилась более чем вдвое по сравнению с 1913 г.[41] Рабочий класс понес за время войны огромную непосредственную физическую убыль — ведь значительная часть рабочих сражалась на фронтах. По данным ВЦСПС, в гражданской войне участвовало 64 % всех мужчин-металлистов и почти столько же мужчин-текстильщиков. [42] В захваченных врагом районах рабочие понесли наибольшие потери в борьбе с интервентами и белогвардейцами. Оставшиеся в тылу рабочие в результате сокращения производства, под давлением голода и лишений нередко бросали работу и уходили в деревню.

---

[34] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 43. С. 301.
[35] Там же. См. также: Т. 44. С. 5 и др.
[36] Программа Коммунистической партии Советского Союза: Новая редакция: Принята XXVII съездом КПСС. М., 1986. С. 5.
[37] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 44. С. 5.
[38] Там же. Т. 39. С. 279.

[39] Труды ЦСУ. М., 1926. Т. 37, вып. 1. С. 18—23.
[40] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 43. С. 132.
[41] История советского рабочего класса. М., 1984. Т. 1. С. 337.
[42] *Глезерман Г.* Ликвидация эксплуататорских классов и классовых различий в СССР. М., 1948. С. 131.

Среди металлистов и текстильщиков процент уехавших в деревню достигал 30 [43]. Многие стали заниматься кустарничеством, отрывались от коллектива. Всего от производства было оторвано около 1 млн рабочих [44].

В определении численности рабочих к концу гражданской войны существует немало разночтений. Это совершенно естественно, ибо различны критерии подхода и территориальные варианты: с учетом Кавказа, Туркестана, Сибири и Дальнего Востока или без учета. Различны время исчисления, а также критерии в определении категорий рабочих. Рабочих цензовой промышленности в 1920 г., по Б. А. Гухману, было 1585,3 тыс.[45], по Г. М. Кржижановскому — 1347 тыс.[46], по «Итогам десятилетия Советской власти в цифрах» — 1222,8 тыс.[47]

Отметим, что и по отдельным предприятиям данные сильно расходятся. Так, по данным И. Я. Трифонова, на петроградском Путиловском заводе до революции было 30 тыс. рабочих, а в 1920 г. — лишь около 1,7 тыс.[48] А по данным газеты «Экономическая жизнь», в мае 1920 г. на Путиловском заводе числилось 5693 человека, фактически было 4526 [49]. Наиболее обоснованными нам представляются данные статистического сборника «Итоги десятилетия Советской власти в цифрах» [50].

Однако, как показал Е. Г. Гимпельсон, эта цифра, включающая Северный Кавказ, Дон, Туркестан, Западную Сибирь, не учитывает Украину. А на Украине насчитывалось на 1 января 1921 г. примерно 270 тыс. рабочих (158 тыс. в обрабатывающей и около 112 тыс. в каменноугольной). [51] Поэтому Е. Г. Гимпельсон определяет численность рабочих цензовой промышленности страны во второй половине 1920 г. в 1,5 млн человек [52]. Однако и здесь не учитываются Дальний Восток и Закавказье, в том числе Баку. В нефтяной промышленности Баку, например, в октябре 1920 г. было занято более 23 тыс. человек [53]. Таким образом, к численности рабочих в 1,5 млн. человек надо добавить в самом грубом исчислении еще 100 тыс. Следовательно, если считать, что в фабрично-заводской и горнозаводской промышленности в 1913 г. было занято 3,1 млн человек, а в 1917 — 3,6 млн, [54] то потери составили по сравнению с 1917 г. примерно 2 млн человек.

Данными о рабочих цензовой промышленности, разумеется, не исчерпывался состав рабочего класса. Сюда необходимо включить учтенных промышленной переписью 1920 г. рабочих мелких промышленных предприятий с числом рабочих менее 16 человек. Таких рабочих по губерниям РСФСР было 190,5 тыс.[55] К этому количеству следует приплюсовать рабочих мелких предприятий других районов страны, не учтенных переписью (а на окраинах число мелких предприятий было особенно значительным).

Очень большой по численности отряд рабочего класса, не учтенный в приведенных выше данных, составляли железнодорожники. Здесь в отличие от промышленности численность рабочих к 20-м годам значительно выросла. Железнодорожники не призывались в армию, потому что из-за разрухи на транспорте для функционирования железных дорог требовался более многочисленный персонал. На железнодорожном транспорте насчитывалось на 1 января 1921 г. около 1230 тыс. рабочих и служащих [56]. Поскольку, по данным А. Г. Рашина, рабочие на железных дорогах составляли в 1920 г. 83,2 %, а служащие — 16,8 %, [57] то численность рабочих-железнодорожников превышала 1 млн человек.

Характеризуя рабочий класс страны, следует помнить и о сельскохозяйственном пролетариате. Об этом будет сказано ниже.

---

[43] Там же.

[44] Изменения социальной структуры советского общества, октябрь 1917—1920. С. 141.

[45] *Гухман Б. А.* Производительность труда и заработная плата в промышленности СССР. М., 1925. С. 135.

[46] *Кржижановский Г. М.* Десять лет хозяйственного строительства СССР, 1917—1927. М., 1928. С. 124—125.

[47] Итоги десятилетия Советской власти в цифрах, 1917—1927. С. 230.

[48] *Трифонов И. Я.* Классы и классовая борьба в СССР в начале нэпа. Л., 1964. Ч. 1. С. 34.

[49] Экон. жизнь. 1920. 16 мая.

[50] По этому же источнику в 1921 и 1922 гг. численность рабочих продолжала снижаться: 1185,5 тыс. и 1096,2 тыс. (Итоги десятилетия Советской власти в цифрах. С. 230).

[51] По другим данным с учетом рабочих сахарной промышленности на Украине было 345 тыс. рабочих (*Скляренко Е. М.* Рабочий класс Украины в годы гражданской войны: Автореф. дис. . . . док. ист. наук. Киев, 1969. С. 11).

[52] *Гимпельсон Е. Г.* Советский рабочий класс, 1918—1920 гг. М., 1974. С. 80.

[53] *Токаржевский Е. А.* Очерки истории Советского Азербайджана, 1921—1925 гг. Баку, 1956. С. 49.

[54] *Гимпельсон Е. Г.* Указ. соч. С. 80.

[55] Там же. С. 79.

[56] *Кржижановский Г. М.* Указ. соч. С. 43.

[57] *Рашин А. Г.* Численность и состав работников железнодорожного транспорта к концу 1920 г. // Материалы по статистике труда работников транспорта. М., 1921. Вып. 1. С. 9.

Существенные изменения произошли в соотношении различных отрядов рабочего класса. До Октябрьской революции наиболее многочисленными были текстильщики. Этот отряд понес к 20-м годам наиболее значительные потери и резко сократился. Рабочие-металлисты, численность которых уменьшилась не столь значительно, вышли на первое место. На втором месте оказались горнорабочие, а текстильщики — на третьем [58].

Изменения затронули, и весьма основательно, территориальное распределение рабочего класса. Наиболее значительно пострадали крупные промышленные районы. В целом в промышленных губерниях численность рабочих упала, а в аграрных даже несколько возросла [59]. Особенно сильно сказалось падение в крупных индустриальных центрах, таких, как Москва, Петроград, Донбасс, Урал. В Петрограде, например, к середине 1920 г. численность рабочих цензовой промышленности уменьшилась по сравнению с 1914 г. на 140,2 тыс., а по сравнению с 1917 г. — на 282,2 тыс. (74 %) [60]. Масштаб сокращения значительно выше среднего по РСФСР.

Рабочий класс распылялся, деклассировался, что вело к ослаблению классовой базы диктатуры пролетариата и составляло угрозу для пролетарского государства. В. И. Ленин не один раз с тревогой говорил об этом. В марте 1921 г. он отмечал, что «наш пролетариат в большей части своей деклассирован. . . неслыханные кризисы, закрытие фабрик привели к тому, что от голода люди бежали, рабочие просто бросали фабрики, должны были устраиваться в деревне и переставали быть рабочими» [61]. «. . .пролетариат деклассирован, т. е. выбит из своей классовой колеи, — писал он в августе того же года. — Стоят фабрики и заводы — ослаблен, распылен, обессилен пролетариат» [62].

Но несмотря на все трудности, передовые слои пролетариата были преисполнены решимости продолжать борьбу за дальнейшее социалистическое преобразование страны, крепко держали в руках руль государственного руководства.

---

[58] Подробнее об изменении численности профессиональных отрядов рабочего класса в 1913—1920 гг. см.: История советского рабочего класса. Т. 1. Табл. 9. С. 338. Таблица составлена на основе упоминавшихся выше работ А. Г. Рашина, Б. А. Гухмана, Е. Г. Гимпельсона.

[59] *Гимпельсон Е. Г.* Указ. соч. С. 90.

[60] Там же. С. 90, 91.

[61] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 43. С. 42.

[62] Там же. Т. 44. С. 103.

Победы, одержанные над классовыми врагами, укрепляли веру рабочего класса в свои силы. Передовые рабочие сознавали величие своей исторической миссии, видели, ощущали сочувствие в поддержку пролетариата капиталистических стран. «Опираясь на эту поддержку, наш пролетариат, слабый своей малочисленностью, измученный бедствиями и лишениями, победил, так как он силен своей моральной силой», — говорил В. И. Ленин весной 1921 г. [63]

3. Советское крестьянство

Вторым основным классом советского общества было крестьянство. В. И. Ленин много раз давал характеристику крестьянству как классу мелкобуржуазному, стоящему между развитым капиталом и пролетариатом. Крестьянство составляло в дореволюционной России огромное большинство населения. В годы гражданской войны, когда численность городского населения значительно упала, преобладание крестьянства стало еще более заметным. Посмотрим, какие изменения произошли в крестьянстве за время революции и что оно представляло собой к концу гражданской войны.

Сравнение данных 1917 г. с данными 1920 г. чрезвычайно затруднительно. В материалах переписи 1917 г. отсутствует группировка крестьянских хозяйств по размеру посевов и по числу голов скота. Итоговые данные в публикациях этих переписей даются по разным группам губерний.

Прежде всего необходимо установить изменения в группе хозяйств без посева. Групповые итоги переписи 1920 г. по 51 губернии РСФСР дают цифру 9,2 % хозяйств без посева и с посевом до 0,1 десятины [64]. Согласно переписи 1917 г., по 38 губерниям Европейской России из 12 979 990 крестьянских хозяйств беспосевных было 1 967 620, [65] т. е. 15,1 %. По 9 губерниям и областям Сибири беспосевные хозяйства составляли 12,7 %, по 4 областям так называемого Степного края (Акмолинская, Семипалатин-

---

[63] Там же. Т. 43. С. 135.

[64] Групповые итоги сельскохозяйственной переписи 1920 г. // Труды ЦСУ. М., 1926. Т. 14, вып. 1-а. С. 303. (Далее: Групповые итоги. . .).

[65] Погубернские итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. // Труды ЦСУ. М., 1921. Т. 5, вып. 1. С. 46. (Далее: Погубернские итоги. . .).

ская, Семиреченская и Уральская) беспосевных хозяйств было 11,5 % [66]. Эти данные убедительно свидетельствуют о резком снижении числа беспосевных хозяйств в 1920 г. Однако они не могут быть полностью сопоставлены, ибо имеются различия в охваченных территориях. По сопоставимой группе из 22 губерний РСФСР (в большинстве — производящих) процент беспосевных в 1917 г. составлял 10,6, а в 1920 г. упал до 4,7 [67].

Все имеющиеся в нашем распоряжении данные — по отдельным губерниям, уездам и волостям — также говорят о резком снижении в 1920 г. числа беспосевных хозяйств. В среднем их удельный вес снизился несколько больше, чем вдвое, а в ряде губерний и волостей снижение было еще более значительным. Появились даже отдельные районы, где беспосевные хозяйства полностью или почти полностью исчезли.

Факт резкого уменьшения беспосевщиков, касавшийся сотен тысяч крестьянских хозяйств, особенно разителен в сравнении с процессами, происходившими до Октябрьской революции, когда в ходе усиливавшейся дифференциации крестьянства росло число обездоленных, беспосевных. Великая Октябрьская социалистическая революция не только положила этому процессу конец, но и породила встречный процесс гигантской силы, приведший к значительному сокращению самой низшей, задавленной невероятной нуждой части крестьянства.

С вопросом о беспосевных хозяйствах тесно связан вопрос о хозяйствах бескоровных, безлошадных и безынвентарных. По сопоставимой группе в 22 губерниях РСФСР доля хозяйств без рабочего скота в 1917 г. определяется в 29,0 %, а в 1920 — 27,6 % [68]. Эта тенденция полностью подтверждается данными по отдельным губерниям и волостям. Налицо повсеместное, за редкими исключениями, уменьшение числа хозяйств без рабочего скота.

Та же тенденция, даже в еще большей мере, прослеживается и в отношении бескоровных хозяйств. В 23 губерниях из 29, поддающихся сопоставлению, число бескоровных хозяйств уменьшилось, причем в ряде губерний, разных по характеру, таких, как Вятская, Московская, Оренбургская, Пермская, Петроградская, Самарская, Саратовская, уменьшение было очень значительным, снижая в отдельных случаях число бескоровных вдвое или даже больше. Лишь в 6 губерниях число бескоровных выросло, причем нигде это увеличение не было значительным. [69]

Уменьшение числа хозяйств без рабочего скота и без коров, хотя это уменьшение и не является на первый взгляд особенно разительным, было фактом исключительной важности. Надо лишь вспомнить, что это происходило в условиях невероятной разрухи, когда на разоренное империалистической войной сельское хозяйство обрушилась новая война — с интервентами и белогвардейцами. Многие районы оказались непосредственно в зоне военных действий. Помимо общих трудностей, вызванных войной, нельзя забывать, что военные действия наносили непосредственный удар по животноводству. Лошадей забирали в кавалерию, коров забивали на мясо для армии. Общая численность поголовья скота непрестанно падала. И в этих условиях число хозяйств без рабочего скота и коров не увеличилось, а уменьшилось.

Ликвидация помещичьего землевладения навсегда уничтожила категорию помещичьих батраков. Эти в недавнем прошлом самые нищие и обездоленные представители трудящегося крестьянства либо завели свои хозяйства, получив землю, либо превратились в рабочих совхозов, основанных на базе бывших помещичьих имений.

Какие изменения произошли в других группах крестьянства? Перепись 1917 г. не дает разделения по размеру посевов. Мы можем опереться лишь на данные по 22 губерниям РСФСР (в большинстве — производящим), где 1917 г. дается по выборочному гнездовому подсчету 10 % хозяйств, а 1920 г. — по комбинационной разработке, охватившей 25 % хозяйств. Согласно этим данным, группа с посевом до 2 десятин в 1917 г. составляла 30,4 % всех хозяйств. В 1920 г. их удельный вес поднялся до 47,9 % [70].

Данные по сопоставимым губерниям и волостям показывают как повсеместное явление картину увеличения числа мелкопосевщиков [71]. Такую же тенденцию дает и

[66] Там же. С. 73, 85.
[67] *Хрящева А. И.* Группы и классы в крестьянстве. М., 1926. С. 82.
[68] Там же. С. 82.

[69] Подсчитано по: Погубернские итоги. . . С. 50, 52, 72; Групповые итоги. . . С. 174, 178, 182, 186, 190, 192, 194, 198, 202, 206, 210, 214, 218, 222, 226, 230, 234, 238, 242, 250.
[70] *Хрящева А. И.* Указ. соч. С. 82.
[71] Групповые итоги. . . С. 172—254; Экономическое расслоение крестьянства в 1917 и 1919 гг. М., 1922. Табл. 12; Материалы по истории аграрной революции в России. М., 1928. Т. 1. Табл. 12,

группа однолошадных хозяйств. По 22 губерниям процент хозяйств с одной лошадью вырос с 49,2 в 1917 г. до 63,6 в 1920 г.[72] Повсеместное увеличение дают и хозяйства с одной коровой.

Итак, маломощные хозяйства — с посевом до 2 десятин, с одной коровой и с одной единицей рабочего скота дают почти повсеместное увеличение. Их количество выросло главным образом за счет хозяйств, бывших ранее беспосевными, за счет переселившихся из города в деревню и в известной степени за счет более зажиточных хозяйств, перешедших в низшую группу.

Несколько иная картина в следующей группе среди хозяйств с посевами от 2,1 до 4 десятин. Здесь по 22 губерниям соотношение в 1917 г. и в 1920 г. остается почти без изменения. В 1917 г. эти хозяйства составляли 30,1 %, в 1920 г. — 31,6 %.

В пределах отдельных губерний мы наблюдаем известные отклонения в ту или другую сторону. В ряде губерний удельный вес этих хозяйств остается примерно неизменным, в других губерниях, преимущественно малоземельных, процент хозяйств с посевами от 2 до 4 десятин снижается (Костромская, Владимирская, Московская, Смоленская, Тверская, Череповецкая, Ярославская), в третьих, чаще многоземельных, — увеличивается (Оренбургская, Екатеринбургская).

Следующая группа — с посевом от 4,1 до 10 десятин — дает уже явное и значительное уменьшение. По 22 губерниям ее удельный вес падает с 25,2 % в 1917 г. до 15,3 % в 1920 г. Лишь по отдельным посевным группам отдельных губерний (например, группы с посевом от 4,1 до 6 десятин — в Оренбургской, Пензенской, Саратовской, Тамбовской, Екатеринбургской) наблюдается некоторое возрастание. В этих многоземельных губерниях категория хозяйств с посевами от 4 до 6 десятин сохранила и даже несколько усилила свои позиции. Но хозяйства выше 6 десятин дают уже повсеместное снижение (за исключением Оренбургской и Саратовской губерний). В то же время в таких губерниях, как Костромская, Вологодская, Московская, Тверская, Череповецкая, Ярославская, хозяйства с посевами свыше 8 десятин в 1920 г. исчезают.

23, 38, 64, 75, 90, 101, 184, 195, 226, 237, 268, 279, 320, 331, 348, 359, 400, 411, 482, 493, 566, 587, 618, 629, 660, 671, 742, 753, 784, 795.

[72] *Хрящева А. И.* Указ. соч. С. 82.

Резко и значительно сокращается процент хозяйств с двумя лошадьми. По указанным 22 губерниям такие хозяйства составляли в 1917 г. 17 %, а в 1920 — 7,9 %. Данные по отдельным губерниям подтверждают эту тенденцию как почти повсеместную. Исключение составляют лишь Екатеринбургская и Оренбургская губернии, где эта группа несколько увеличилась.

Несколько иная картина наблюдается в группе хозяйств, владевших двумя коровами. Данные по губерниям показывают значительные колебания. В ряде губерний эта группа осталась примерно неизменной (Астраханская, Витебская, Вологодская, Екатеринбургская, Саратовская губернии), в других (Владимирская, Вятская, Костромская, Курская, Пензенская, Рязанская, Тамбовская, Тульская, Ярославская) произошло ее уменьшение, в третьих (Калужская, Петроградская, Новгородская, Московская, Оренбургская, Смоленская, Тверская, Череповецкая) отмечается увеличение ее удельного веса.

Дело в том, что в промышленно развитых районах с большим числом городов и рабочих поселков в годы гражданской войны крестьяне, не видя экономической выгоды в расширении запашек, в то же время увеличивали число коров, которые давали продукт, быстро и выгодно реализуемый среди несельского населения.

Самым резким образом падает число многопосевщиков. Процент хозяйств с посевом свыше 10 десятин сокращается по 22 губерниям с 3,7 в 1917 г. до 0,5 в 1920 г. Такое же сокращение наблюдается в группах многолошадных хозяйств. Процент хозяйств с тремя и более лошадьми сокращается по 22 губерниям с 4,8 до 0,9.

Наконец, последний сопоставимый показатель, характеризующий крупные хозяйства, — наличие трех и более коров. Данные по губерниям показывают, что многокоровные хозяйства не уменьшаются столь резко и разительно, как многолошадные. Удельный вес хозяйств с тремя коровами в большинстве губерний сокращается, но есть немало губерний, где уровень 1917 г. остается неизменным, а в отдельных местах процент хозяйств с тремя коровами даже повышается (Петроградская, Московская, Новгородская, Оренбургская, Тверская губернии) [73].

Итак, все приводимые выше сравнительные данные за 1917 и 1920 гг. свидетельствуют о кардинальнейших сдви-

---

[73] Групповые итоги. . . С. 172—252; Экономическое расслоение крестьянства. . . Табл. 18, 19.

гах в среде крестьянства. Резкое сокращение числа беспосевных, безлошадных и бескоровных хозяйств при одновременном не менее резком сокращении числа многопосевных, многолошадных и многокоровных хозяйств — таков наиболее заметный, ощутимый, наглядный итог аграрных преобразований 1918—1920 гг. Вместе с этим в срединных группах происходят значительные сдвиги, направленные, в общем, в сторону сокращения более зажиточных слоев и увеличения средних.

Так был прерван массовый социально-экономический процесс, процесс «раскрестьянивания», процесс, ведший к уничтожению крестьянства как класса на основе его расслоения, возраставшего деления на сельскую буржуазию, с одной стороны, и сельский пролетариат — с другой. Начался новый процесс — консолидация средних слоев крестьянства и уменьшение полярных групп — кулачества и бедняцко-батрацких слоев.

Факт осереднячивания деревни, факт сокращения бедняцко-середняцких слоев и превращения значительной массы бедняков в середняков означал существенное улучшение положения большинства крестьян.

Несмотря на крайне неблагоприятные внешние условия (война, навязанная империалистами и тяжелейшая хозяйственная разруха, вызванная войной), крестьянство страны значительно улучшило свое положение. Его положение улучшилось как в результате ликвидации класса помещиков, так и в результате частичной экспроприации сельских капиталистов, а также благодаря хозяйственной помощи пролетарского государства.

Рассмотрим теперь положение основных групп крестьянства с целью охарактеризовать их количественное соотношение, территориальное распределение, степень наделения землей, владение живым и мертвым инвентарем и т. п. Эта характеристика основана преимущественно на материалах РСФСР.

При характеристике крестьянства бросается в глаза огромное количество категорий и групп, разнящихся между собой по обеспеченности землей, скотом, инвентарем. Эта огромная разница видна и при анализе суммарных данных. Она становится еще более разительной при сопоставлении материалов по различным экономическим районам и губерниям. Нельзя забывать и о том, что еще большее разнообразие условий, в которых действует крестьянское хозяйство, не отражается статистикой и не может быть учтено при характеристике крестьянства. Имеется в виду качество земельных угодий, компактность или чересполосность расположения наделов, состояние инвентаря, его изношенность, породность скота, квалификация работников, денежные накопления семьи, степень доходности промыслов, близость или отдаленность по отношению к торговым пунктам и т. д., и т. п.

Неустойчивость денежных отношений, беспрестанное изменение валютного курса и развитие натурального обмена делают невозможным определение мощности хозяйства в 1918—1920 гг. на основе исчисления его бюджета. Более твердыми и определенными признаками, хорошо отраженными в статистических материалах, служат размеры посевов, наличие и количество рабочего скота, коров и сельскохозяйственного инвентаря. Разумеется, и здесь есть свои серьезные недостатки. Размер посева, в частности, также был не слишком надежным показателем (будучи основой для налогового обложения, размеры посева в значительной мере укрывались крестьянами) и далеко не всегда отражал истинное положение дел. Все же представляется наиболее целесообразным брать за основу группировку по посевам с учетом других выявленных факторов.

Группа хозяйств без посева и с посевом до 0,1 десятины составляла в 51 губернии РСФСР, по данным переписи 1920 г., 9,2 % всех крестьянских хозяйств. Средний состав семьи 3,9 человека на одно хозяйство был наименьшим среди всех остальных крестьянских групп [74]. В этой группе был наиболее велик процент хозяйств без работников — членов семьи (30,4). Но большая часть имела одного (57,9 %) или двух и более работников — членов семьи.

Беспосевные в значительной массе имели промыслы. Среди хозяйств без посева и с посевом до 0,1 десятины 54,2 % имели промыслы, 20,3 % этих хозяйств имели рабочий скот, 42,4 % — коров. На лиц из этой группы, занятых в промыслах, приходилось 16,7 % сельскохозяйственных рабочих. При этом надо иметь в виду, что к беспосевным относились также лица, жившие в деревне, но не занятые сельским хозяйством, в том числе служащие советских и других учреждений [75].

Что касается географического распределения этой группы, то здесь можно отметить следующее. В районах, где было много крупных хозяйств, процент безземельных

---

[74] Групповые итоги. . . С. 308.
[75] Там же. С. 308, 309, 310.

хозяйств более высок. На Дону и в Предкавказье он достигал 24,0 %, в Сибири — 12,9, в Волжском районе — 9,0, в Уральском — 8,7. Зато в районах Центра, Севера, Запада этот процент значительно ниже. В Центрально-Земледельческом — 2,4, в Западном — 3,7, Северном — 3,8. Вместе с тем этот процент снова повышается в Северо-Западном районе (8,6) и Московско-Промышленном (7,7) за счет большей занятости крестьян во внеземледельческих промыслах. Эти данные показывают, что группа сельского пролетариата, хотя она и значительно сократилась, но не исчезла.

Группа с посевом от 0,1 до 2 десятин составляла 37,6 % всех хозяйств по 51 губернии РСФСР. Средний состав семьи был выше, чем у беспосевных, составляя 4,5 души. Процент хозяйств без работников — членов семьи значительно меньше, чем у беспосевных (18,7 %), с одним работником — несколько выше, чем у беспосевных (62,8 %). Процент хозяйств с промыслами резко снижается.

Эти бедняцкие хозяйства были слабо обеспечены рабочим скотом и пахотным инвентарем. Процент хозяйств без рабочего скота весьма значителен, а без пахотных орудий и того выше. Основная масса — более половины — имела одну единицу рабочего скота. Процент бескоровных менее значителен, чем процент безлошадных [76].

Довольно велика была эта группа в Центрально-Земледельческом, Волжско-Камском, Уральском районах. В волжских губерниях, на Дону и в Предкавказье, в Сибири удельный вес этих хозяйств значительно ниже. В малоземельных районах центра страны, на ее северных и западных окраинах значительная часть хозяйств с посевами до 2 десятин носила середняцкий характер, поскольку значительная часть их имела рабочий скот, двух- и более коров.

Значительность числа бедняцко-батрацких хозяйств, сохранившихся в деревне к концу аграрной революции, может быть объяснена многими обстоятельствами. Необходимо учитывать небывало быстрое увеличение численности крестьянских хозяйств в первые послереволюционные годы. В 1917 г. в стране насчитывалось 16,5 млн крестьянских дворов, в 1920 г. их стало уже 22,5 млн [77]. Увеличение объяснялось главным образом разделами крестьянских хозяйств, а также возвращением из городов. С 1917 по 1920 г. в деревню возвратилось около 900 тыс. семей.

Невозможно установить, каково было хозяйственное положение возвратившихся из города семейств. Но вполне допустимо, что эти хозяйства в основном пополняли ряды хозяйств маломощных, были значительно хуже обеспечены живым и мертвым инвентарем.

Таким образом, число бедняцких хозяйств оставалось значительным, в частности, из-за возвращения ряда семей из города, а также в результате резко усилившегося процесса дробления крестьянских хозяйств, что приводило к появлению экономически маломощных дворов за счет более крупных и сильных, подвергавшихся разделу. Сказывались также нищета русской деревни, ее слабая насыщенность сельскохозяйственным инвентарем, сохранившееся в ряде районов, несмотря на конфискацию помещичьих угодий, малоземелье. Невероятное разорение, охватившее страну в результате семилетней войны, привело к тому, что поступление в деревню сельскохозяйственного инвентаря катастрофически упало. Резко сократилось поголовье скота. Но главное заключалось в том, что в условиях сохранения мелкотоварного производства значительная часть бедноты, несмотря на уравнительность землепользования, на помощь со стороны государства, не могла, продолжая вести единоличное производство, полностью встать на ноги.

Рассмотрим, далее, противоположную группу. Хозяйства с посевом свыше 25 десятин составляли 0,3 % всех крестьянских хозяйств [78]. В подавляющем большинстве это были хозяйства больших семей — 10,2 души в среднем на одно хозяйство. Без работников — членов семьи было лишь 2,5 % крупнопосевных хозяйств, с одним работником — 28,5 %. С двумя работниками и более — 69 %. Сроковых рабочих нанимали в 13,2 % этих хозяйств, что намного выше среднего процента (1,4).

На одно такое хозяйство в среднем приходилось пять единиц рабочего скота. Подавляющее большинство (88,7 %) хозяйств имело три и более единиц рабочего скота. Подавляющее большинство (88,4 %) имело также две и более коров, более четырех коров — 41,6 % хозяйств. Эти хозяйства были сравнительно хорошо обеспечены инвента-

[76] Там же. С. 308—310.
[77] СССР за 15 лет: Стат. материалы по народному хозяйству. М., 1932. С. 134.

[78] Групповые итоги. . . С. 308.

рем. На 100 хозяйств приходилось 140,5 плуга, 42,3 сеялки, 83,4 жнейки [79].

В рассматриваемый период крупнейшие хозяйства составляли незначительный процент. В Северном, Северо-Западном, Московско-Промышленном районах они вообще исчезли. В Центрально-Земледельческом и Волжско-Камском составляли сотые доли процента. Несколько больший процент (0,4) их отмечался в Уральском районе, а наивысшая доля была на Дону и в Предкавказье (1,8), в Волжском районе (1,1), Западной Сибири (1,0) [80].

Бóльшая часть крупнейших хозяйств, видимо, сохранила эксплуататорский характер: в них нанимали батраков. Учитывая неполноту и недостаточную достоверность данных о сроковых рабочих, возможно допустить, что и без того значительный процент найма рабочих в этих хозяйствах был на деле более высоким. Вместе с тем нельзя исключить и того обстоятельства, что известная часть этих хозяйств, имея значительное число собственных работников, не носила эксплуататорского характера. В хозяйствах этих, как правило, не было промыслов. Все усилия сосредоточивались на земледелии.

Обратимся теперь к состоянию и положению других категорий многопосевщиков. Наиболее многочисленная категория — это хозяйства с посевами от 8,1 до 13 десятин. Такие хозяйства составляли в 1920 г. 4,7 % всех крестьянских хозяйств. На одно хозяйство в среднем приходилось 2,6 единицы рабочего скота, значительно больше половины хозяйств имели двух и более коров.

Эта группа, весьма незначительная в центре страны, достигает основательного веса на Урале, на Волге, Дону, Северном Кавказе и в Сибири, составляя там от 6—7 до 12—14 с лишним процентов.

Категория хозяйств с посевами от 13,1 до 25 десятин включительно составляла по РСФСР 1,7 % всех хозяйств.

Группа хозяйств с посевом от 8 десятин и выше, составлявших 6,7 % всех крестьянских хозяйств, владела 17,5 % всех рабочих лошадей, 17 % всех плугов, 57,8 % всех сеялок, 37,7 % всех молотилок [81]. Несомненно, что большая часть зажиточных хозяйств, входивших в эту группу, имела эксплуататорский характер.

Рассмотрим теперь средние слои крестьянства. Положив в основу, как и при характеристике других групп, размеры посевов, мы устанавливаем, что хозяйства с посевами от 2,1 до 8 десятин составляли в 1920 г. по 51 губернии РСФСР 46,5 % всех хозяйств [82]. По мере увеличения посевов среднее число членов семьи растет, возрастает обеспеченность рабочей силой, уменьшается процент хозяйств, где занимаются промыслами, несколько увеличивается процент хозяйств с нанятыми на срок рабочими. По географическим районам мы видим огромную разницу в удельном весе хозяйств с посевами от 2 до 8 десятин. Как отмечалось выше, в Северном, Северо-Западном, Московско-Промышленном и Западном районах подавляющее большинство хозяйств имели посевы менее 2 десятин. В этих районах группы хозяйств с посевом от 2,1 до 8 десятин составляли сравнительно незначительный процент. В Центрально-Земледельческом, Волжско-Камском, Уральском, Волжском районах эти хозяйства составляли устойчивое большинство. На Дону и в Предкавказье, где был наиболее велик процент беспосевных и крупнопосевных хозяйств, срединный слой менее значителен. Несколько выше их удельный вес в Сибири [83].

Характеризуя основные группы крестьянства, сложившиеся к концу аграрной революции, мы видим не только достигнутое за эти годы значительное выравнивание уровня деревенского населения, но и сохранившееся неравенство как в области земельных отношений, так и (больше всего) в распределении инвентаря и скота. Итоги аграрной революции со всей убедительностью показали иллюзорность распространенного среди крестьянства представления о том, что уравнительность землепользования может привести к ликвидации нищеты и кулацкой эксплуатации, к уничтожению неравенства в деревне.

Даже в отношении земли, хотя здесь было осуществлено значительное поравнение и достигнуто неизмеримо большее, чем до революции, соответствие между размером семьи и надела, оставалось ощутимое неравенство. А в отношении живого и мертвого инвентаря неравенство сохранилось в чрезвычайно большой степени. Об этом достаточно убедительно свидетельствуют приводимые выше данные.

Почти половина хозяйств с посевом до 1 десятины (а эти хозяйства составляли около 16 % всех хозяйств) не имела

79 Там же. С. 309—310.
80 Там же. С. 320, 324, 328.
81 Исчислено по: Там же. С. 260—264.

82 Там же. С. 308.
83 Там же. С. 308, 312, 316, 320, 324, 328.

рабочего скота, почти четверть — коров и более половины — пахотных орудий. Эти крестьяне были, следовательно, зависимы в хозяйственном отношении от более обеспеченных крестьян. Весьма велик процент безлошадных и безынвентарных и среди хозяйств с посевами от 1 до 2 десятин, от 2 до 4 десятин.

С другой стороны, немногочисленная группа многопосевщиков сосредоточила в своих руках значительную часть пахотных орудий и особенно сложного сельхозинвентаря, владела большим количеством рабочего скота, что давало этой группе возможности для эксплуатации бедноты.

О ярких проявлениях имущественного неравенства, об эксплуататорских тенденциях кулачества, о сохранении товарных отношений в деревне, несмотря на запретительные меры, направленные против торговли, свидетельствовали многие данные. Запрет аренды земли и найма рабочей силы ограничил их размеры, но не смог уничтожить.

Наем рабочей силы имел, видимо, такое широкое распространение, что делал невозможным его практическое запрещение. Поэтому он получил отражение, разумеется неточное, в материалах статистических обследований 1919 и 1920 гг. Несомненно также массовое распространение аренды земли, хотя факты аренды меньше отражены в статистических материалах.

Деятельность кулака приобрела в значительной мере скрытый, нелегальный характер. Но в силу сохранения в деревне мелкого товарного производства, рождающего, по словам Ленина, капитализм, это было явлением широким, массовым. Кулак использовал любую возможность для обогащения, пролезал в любую щель. Он сокращал запашку из-за разверстки, ввиду трудностей с торговлей, снижал запашку до потребительской нормы. Но он сохранял за собой землю, сохранял орудия производства, имея, таким образом, потенциальные возможности для быстрого расширения и укрепления своих позиций.

Осереднячивание крестьянства имело серьезное социально-политическое значение.

Во-первых, еще большее, чем прежде, поистине решающее значение приобретал союз рабочего класса со средним крестьянством (разумеется, при прочной опоре на бедноту). В самом деле, расстановка классовых сил в стране была такова: оставалось, как уже констатировалось выше, два основных класса — пролетариат и крестьянство. Союз

этих двух классов и являлся основой Советского государства. А в крестьянстве главной, преобладающей силой стал середняцкий слой. Значит, союз с крестьянством определился прежде всего союзом с середняком. Значит, политика партии должна была исходить из необходимости всемерно развивать и закреплять курс VIII съезда РКП(б) о союзе с середняком при прочной опоре на бедноту.

Во-вторых, осереднячивание крестьянства усиливало мелкобуржуазную стихию в стране. В апреле 1921 г. В. И. Ленин писал: «Крестьянская «беднота» (пролетарии и полупролетарии) превратилась, в очень большом числе случаев, в середняков. От этого мелкособственническая, мелкобуржуазная «стихия» усилилась» [84].

Из этого вытекала настоятельная необходимость укреплять государство — диктатуру пролетариата, для того чтобы успешно выдержать натиск мелкобуржуазной стихии, обеспечить руководящую роль пролетариата в союзе с крестьянством. Надо было укрепить партию, обеспечить ее единство, решительно покончив с проникновением в ее ряды мелкобуржуазных влияний.

Надо было, наконец, немедленно улучшить положение крестьянства, добиться подъема производительных сил деревни, помогая преодолению колебаний мелкобуржуазной стихии.

Эти обстоятельства были всесторонне проанализированы и учтены партией, Лениным. Партия осуществляла переход к нэпу, обеспечивший решение неотложных социальных, экономических, политических задач и дальнейшее продвижение к социализму.

Говоря о социальной структуре крестьянства, необходимо остановиться на появлении принципиально новой категории сельского населения — трудящихся совхозов и колхозов. В первые послереволюционные годы — 1918—1920 — при политической и экономической помощи государства возникли и окрепли социалистические формы хозяйства в деревне — совхозы и колхозы. Не рассматривая подробно вопрос о развитии этих форм хозяйства, ввиду того что он довольно основательно разработан, следует подчеркнуть, что возникновение социалистического уклада в сельском хозяйстве было чрезвычайно важным завоеванием социализма.

Удельный вес совхозов и колхозов был в то время весьма невелик. В конце 1920 г. в стране имелось 4384

[84] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 43. С. 218.

совхоза с земельной площадью свыше 2 млн десятин [85]. Три четверти их были расположены в центральных районах страны. Общее население совхозов составляло по переписи 1920 г. 366 тыс. человек. Из них 145,2 тыс. (40 %) работали по найму [86]. Колхозов в РСФСР в 1920 г. насчитывалось 10,5 тыс. с населением в 717,5 тыс. человек. Они объединяли 131 тыс. крестьянских дворов, имея земельную площадь в 700,5 тыс. десятин [87]. Большая часть колхозов была организована не на крестьянской надельной земле, а на базе бывших помещичьих усадеб. Многие серьезные недостатки, главным образом организационного порядка, мешали их плодотворной деятельности.

Совхозы и колхозы были важны не только как ростки нового, не только как первые камни в фундаменте будущего гигантского здания социалистического сельского хозяйства, не только как принципиально новое явление в жизни мелкобуржуазной деревни, но и как опорные пункты Советского государства в деревне. Со временем труженики колхозов и совхозов станут абсолютным большинством сельского населения страны [88].

Таково было состояние двух основных классовых сил страны — пролетариата и крестьянства.

4. Сложность социальной структуры населения в переходный период

Но имелась и третья сила, переставшая быть в числе основных, но остававшаяся реальностью. «Третья сила, — говорил В. И. Ленин, — всем известна, это — помещики и капиталисты» [89].

---

[85] О земле: Сборник. 1921. Вып. 1.С. 32.
[86] *Зеленин И. Е.* Совхозы в первое десятилетие Советской власти, 1917—1927. М., 1972. С. 194, 197.
[87] Советское народное хозяйство в 1921—1925 гг. М., 1960. С. 305.
[88] Подробнее о колхозах и совхозах см.: *Лаврентьев В. Н.* Строительство совхозов в первые годы Советской власти, 1917—1920. М., 1957; *Богденко М. Л., Зеленин И. Е.* Совхозы СССР: Крат. ист. очерк, 1917—1975. М., 1976; Библиографию статей, посвященных совхозам в первые годы их существования, см. в книге: *Зеленин И. Е.* Совхозы в первое десятилетие Советской власти. С. 7, 8; *Погудин В. И.* Путь советского крестьянства к социализму: Историограф. очерк. М., 1975; *Чинчиков А. М.* Советская историография первых аграрных преобразований и начального этапа колхозного строительства, 1917—1933 гг. Саратов, 1974; *Яковцевский В. Н.* Аграрные отношения в СССР в период строительства социализма. М., 1964; *Трапезников С. П.* Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. М., 1967. Т. 1.
[89] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 43. С. 138.

Эксплуататорские классы были, как уже отмечалось, разбиты и в основном ликвидированы. Они были лишены политической власти и экономического могущества. В ходе длительной и ожесточенной гражданской войны эксплуататоры, оказавшие при поддержке международного империализма вооруженное сопротивление победившей революции, потеряли значительную часть своих кадров. Многие бежали за границу. Контрреволюционная эмиграция имела место и во время других революций (например, во время французской буржуазной революции конца XVIII в.). Но никогда еще она не носила такого массового характера, никогда контрреволюционная эмиграция не имела такой серьезной политической и военной организации, как это произошло после социалистической революции в России.

Это было на редкость своеобразное и противоречивое положение. Сотни тысяч людей вышли из состава населения страны демографически. Они в демографическом плане перешли в категорию жителей других стран. Но в социальном и особенно в политическом плане они занимали определенное место в соотношении классовых сил в России.

В дальнейшем, разумеется, этот фактор в социально-политическом балансе Советской страны сказывался все менее и менее, но непосредственно после окончания гражданской войны он имел первостепенное значение.

Наиболее сильный удар был нанесен классу помещиков. Этот класс, лишенный экономической базы в результате национализации земли и конфискации его собственности, перестал существовать как социально-экономическая сила. Помещики как класс навсегда прекратили свое существование.

По существу, была ликвидирована и городская — промышленная, финансовая и торговая — буржуазия. Однако она сохранила еще известные экономические позиции. Далеко не все промышленные предприятия — особенно мелкие — были национализированы. На 1 ноября 1920 г. из 6908 учтенных промышленных предприятий с 1 277 515 рабочими было национализировано 4557 предприятий, т. е. 65,7 % [90]. По переписи 1920 г., в городах действовало 26 736 частных предприятий, на которых было занято более 85 тыс. человек (из них более 41 тыс. наемных рабочих) [91]. Национализация мелких предприятий, объявленная в 1920 г., была проведена в жизнь лишь частично.

---

[90] Отчет ВСНХ VIII Всероссийскому съезду Советов. М., 1920. С. 20.
[91] Труды ЦСУ. М., 1926. Т. 27, вып. 1. С. 4—5.

Мелких частных торгово-промышленных предприятий во второй половине 1920 г. (без Закавказья, Дона, Белоруссии и Дальнего Востока) насчитывалось около 300 тыс.[92] Известный советский партийный и государственный деятель и экономист Э. И. Квиринг считал, что фактически к концу 1920 г. более половины мелких и средних предприятий не были национализированы. Частник давал около 70 % валовой продукции мелкой и кустарной промышленности [93]. Сельская буржуазия, хотя и была крайне ослаблена в годы революции и гражданской войны, однако, находя питательную среду в мелком товарном хозяйстве, еще сохранилась.

Несмотря на юридическое запрещение, в деревне оставалась практика аренды земли и найма рабочей силы. Кулацкие элементы использовали любую лазейку, чтобы обойти советские законы и сохранить свои позиции, свою экономическую силу, эксплуатировать бедноту. Кулак изменил формы своей деятельности, пригнулся, ушел в подполье, но сохранился. Буря революции с корнем вырвала мощные дубы капитализма, но более мелкие побеги не были сломлены. Они под революционным вихрем пригнулись к земле, ожидая лишь случая, чтобы вновь выпрямиться.

В то же время несмотря на значительную нивелировку, поравнение крестьянства, его неравенство, неизбежное при мелкотоварном производстве, оставалось. Сохранились пролетарские и полупролетарские слои, подвергавшиеся эксплуатации, сохранилась деревенская буржуазия — кулаки-эксплуататоры. Это неравенство могло быть уничтожено только с переводом деревни на социалистические рельсы.

Итак, особенность расстановки классовых сил, сложившейся к концу гражданской войны, заключалась в том, что эксплуататоры, лишенные политической власти, разбитые в вооруженной схватке, лишенные значительной части экономического могущества, сохранили еще значительные позиции.

В. И. Ленин писал в этой связи: «. . .Буржуазию мы победили, но буржуазия у нас осталась, и борьба осталась» [94]. Он говорил, что хотя крупные земельные собственники и капиталисты в России подверглись полной экспроприации, разбиты совершенно политически, но они не исчезли, их остатки «попрятались среди государственных служащих Советской власти», буржуазия не уничтожена, она притаилась [95].

[92] *Трифонов И.* Очерки истории классовой борьбы в СССР в годы нэпа. С. 9.
[93] Плановое хоз-во. 1928. № 3. С. 10, 20.
[94] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 42. С. 361.

Эксплуататорские элементы города и деревни вкупе с контрреволюционной эмиграцией представляли по-прежнему большую опасность. Они были опасны и с военной точки зрения, грозя новым нападением из-за рубежа вместе с армиями интервентов, и с политической точки зрения, осуществляя идейное и политическое воздействие на колеблющиеся слои населения. Но главная опасность заключалась в том, что капитализм имел еще глубокие корни, придававшие ему живучесть и цепкость. Поскольку крестьянское хозяйство оставалось в своей массе мелким товарным производством, оно, по выражению В. И. Ленина, рождало «капитализм и буржуазию постоянно, ежедневно, ежечасно, стихийно и в массовом масштабе» [96].

Именно здесь была питательная почва для возрождения капитализма. Именно на этой почве вырастали капиталистические элементы, вырастали даже в условиях «военного коммунизма», используя каждую возможность для обогащения, пролезая в любую щель. В. И. Ленин не раз подчеркивал, что запретить, совершенно запереть всякое развитие частного, негосударственного обмена, т. е. торговли, капитализма, экономически невозможно, пока существуют миллионы мелких производителей [97].

После Великой Октябрьской социалистической революции начался важный социальный процесс — формирование новой, советской интеллигенции. Этот процесс был гораздо более сложным и многогранным, нежели только вовлечение старой интеллигенции в социалистическое строительство или только выдвижение новых, рабоче-крестьянских по происхождению, кадров интеллигенции, их обучение через систему рабфаков, советских и партийных школ. Происходило сложное диалектическое переплетение — отпадение реакционных элементов путем ухода в белогвардейщину, в эмиграцию, и кристаллизация всех прогрессивных сил — постепенный переход колеблющихся на позиции Советской власти, формирование новых слоев интеллигенции, генетически и идейно связанных с рабочим

[95] См.: Там же. Т. 44. С. 5, 79.
[96] Там же. Т. 41. С. 6.
[97] См.: Там же. Т. 43. С. 222.

классом и трудящимся крестьянством, путем выдвижения партийной интеллигенции, создания кадров новых служащих советского и хозяйственного аппарата, командирского корпуса РККА, а также путем содействия форсированному приобретению знаний при помощи многочисленных и разнообразных форм обучения, демократизации высшей школы.

В 1920—1921 гг. этот сложный и трудный процесс находился в самой начальной стадии. Численность интеллигенции определить применительно к этому времени трудно. Этому мешает и невыработанность критериев для определения интеллигенции, в частности соотношения «интеллигенция—служащие». Можно согласиться с мнением Л. А. Пинегиной о том, что в годы гражданской войны «под действием центробежных сил слой интеллигенции значительно поредел» [98]. В числе причин, обусловивших это поредение, — потери на фронтах, эмиграция, отток квалифицированных специалистов в «хлебные» губернии и соответствующая деквалификация этой части интеллигенции.

С другой стороны, повсеместно отмечается численный рост служащих, разбухание аппарата. По расчетам ЦСУ РСФСР на ноябрь 1919 г. о различных социальных группах, численность служащих выросла с 3,3 млн в 1913 г. до 7,7 млн к ноябрю 1919 г.[99] С этими расчетами, говорящими об огромном росте численности служащих, трудно согласиться. Но увеличение этой части населения страны следует признать бесспорным.

Приведем несколько данных о численности различных категорий служащих. В 1919 г. 671 профессиональный союз служащих охватывал 781,8 тыс. человек. Значительным по численности был аппарат ВСНХ. В центре и на местах к 1921 г. насчитывалось 234 305 сотрудников ВСНХ [100]. По 44 губерниям, 2 автономным областям и 3 автономным республикам РСФСР насчитывался 111 521 школьный работник [101].

Довольно многочисленной была военная интеллигенция: на 1 января 1921 г. в Красной Армии служило 217 тыс.

---

[98] Изменение социальной структуры советского общества, октябрь 1917—1920. С. 300.

[99] Там же. С. 332.

[100] Структура и состав органов ВСНХ в центре и на местах в 1921 г. М., 1922. С. 8—9.

[101] Стат. ежегодник, 1918—1920. С. 118—124.

командиров [102]. Пожалуй, из всех отрядов новой интеллигенции военная интеллигенция сложилась раньше и быстрее других. Однако при этом надо иметь в виду, что в начале 20-х годов, после окончания войны и резкого сокращения численности Красной Армии, были значительно сокращены и ее командирские кадры.

Крайне незначительной оставалась численность научных работников, хотя и увеличилась за предшествующие годы. По РСФСР в 1922 г. их насчитывалось 10 173 человек против 7321 в 1918 г.[103] В то же время резко возросло по сравнению с дореволюционным временем число студентов. Если в 1914/15 г. в высших учебных заведениях насчитывалось 125 тыс. учащихся, то в 1920/21 г. их стало 207 тыс., а в 1921/22 г. — 224 тыс.[104]

Рост интеллигенции тормозился тяжелым наследием прошлого — массовой неграмотностью. Хотя за годы гражданской войны благодаря усилиям Советского государства были достигнуты немалые успехи в деле ликвидации безграмотности, уровень грамотности оставался низким. В 1920 г. лишь 58,3 % городского населения и 33,5 % сельского владели грамотой [105].

Городское население было сложным и пестрым по своему составу. Наряду с рабочим классом, состояние и развитие которого являлось определяющим фактором для социальной структуры не только города, но и страны в целом, наряду с большим и многообразным по происхождению массивом советских служащих, среди городского населения сохранились различные деклассированные элементы, служители культа, маклеры и т. д. Все они активизировались после перехода к нэпу. Довольно многочисленными были такие слои городского населения, как ремесленники, торговцы, работники сферы услуг (парикмахеры, портные, сапожники, часовщики, извозчики и др.). Частный рынок, существовавший нелегально или полулегально, вовлекал в свою орбиту немалую часть городского населения («ме-

---

[102] *Кляцкин С. М.* На защите Октября, 1917—1920 гг. М., 1965. С. 464.

[103] *Иванова Л. В.* Формирование советской научной интеллигенции, 1917—1927 гг. М., 1980. С. 273.

[104] Культурное строительство Союза ССР: К докладу А. В. Луначарского на 2-й сессии ЦИК СССР 4-го созыва. М.; Л., 1927. С. 64. В дальнейшем, начиная с 1922/23 г. и до второй половины 20-х годов, численность студентов уменьшилась, оставаясь тем не менее значительно выше дореволюционного уровня.

[105] Народное хозяйство Союза ССР в цифрах. М., 1925. С. 22, 23.

шочники»), в том числе бывших профессиональных частных торговцев [106].

Сложность социальной структуры городского населения начала 20-х годов отражена в городской переписи марта 1923 г. Ее материалы частично рассматривались в работах статистиков 20-х годов [107] и в последнее время исследованы в диссертации В. Б. Жиромской [108].

Непосредственно после завершения основных сражений гражданской войны в стране не было безработных. Однако уже во второй половине 1921 г. появились первые симптомы безработицы [109]. Наркомат труда относил появление безработицы после войны к концу 1921 г.[110]

1922 г. принес с собой стабильный — из месяца в месяц — рост количества безработных. Если на 1 января 1922 г. на учете бирж труда находилось 160 тыс. человек, то к середине года эта цифра достигла 407,5 тыс., а к 1 января 1923 г. — 641 тыс.[111]

Рост безработицы в первой половине 20-х годов был связан с разрухой народного хозяйства, катастрофическим неурожаем в Поволжье, трудностями восстановления экономики. В дальнейшем, как известно, укрепление экономики страны, осуществление социалистической индустриализации, ликвидация аграрного перенаселения на базе кооперирования крестьянства дали возможность уже в 1930 г. окончательно ликвидировать безработицу.

Рассматривая социальную структуру населения в начале 20-х годов, нельзя забывать о множестве обстоятельств, порожденных войной, носивших временный характер, но знание которых необходимо для понимания обстановки. Это наличие значительной армии, демобилизация которой потребовала определенного времени. Это наличие огромной массы беспризорных. Это своеобразие миграционных процессов: переезд массы горожан из голодного центра в «сытые» губернии и жителей городов в деревню и т. д. и т. п.

Из поля зрения исследователей часто выпадают беспризорные. Между тем само их огромное количество заставляет обращать на них внимание. Это специфика периода, примета эпохи, свидетельство тех деформаций в социальной структуре, которые были вызваны войной и разорением. К 1921 г. число беспризорных достигало 4,5 млн человек [112].

При определении социальной структуры конца гражданской войны надо помнить о многочисленной армии, которая в последние месяцы 1920 и начале 1921 г. была еще очень велика.

Так, к концу 1920 г. в армии, флоте, а также в составе милиции насчитывалось более 5 млн человек [113]. По переписи 1920 г. в армии было (по происхождению) 14,8 % рабочих, 77,0 % крестьян, 8,2 % прочих [114]. По другой таблице этой же переписи на 100 военнослужащих приходилось 14,8 рабочих, 7,0 служащих, 54,8 хозяев без наемных рабочих, 22,8 помогающих членов семей, 0,3 хозяев с наемными рабочими, 0,3 прочих [115].

С конца 1920 г. началась демобилизация армии. 25 ноября 1920 г. Реввоенсовет наметил сократить к 15 января 1921 г. численность армии на 2 млн человек. Советское правительство утвердило эти предложения. 11 декабря был издан приказ об увольнении в бессрочный отпуск всех красноармейцев и матросов, родившихся в 1885 г. и ранее [116].

К началу 1921 г., по данным крупного знатока архивных материалов о гражданской войне С. М. Кляцкина, в Красной Армии оставалось 4213 тыс. человек. Поскольку красноармейцы двадцати шести старших возрастов были демобилизованы, РККА концентрировала в своих рядах преимущественно молодежь. Красноармейцы в возрасте

---

106 *Дмитренко В. П.* Некоторые итоги обобществления товарооборота в 1917—1920 гг. // Ист. зап. М., 1960. Т. 7. С. 238—242.

107 Подробнее см.: *Жиромская В. Б.* Проблемы социальной структуры городского населения РСФСР в восстановительный период (1921—1925) в советской историографии // Соц.-эконом. развитие советского общества: Проблемы историографии и источниковедения. М., 1982.

108 *Жиромская В. Б.* Социальная структура городского населения РСФСР в восстановительный период: Автореф. дис. . . . канд. ист. наук. М., 1983.

109 *Рогачевская Л. С.* Ликвидация безработицы в СССР, 1917—1930. М., 1973. С. 74.

110 Известия НКТ СССР. 1923. № 3. С. 2—3.

111 *Рогачевская Л. С.* Указ. соч. С. 76.

112 Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. М., 1983. С. 187.

113 *Кляцкин С. М.* На защите Октября. С. 447.

114 Народное хозяйство Союза ССР в цифрах. С. 108—109.

115 Там же. С. 110. Эти же материалы содержат сведения о национальном составе Красной Армии на 1920 г.: русских и белорусов — 81,7 %; украинцев — 5,9; поляков — 0,8; литовцев и латышей — 0,7; немцев — 0,7; евреев — 1,4; татар и башкир — 4,1; прочих — 4,7 (Там же. С. 108—109).

116 *Кляцкин С. М.* Указ. соч. С. 448, 449, 450.

20—24 лет составляли 55 % всего личного состава армии [117].

Демобилизация, проходившая зимой 1920—1921 гг., породила немало трудностей. Как неоднократно отмечал В. И. Ленин, демобилизация «поставила нас. . . перед задачами, далеко и далеко нами недооцененными» [118]. Первую трудность создала разруха на транспорте. В январе 1921 г. из-за отсутствия топлива было приостановлено движение на 31 железнодорожной линии [119]. Транспорт оказался не в состоянии обеспечить перевозку демобилизованных красноармейцев, поэтому пришлось разрешить отправку части демобилизованных из Москвы и Петрограда походным порядком [120].

Вторая трудность, как отмечал В. И. Ленин, заключалась в невозможности в короткий срок обеспечить демобилизованных трудом и снабжением. «Десятки и сотни тысяч демобилизованных не могут приложить своего труда, возвращаются обнищавшие и разоренные. . .» Демобилизация «выбрасывает сотни и сотни тысяч крестьян и рабочих, не могущих сразу найти правильных источников средств к жизни» [121]. Весной и летом 1921 г. В. И. Ленин констатировал, что «ценой неслыханного напряжения» удалось сладить с этими трудностями [122].

В дальнейшем в 1921—1922 гг. численность армии была сокращена до 1700 тыс. человек, затем до 895 тыс. и до 800 тыс.[123] В ноябре 1922 г. Политбюро ЦК РКП(б) приняло решение о сокращении армии в течение января 1923 г. с 800 тыс. до 600 тыс. человек [124].

* * *

Изменения в социальной структуре Советской страны, происшедшие в вихрях небывалой революционной бури и с достаточной отчетливостью определившиеся к концу гражданской войны, имели огромное историческое значение. Они были необратимы и являлись важнейшими завоеваниями Октября, крупными достижениями на пути социалистического преобразования общества.

[117] Там же. С. 462—463.

[118] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 43. С. 8, 9.

[119] *Генкина Э. Б.* Государственная деятельность В. И. Ленина, 1921—1923 гг. М., 1969. С. 62.

[120] История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1967. Т. 8. С. 25.

[121] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 43. С. 10, 93.

[122] Там же. С. 153, 353.

[123] В. И. Ленин и Советские Вооруженные Силы. М., 1967. С. 117.

[124] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 295, 578.

Своеобразные социальные процессы, развернувшиеся в 20-е годы в условиях нэпа и приведшие к некоторому росту и укреплению буржуазных элементов в городе и деревне, происходили на фоне еще большего роста и укрепления позиций социализма. Поэтому они, эти процессы, не изменили характера социальной структуры, сложившейся после Октября в ходе революции и гражданской войны.

НЕКОТОРЫЕ ТАБЛИЦЫ ИЗ КНИГИ «НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО СОЮЗА ССР в ЦИФРАХ: Стат. справочник». М., 1925.

Города и поселения городского типа с населением 20 000 жителей и более (по переписям 1920 и 1923 гг.)

№ по порядку	Города и поселки городского типа	Число жителей		№ по порядку	Города и поселки городского типа	Число жителей	
		в 1923 г.	в 1920 г.			в 1923 г.	в 1920 г.
1	Москва	1 549 874	1 027 336	20	Оренбург	109 780	107 094
2	Ленинград *	1 071 103	722 229	21	Царицын *	107 897	90 396
3	Киев	432 724	392 109	22	Владивосток	106 689	—
4	Одесса	316 762	454 187	23	Свердловск *	97 759	91 757
5	Харьков	310 264	285 213	24	Воронеж	94 890	90 882
6	Ташкент	263 871	232 609	25	Бакинский нефтяной промышленный район	92 130	61 952
7	Баку	244 852	193 604	26	Ярославль	91 330	76 283
8	Ростов	236 421	232 570	27	Витебск	90 920	80 003
9	Тифлис (1922) *	233 958	—	28	Иркутск	88 264	95 677
10	Саратов	186 508	189 242	29	Полтава	87 540	76 648
11	Казань	158 085	147 678	30	Тверь *	85 749	66 095
12	Самара *	154 199	175 918	31	Уфа	85 360	92 766
13	Омск	150 022	141 881	32	Курск	84 939	79 807
14	Нижний Новгород *	147 072	103 946	33	Николаев	81 105	108 820
15	Краснодар	144 325	146 700	34	Пенза	80 233	85 070
16	Астрахань	133 382	116 094	35	Гомель	77 607	61 069
17	Екатеринослав *	129 419	162 965	36	Ново-Николаевск *	76 191	67 496
18	Тула	123 572	128 408	37	Орел	74 314	63 832
19	Минск	110 498	104 015 (1922)				

№ по порядку	Города и поселки городского типа	Число жителей		№ по порядку	Города и поселки городского типа	Число жителей	
		в 1923 г.	в 1920 г.			в 1923 г.	в 1920 г.
38	Томск	74 305	91 954	61	Архангельск	54 577	49 473
39	Иваново-Вознесенск *	72 719	58 203	62	Ставрополь	53 175	63 150
40	Владикавказ *	72 069	61 549	63	Вятка	53 059	40 769
41	Барнаул	72 054	63 855	64	Вологда	52 864	46 981
42	Тамбов	71 843	72 695	65	Андижан	52 789	—
43	Самарканд	71 456	82 317	66	Ижевск	52 417	45 298
44	Смоленск	70 911	57 224	67	Винница	51 315	42 461
45	Симферополь	70 788	80 923	68	Коканд	50 338	—
46	Таганрог	68 943	80 697	69	Елисаветград *	50 287	76 273
47	Ульяновск *	68 488	77 225	70	Новороссийск	49 055	54 262
48	Пермь	68 392	70 045	71	Рыбинск *	48 507	35 276
49	Житомир	68 280	—	72	Эривань *	48 163	—
50	Грозный	65 806	45 926	73	Рязань	47 433	41 276
51	Севастополь	63 439	71 230	74	Алма-Ата (Верный)	45 922	—
52	Чита	62 934	—	75	Новочеркасск	45 862	63 844
53	Батум (1922) *	60 810	—	76	Кутаис (1922) *	45 290	—
54	Армавир	60 473	64 051	77	Майкоп	44 765	49 842
55	Кострома	59 881	49 978	78	Козлов *	44 726	44 154
56	Красноярск	59 258	66 223	79	Александрополь *	44 384	—
57	Семипалатинск	56 806	44 600	80	Сызрань	44 253	50 387
58	Благовещенск	57 723	—	81	Луганск *	44 249	56 993
59	Челябинск	55 077	57 476	82	Орехово-Зуево	44 177	31 081
60	Кременчуг	54 955	66 403	83	Калуга	43 959	41 377

(окончание)

№ по порядку	Города и поселки городского типа	Число жителей		№ по порядку	Города и поселки городского типа	Число жителей	
		в 1923 г.	в 1920 г.			в 1923 г.	в 1920 г.
84	Запорожье	43 886	49 732	106	Златоуст	33 519	42 685
85	Бердичев	43 575	41 495	107	Полторацк *	33 482	25 811
86	Могилев	43 463	39 529	108	Ромны	33 210	23 804
87	Тюмень	43 426	43 134	109	Ходжент *	32 796	36 293
88	Пятигорск	42 626	47 118	110	Сормово	32 460	21 694
89	Херсон	41 253	74 483	111	Уральск	32 176	33 595
90	Умань	40 929	50 062	112	Юзово *	32 100	38 033
91	Бийск	40 209	41 875	113	Черкассы	31 598	44 867
92	Наманган	40 196	—	114	Мариуполь *	31 520	55 069
93	Ганджа *	39 972	42 502 (1921)	115	Владимир	30 957	24 903
94	Елец	39 516	42 235	116	Никольско-Уссурийск	30 905	—
95	Белая Церковь	37 958	28 266	117	Покровск *	30 025	30 642
96	Петропавловск	37 276	29 723	118	Маргелан	29 696	—
97	Псков	37 157	31 659	119	Каменец *	29 533	31 548
98	Серпухов	36 923	28 622	120	Бахмут	29 294	23 605
99	Чернигов	36 744	29 995	121	Конотоп	29 104	25 636
100	Бобруйск	36 656	32 132 (1922)	122	Белгород	28 756	26 274
101	Сумы	36 495	37 216	123	Новгород	28 518	24 831
102	Борисоглебск	35 359	38 801	124	Кронштадт	28 305	23 815
103	Ейск	34 776	42 253	125	Мотовилиха, завод	27 701	29 536
104	Нежин	34 475	29 630	126	Крапоткин	27 445	33 642
105	Хабаровск	34 338	—	127	Ржев	27 341	25 694
				128	Махач-Кала	27 159	—
				129	Нижний-Тагил	26 921	37 799

№ по порядку	Города и поселки городского типа	Число жителей		№ по порядку	Города и поселки городского типа	Число жителей	
		в 1923 г.	в 1920 г.			в 1923 г.	в 1920 г.
130	Кузнецк	26 898	27 093	152	Бузулук	22 058	32 461
131	Шуя	26 849	16 112	153	Кисловодск	22 056	21 732
132	Моршанск	26 782	27 927	154	Вязьма	21 995	16 497
133	Керчь	26 133	36 276	155	Бердянск	21 954	37 031
134	Прилуки	25 842	23 683	156	Курган	21 782	26 916
135	Вольск	25 684	33 996	157	Георгиевск	21 765	20 939
136	Стерлитамак	25 589	26 935	158	Верхнеудинск *	21 635	—
137	Лабинская, станица	25 585	25 864	159	Балашов	21 606	25 971
138	Коломна	25 449	20 964	160	Вышний Волочек	21 575	18 238
139	Ахтырка	25 361	25 192	161	Ковров	21 475	17 313
140	Богородск *	25 281	16 554	162	Славянск	21 456	31 479
141	Троицк	24 912	36 411	163	Николаевск	21 450	21 524
142	Первомайск	24 910	24 744	164	Смела, местечко	21 424	25 428
143	Проскуров *	24 880	18 138	165	Егорьевск	21 414	12 553
144	Кирсанов	24 446	19 524	166	Бутурлиновка	21 352	27 688
145	Бежица	24 124	21 006	167	Кустанай	20 785	20 115
146	Амур-Нижнеднепровск	23 900	26 976	168	Ливны	20 753	19 770
147	Рославль	23 511	24 138	169	Рассказово, село	20 463	21 219
148	Мелитополь	23 331	22 423	170	Орша	20 414	15 939
149	Пишпек *	23 094	—	171	Сарапул	20 190	24 311
150	Феодосия	22 737	35 392	172	Ессентуки	20 115	20 239
151	Петрозаводск	22 135	19 256	173	Липецк	20 073	22 099

* Сохранено наименование 1925 г.

Распределение промышленных заведений и числа занятых в них лиц по районам[1] СССР

По данным переписи 1920 г.

Районы	Всего		В том числе промышленные заведения, действовавшие в 1920 г.						Распределение общего числа занятых в действовавших заведениях лиц по социальному положению			
			Всего		В том числе заведения, применяющие наемный труд				Наемные			
							В том числе заведения, принадлежащие государству					
	Общее число заведений	Число занятых в них лиц (в тыс.)	Общее число заведений	Число занятых в них лиц (в тыс.)	Общее число заведений	Число занятых в них лиц (в тыс.)	Общее число заведений	Число занятых в них лиц (в тыс.)	Рабочие (в тыс.)	Служащие (в тыс.)	Владельцы и помогающие члены семьи (в тыс.)	Совладельцы, члены артели, кооператоры и прочие (в тыс.)
По СССР[2]	412 707	2953,3	358 447	2789,1	85 796	2295,4	37 226	1983,8	1913,3	309,6	371,0	195,2
РСФСР	349 227	2516,5	299 383	2368,2	73 975	1948,7	33 699	1697,9	1624,6	262,9	315,0	165,7
Европейская часть РСФСР	250 868	2045,5	208 479	1910,0	51 722	1613,6	26 195	1444,5	1346,0	216,2	221,5	126,3
В том числе:												
Северный район	16 682	61,0	13 974	57,3	2 475	34,7	844	27,6	25,8	5,7	17,8	8,0
Приозерный	19 441	217,0	16 223	207,7	4 292	186,3	2 459	172,4	155,6	27,8	16,2	8,1
Московско-Промышленный	68 893	917,0	55 193	828,5	15 607	746,2	8 265	672,9	616,4	92,0	65,4	54,7
Западный	14 067	59,4	12 556	57,1	2 702	42,7	1 123	32,6	35,2	5,8	14,2	1,9
Центрально-Земледельческий	50 003	211,5	40 228	196,4	6 163	138,4	3 598	124,3	114,9	21,2	47,9	12,4
Приуральский	47 565	355,6	40 357	343,6	12 659	289,9	6 027	258,9	246,4	35,7	38,5	23,0
Среднее Поволжье[3]	21 484	110,1	18 957	107,2	3 788	76,7	1 598	66,3	62,4	12,5	17,4	14,9
Нижнее Поволжье	12 733	113,9	10 991	112,2	403	98,7	2 281	89,5	82,7	14,8	11,7	3,0
Крымская АССР	3 355	29,5	2 745	27,1	1 405	24,7	1 035	22,3	20,5	3,1	1,8	1,7
Северный Кавказ[4]	22 742	120,0	21 058	116,5	6 277	88,8	1 649	60,7	74,2	11,1	23,8	7,4
Киргизская АССР	11 035	52,6	10 123	51,1	3 037	39,4	1 152	29,6	34,4	5,4	9,2	2,1
Туркестанская АССР	14 673	66,8	13 731	65,5	1 891	38,6	955	34,7	29,9	5,9	15,9	13,8
Западная Сибирь[5]	46 554	202,1	43 449	198,0	9 643	143,6	2 713	106,1	119,6	21,2	42,8	14,4
Украинская ССР[6]	63 480	436,8	58 862	420,9	11 821	346,7	3 527	285,9	288,7	46,7	56,0	29,5

[1] Итоги в границах районов на 28 августа 1920 г.

[2] Без Белорусской ССР, Восточной Сибири, Дальневосточной области, Азербайджана, Армении и Грузии, в которых перепись 1920 г. не производилась.

[3] Без Самарской губ. (материалы переписи уничтожены пожаром).

[4] Без Горской АССР.

[5] Западная Сибирь взята в составе губерний: Алтайской, Енисейской, Иркутской, Омской, Томской (в старых границах) и Тюменской.

[6] Без Волынской, Запорожской, Подольской и Кременчугской губерний.

Распределение промышленных заведений и числа занятых в них лиц по группам производств

По данным переписи 1920 г.

Группы производств	Всего		В том числе про шие в 1920 г. мышленные заведения, действовав-						Распределение общего числа занятых в действовавших заведениях лиц по социальному положению			
			Всего		В том числе заведения, применяющие наемный труд				Наемные			
							В том числе заведения, принадлежащие государству					
	Общее число заведений	Число занятых в них лиц (в тыс.)	Общее число заведений	Число занятых в них лиц (в тыс.)	Общее число заведений	Число занятых в них лиц (в тыс.)	Общее число заведений	Число занятых в них лиц (в тыс.)	Рабочие (в тыс.)	Служащие (в тыс.)	Владельцы и помогающие члены семьи (в тыс.)	Совладельцы, члены артели, кооператоры и проч. (в тыс.)
Рыболовство и охота	1 261	43,4	1 149	43,3	358	34,1	291	29,9	27,3	3,6	1,5	10,9
Добыв. и обраб. камн., земель и глин	7 725	98,3	5 602	89,5	2 165	79,6	1 206	71,1	69,6	7,0	6,4	6,5
Горная и горнозаводская пром.	1 517	273,9	1 087	267,0	1 064	263,8	980	261,6	240,0	26,4	0,3	0,3
Металлообрабат. промышл.	91 450	261,2	80 495	254,0	14 788	159,4	5 877	122,5	133,1	19,3	82,8	18,8
Производство маш., инстр. и аппарат.	4 809	367,7	4 303	363,7	2 190	352,8	1 430	337,7	293,5	60,4	3,6	6,2
Обработка дерева	23 264	176,2	20 431	166,2	5 445	124,3	3 556	107,2	89,4	14,9	24,2	37,7
Химическая промышленность	2 392	70,1	1 779	67,4	1 137	64,5	623	58,5	54,1	10,9	0,9	1,5
Производство пищевых продуктов, напитков и наркотиков	220 752	644,0	190 537	598,5	39 981	361,5	13 967	232,8	274,1	56,8	209,5	58,1
Обраб. тверд. матер. животн. происх.	566	5,1	438	4,8	281	3,9	189	3,1	3,3	0,7	0,3	0,5
Кожевенная и меховая пром.	12 438	95,0	10 160	92,7	4 140	76,5	1 526	55,2	65,7	7,3	10,9	8,8
Производства по обр. хлопка	3 457	188,2	2 909	125,3	346	121,2	228	115,6	109,4	10,8	3,6	1,5
шерсти	4 719	63,7	3 825	59,7	673	52,8	286	49,9	47,7	4,9	5,4	1,7
шелка	409	5,8	342	4,9	79	4,5	42	4,2	4,1	0,3	0,4	0,1
льна	528	51,0	441	48,2	227	47,7	149	44,9	44,2	3,5	0,4	0,1
пеньки и пр. волокн. вещ. растит. происх.	1 078	19,9	947	19,5	279	15,4	148	12,0	11,9	0,9	1,5	5,2
Производства по обработке смешан. волокнистых веществ	56	1,8	32	1,7	22	1,4	15	1,2	1,2	0,1	0,01	0,4
Одежда и туалет	28 686	247,5	27 075	245,1	8 267	198,9	3 233	156,8	174,8	15,9	25,7	28,7
Обработка бумаги	398	28,3	271	26,7	218	26,6	137	25,9	23,7	2,9	0,05	0,1
Полиграфическ. производства	2 139	60,1	1 954	59,8	1 288	58,6	983	52,1	53,3	5,1	0,9	0,5
Худож. и прикл. научн. промышл.	2 526	15,1	2 293	14,8	612	11,9	247	7,9	8,6	2,0	2,2	2,0
Производство и передача физич. сил и водоснабжение	1 390	29,8	1 276	29,2	1 267	29,2	1 216	28,9	23,2	6,0	0,03	0,003
Инженерно-строительн. дело	36	5,9	34	5,9	32	5,9	29	5,7	4,9	1,0	—	—
Строительная промышленность	406	9,1	371	9,1	243	8,8	191	8,4	7,8	1,0	0,2	0,1
Очистка жилищ, дворов и проездов	60	2,1	59	2,1	57	2,1	44	2,0	1,9	0,2	0,02	0,02
Транспорт (ж.-д. мастерские)	645	190,1	637	190,0	637	190,0	633	188,7	143,8	46,2	—	—
Итого по всем группам производств	412 707	2953,3	358 447	2789,1	85 796	2295,4	37 226	1983,8	1913,3	309,6	371,0	195,2

Демографический и социально-политический состав армии в 1913, 1920 и 1923 гг.

Годы	На 100 военнослужащих приходится																			
	В возрастах				По национальностям								По семейному положению			По партийности		По происхождению		
	До 20 лет	20—24	25 лет и старше	Грамотных	Русских и белорусов	Украинцев	Поляков	Литовцев и латышей	Немцев	Евреев	Татар и башкир	Прочих	Холостых	Женатых	Вдовых и разведенных	Коммунистов	Прочих	Рабочих	Крестьян	Прочих
1913	—	—	—	73,0	77,7		8,7	1,7	1,3	4,0	3,0	3,6	64,9	34,7	0,4	—	—	14,1	69,3	16,6
1920	14,4	39,4	46,2	82,7	81,7	5,9	0,8	0,7	0,7	1,4	4,1	4,7	51,5	47,4	1,1	5,8	94,2	14,8	77,0	8,2
1923	4,1	69,8	26,1	95,7	67,6	22,6	1,1	0,7	0,7	2,2	1,1	4,0	66,2	31,5	2,3	11,4	88,6	16,9	70,4	12,7

Мобилизации 1914—1918 гг.

	По категориям военнообязанных							По срокам мобилизаций					
	Действительной службы	Запасных	Ополченцев 1 разряда	Ополченцев 2 разряда	Новобранцев	Переосвидетельствованных белобилетников	Итого	Находилось в войсках до начала войны	До 1 января 1915 года	1915 год	1916 год	1917 год	Итого
Абсол. числа (тыс.)	1423	3115	3110	3075	4200	200	15123	1423	5115	5010	2745	830	15123
В %%	9,4	20,6	20,6	20,3	27,8	1,3	100,0	9,4	33,8	33,1	18,2	5,5	100,0

Социальный состав Красной Армии по переписи 1920 г.

	На 100 военнослужащих приходится					
	Рабочих	Служащих	Хозяев без наемных рабочих	Помогающих членов семьи	Хозяев с наемными рабочими	Прочих
По общей численности	14,8	7,0	54, 8	22,8	0,3	0,3
Из них:						
с профессиональным навыком	50,3	30,9	9,4	7,0	0,9	1,5
с земледельческими профессиями	4,3	—	68,0	27,5	0,2	—

Диаграмма о людских потерях России на 1920 г., составленная С. Г. Струмилиным

1. Население трудоспособного возраста (16—49 лет)
2. Население нетрудоспособного возраста (0—15, 50 и выше)
3. Потери в результате войны и блокады
4. Кривая фактического населения по данным переписи 1920 г.
5. Кривая гипотетического населения по данным 1914 г. (при условии нормального естественного прироста)

Источник: *Струмилин С. Г.* Наши трудовые ресурсы и перспективы // Хозяйственное строительство. М., 1922. Вып. 2.

Ущерб (в млн. душ) во всем населении
132,8
13,7%
В населении трудоспособного возраста
57,0
20,2%
Ущерб в мужском и женском населении (в млн. душ)
69,8
8,6%
63,1
18,8%
население в тысячах душ
МУЖЧИНЫ
ЖЕНЩИНЫ

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ *

* Составлен Т. В. Серегиной.

ОГЛАВЛЕНИЕ